

АГЕНТСТВО ПОДДЕРЖКИ КУЛЬТУРНЫХ ИНИЦИАТИВ
«ТРАНЗИТ»

ПРОБЛЕМЫ БАЛТИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Сборник научных трудов

Выпуск 1

Калининград
Издательство Калининградского государственного университета
2003

УДК 902(474)
ББК 63.4(2)я43
П 781

Редакционная коллегия

Э.Б. Зальцман (Неолитический отряд БАЭ ИА РАН) – научный редактор; *Е.Ю. Галубева* (Неолитический отряд БАЭ ИА РАН); *П.О. Дементьев* (Калининградский государственный университет & КРОО АПКИ «Транзит»);
А.В. Сырватко, кандидат педагогических наук (КРОО АПКИ «Транзит»)

Ответственность за достоверность публикуемых материалов
несут авторы

Проблемы балтийской археологии: Сб. науч. тр. / Агентство поддержки культурных инициатив «Транзит». – Калининград: Изд-во КГУ, 2003. – Вып. 1. – 152 с.
ISBN 5-88874-322-2.

В сборнике представлены научные статьи исследователей древнейшей истории Балтийского региона из России и Польши. Статьи посвящены различным проблемам археологии каменного, бронзового и железного веков в Прибалтике и на сопредельных территориях.

Предназначается преподавателям и студентам вузов для использования в учебной и научно-исследовательской деятельности, а также всем тем, кто интересуется проблемами балтийской археологии.

УДК 902(474)
ББК 63.4(2)я43

© Коллектив авторов, 2003
© Курпаков В.Ю., оформление серии, 2003
© Агентство поддержки культурных инициатив «Транзит», 2003

ISBN 5-88874-322-2

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. КАМЕННЫЙ И БРОНЗОВЫЙ ВЕКА	4
<i>Тимофеев В.И.</i> История изучения памятников каменного века на территории Калининградской области в довоенный период.....	4
<i>Лисицын С.Н.</i> Колонизация территории Великого водораздела в финальном палеолите	14
<i>Герасимов Д.В.</i> Периодизация и хронология неолитических памятников юга Карельского перешейка	30
<i>Józwiak B.</i> Osadnictwo społeczności kultury niemieńskiej na Niziu Polski w międzyrzeczu Odry i Wisły, w świetle źródeł ceramicznych ...	38
<i>Зальцман Э.Б.</i> Поселение жуцевской (приморской) культуры Прибрежное	50
<i>Ślusarska K.</i> Wschodnioeuropejska odnoga w systemie szlaków bursztynowych w różnej epoce brązu w świetle najnowszych odkryć w strefie Północnego Pontu	76
РАЗДЕЛ 2. ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК	85
<i>Кулаков В.И.</i> Скандинавское язычество эпохи викингов на востоке Балтии	85
<i>Гусаков М.Г.</i> Хозяйство древних пруссов X-XIII вв. (по материалам археологии)	93
<i>Валуев А.А.</i> Итоги изучения грунтового могильника Альт-Велу.....	104
<i>Ефремов А.А.</i> Прусская лепная погребальная керамика.....	117
<i>Сакса А.И., Бельский С.В., Курбатов А.В., Палякова Н.Ю.</i> Выборг – первые века истории (некоторые итоги исследований 1998-2001 гг.).....	129
РАЗДЕЛ 3. БИБЛИОГРАФИЯ	141
<i>Дементьев И.О.</i> Археология Юго-Восточной Прибалтики. Библиография на русском языке (1951-2002)	141
<i>Агентство поддержки культурных инициатив «Транзит»</i>	151

РАЗДЕЛ 1

КАМЕННЫЙ И БРОНЗОВЫЙ ВЕКА

В.И. Тимофеев¹
(Санкт-Петербург, Россия)

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ КАМЕННОГО ВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В ДОВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Первые этапы изучения каменного века на рассматриваемой территории связаны с деятельностью восточнопрусских археологов. С середины – второй половины XIX в. экскурсии немецких любителей древности принимают организованный и целенаправленный характер. В 1844 г. в Кёнигсберге образуется «Общество древностей Пруссии» («Altertumsgesellschaft Prussia»), в 1870 г. – природоведческое общество («Physikalisch-Ökonomische Gesellschaft»). Они имели свои периодические печатные издания, в которых публиковались и сведения о находках древностей. Большое значение имела организация в Кёнигсберге музея «Общества древностей» («Prussiamuseum»), в который поступали отдельные археологические находки с территории Восточной Пруссии и материалы, полученные в результате довольно широко практиковавшихся раскопок частных лиц. Положительное значение имеет тот факт, что поступившие в фонды музея материалы систематически характеризовались в специальном разделе очередного выпуска «Отчётов о заседаниях Общества древностей», где перечислялись археологические древности, поступившие в музей за время, прошедшее с выхода предыдущего номера журнала (раздел «Accessiones des Prussia Museum», т.е. «Поступления в Музей Пруссии»). Иногда встречаются описания и рисунки вещей. Так, в соответствующем разделе за 1889 г. можно найти подробное описание первой находки бесспорно палеолитического возраста на территории Восточной Пруссии – куса рога северного оленя со следами обработки, найденного близ населённого пункта Ropelken (ныне с. Высокое Славского р-на Калининградской области). Изложены также обстоятельства обнаружения этой древности (при углублении русла речки Мелава), дан глазомерный план, на котором ука-

---

¹ Тимофеев Владимир Иванович – кандидат исторических наук, заведующий отделом палеолита Института истории материальной культуры РАН.

заны места находок других предметов, обнаруженных при земляных работах.

Насколько можно судить, большинство сведений о находках поступало от представителей местной интеллигенции, чиновничества и землевладельцев. В отдельных округах среди членов «Общества древностей» имелись специальные лица, ответственные за древности, находямые при различного рода земляных работах. В течение всего времени своего существования «Общество древностей» вело активную работу. Первоначально количество предметов, относившихся к каменному веку, было весьма незначительным по сравнению с предметами, происходившими из могильников римского времени и эпохи Средневековья.

Активизация деятельности в отношении изучения более ранних периодов древней истории относится к последней четверти XIX в. и связывается, в первую очередь, с именами крупных немецких археологов того времени Отто Тишлера (1843-1891) и Адальберта Бецценбергера (1851-1928). Так, Тишлер проводил в течение трёх полевых сезонов (1874-1876) целенаправленное обследование дюнных стоянок позднего каменного века на Куршской косе, им была осмотрена коса на всем её протяжении и отмечено около ста местонахождений.

В целом из района Куршской косы тогда было получено значительное количество материалов, относящихся в основном к поздненеолитической культуре шнуровой керамики. В предшествующее О.Тишлеру время здесь производили сборы с развееанных местонахождений и, по-видимому, небольшие раскопки любительского характера фон Биирбом, Шумани, Буйак, Берендт, Хенше, Шиффердеккер (последний – неоднократно), а позднее, в конце XIX и начале XX века, А.Бецценбергер [3] и Э. Холлак. К сожалению, подробные публикации полученных материалов отсутствуют, и, по-видимому, большая их часть оказалась депаспортизованной. Во всяком случае, во всех последующих опубликованных работах немецких авторов большинство этих материалов рассматривается суммарно, как происходящие «с Куршской косы», как правило, без более точного указания отдельных местонахождений.

В начале XX века интерес к сборам материалов с поселений Куршской косы угас. Из других районов, входящих в состав современной Калининградской области, тогда были известны преимущественно отдельные находки, относящиеся к каменному веку. В целом период развития восточнопрусской археологии по первое десятилетие XX века включительно можно рассматривать как период первоначального накопления материала, относящегося к различным периодам древней истории этой территории. Определённым итогом этого периода можно считать публикацию сводной работы Э. Холлака [20], в которой был приведён перечень пунктов археологических находок с территории Восточной Пруссии и предпринята попытка систематизации этого материала на основе классической периодизации Томсена. Характерно,

что Холлак не обратил ещё внимание на древнейшие, докерамические находки, считая наиболее ранними из известных с этой территории памятников стоянки культуры шнуровой керамики.

Впервые вопрос об общей периодизации находок каменного века в Восточной Пруссии был поставлен А. Беценбергером [4], однако материал, которым он оперировал, был очень незначителен. Так, среди находок «льдовеяного времени» (т.е. относящихся к эпохе мезолита) им приводились: заготовка так называемой мотыги типа Лингбю из Rossitten (ныне Рыбачий), обломки костей мамонта с сомнительными следами их обработки с территории северо-восточной части современной Польши (более поздними авторами эта находка не привлекалась) и «архаического облика кремневая пластина», найденная близ Кёнигсберга. Сейчас исследователи хорошо знают, что отдельные «архаического облика» пластины могут быть найдены в коллекциях, относящихся ко всем этапам каменного века, а также и к более поздним периодам. В целом, заметного резонанса эта попытка А.Беценбергера не получила.

Первые публикации, в которых на профессиональном уровне был дан анализ восточнопруссских материалов каменного века, относятся к концу первой – началу второй четверти XX века. Наиболее ранней среди них является, по-видимому, статья В. Ля-Бома [25], выделившего из общей массы материала немногочисленные известные к тому времени палеолитические находки. В их числе были упомянутый предмет из рога, найденный в 1836 г. близ Ropelken, и находки с территории современной Польши. На основании их Ля-Бом сделал правильный вывод о первичном заселении Восточной Пруссии в позднеледниковое время и сопоставил эти изделия с находками из мадленских стоянок более западных областей. Сходное мнение было высказано затем В. Гэрте [13]. Следует сказать, однако, что к числу палеолитических изделий Гэрте были отнесены и недостоверные находки из Bagdohnen (современная Литва) и Kumilsko (северо-восток современной Польши).

Монографии Гэрте, выпущенные в свет в начале второй четверти XX века, «Керамика каменного века Восточной Пруссии» и «Доистория Восточной Пруссии» [11; 13], сыграли очень большую роль в развитии восточнопруссской археологии каменного века. Для характеристики каменного века были привлечены материалы Юго-Западной Прибалтики и Финляндии, где к тому времени соответствующая проблематика была более разработана. В «Доистории Восточной Пруссии» Гэрте впервые выделил из числа уже довольно многочисленных к тому времени находок, полученных при мелиоративных работах в торфяниках, предметы из кости и рога, относящиеся к среднему каменному веку – мезолиту. Была предложена их типологизация и проведено сопоставление с мезолитическими орудиями из Дании, где к тому времени уже были раскопаны классические стоянки культуры Маглемозе. Много было сделано Гэрте по изучению неолитической керамики – ведущего вида источников для коллекций позднего каменного века. В обширной моно-

графии [11], сопровождавшейся фундаментальным альбомом иллюстраций, был собран весь имевшийся с памятников Восточной Пруссии материал, дана его классификация, разработан, в определённой степени, вопрос о территориальных группах неолитической керамики и предложена, правда, не всегда последовательно, схема ее относительной хронологии. Для последующих поколений археологов, работающих над материалами памятников каменного века Калининградской области, работа Гэрте важна также тем, что в ней приведено большое количество находок с поселений Цедмарской группы (расположены близ деревни Брюсово и бывшей деревни Серово Озёрского р-на) и происходящих из раскопок археолога-любителя, генерала К.Штади. Впоследствии материалы Штади, получившие широкую известность в научной литературе, были утрачены, и работа Гэрте, наряду с немногими [7; 18; 27], оказалась основным источником, по которому можно было судить об интереснейших материалах. В работе Гэрте приведено много данных и по памятникам Куршской косы (к сожалению, в большинстве случаев материал был уже депаспортизован). Большой интерес представляют также сведения об обследованной Гэрте неолитической стоянке, расположенной на берегу реки Прегель (Преголя) в черте современного Калининграда. Обобщая материалы (на основе типологического изучения керамики), Гэрте предложил схему периодизации неолита территории Восточной Пруссии и выделил среди них находки нескольких неолитических культур – ранне-неолитической культуры Эртебелле («Цедмар-Эртебелле»), представленной лишь в материалах стоянок Цедмар А и Д, воронковидных кубков («позднемегалитическую») по материалам с территории современной Польши и отнесенным к той же культуре некоторым находкам из стоянок Цедмара и Куршской косы, шаровидных амфор (находки с территории современной Польши), гребенчатой («зубчатой») керамики («Kammkeramik»), представленной стоянкой в черте современного Калининграда, а также некоторыми находками из Цедмарского торфяника и Куршской косы, поздне-неолитической культуры шнуровой керамики, представленной, прежде всего, местонахождениями Куршской косы. Некоторые типы керамики, характерные для стоянок Цедмара, и некоторые виды шнуровой керамики были также обозначены как особые группы по формальным признакам [10; 12].

Несколько позже материалы каменного века Восточной Пруссии были подробно рассмотрены в монографиях К. Энгеля и В. Ля-Бома [7; 8; 9], уделивших много внимания вопросам изучения мезолита и неолита. Анализируя имевшиеся к тому времени (немногочисленные и, как сейчас ясно, не отражающие реальную ситуацию мезолитического периода) данные, Энгель пришёл к выводу, что большая часть территории Восточной Пруссии была занята в эпоху мезолита племенами «культуры костяных орудий» («Knochenkultur»), ареал которой охватывал северо-восточную часть современной Польши, почти всю терри-

тории современной Калининградской области и уходил далее на восток, смыкаясь с ареалом культуры Кунда. Материалы «Knochenkultur», по Энгелю, были представлены находками орудий из кости и рога, полученными преимущественно при проведении мелиоративных работ в торфяниках. В очерченном им ареале была известна лишь одна мезолитическая стоянка с выраженным культурным слоем, расположенная в южной части современной Калининградской области, близ пос. Сеченово Озёрского р-на (бывший Menturren округа Darkehmen). Культурный слой памятника залегал на глубине 2-3 м, раскопок его не производилось, материалы были получены разведочным шурфом, заложенным в 1921 г. известным немецким археологом М. Эбертом (1879-1929), проживавшим в это время в Кёнигсберге, составителем и редактором получившего широкую известность фундаментального словаря-справочника по доистории «Reallexikon der Vorgeschichte». К другой мезолитической культуре, «культуре кремневых пластин» («Klingenkultur»), или свидеро-тарденуазской, Энгелем были отнесены местонахождения с пластинчатым микролитовидным инвентарём с территории Мазурских озёр (Польша), пограничного с ними участка современной Калининградской области (находки с Виштынецкого озера) и юго-восточной Литвы. «Культуре пластин» в мезолите Восточной Пруссии посвящена также статья Гэрте [14]. Кроме памятников «культуры пластин» К. Энгелем было отмечено несколько местонахождений с кремневым инвентарем иного облика, расположенных в западной, приморской, части современной Калининградской области: Rokirben (Журавлёвка Зеленоградского р-на), Schelecken (Шолохово Славского р-на), Juditten в черте современного Калининграда. Крупные, грубого облика кремневые орудия, происходящие с этих местонахождений, напоминали Энгелю инвентарь западноприбалтийской культуры Эртебелле. Следует сказать, что общее количество материалов, в частности «массивных кремневых орудий», было очень незначительным. Так, из Juditten в литературе упоминается лишь находка крупного кремневого скребка, из Rokirben – крупный скребок, пластины и «массивные рубящие орудия» [7, S.318]. Местонахождение близ Шолохово относится скорее всего к финальнопалеолитическому времени. Среди находок с этого местонахождения опубликована серия наконечников стрел ранних типов, в том числе аренсбургских [14, Fig.3 - b,c]. В целом выделение группы стоянок с кремневым инвентарём, близким культуре Эртебелле в пределах современной Калининградской области, представляется необоснованным. Общие представления Энгеля о мезолитических культурах Европы сформировались, судя по всему, под сильным воздействием распространённой тогда концепции О. Менгина [26] и в значительной степени были обусловлены неизученностью мезолитических поселений рассматриваемой территории, выборочным характером имевшегося в распоряжении К. Энгеля материала, представленного в основном случайными находками.

Взгляды Энгеля на неолитические материалы Восточной Пруссии значительно отличались от положений, сформулированных в работах В. Гэрте. Энгель скептически отнесся к материалам «культуры Эртебелле», выделенным Гэрте из находок на цедмарских поселениях, относил их, как и все неолитические находки, не принадлежащие к культуре воронковидных кубков, к североевроазнатскому культурному кругу памятников с гребенчатой керамикой, связываемому с предками финно-угорских племен. Несомненно положительным в работах Энгеля является обилие собранного и в определенной мере систематизированного материала, в том числе относящегося к памятникам, введенным в литературу предшествующими авторами, но в значительной степени оставшимися неопубликованными. Так, только из работ Энгеля можно было получить представление о характере кремневых орудий, найденных на неолитических памятниках Цедмарского торфяника [7], им были сведены данные о дюнных поселениях Куршской косы [6], впервые охарактеризованы находки из целого ряда местонахождений. В то же время в работах Энгеля отчетливо выступают положения школы Г. Коссины. Особенно проявляется не скрываемая Энгелем тенденциозность в вопросах этнического содержания рассматриваемых культур, в частности, в постулировании происхождения культуры шнуровой керамики Восточной Прибалтики «из зелёного сердца Германии – Тюрингии и Саксонии» [8, S.34]. Нельзя умолчать и о том, что в монографиях Энгеля имеются абзацы с рассуждениями о значении изучения доистории «для национальной политики национал-социалистического государства» и т.п.

Своеобразной и яркой фигурой в истории изучения каменного века бывшей Восточной Пруссии является Хуго Гросс, издавший в 1930 – 1940-х гг. ряд работ по первобытной археологии и палеогеографии этой территории. В статьях Гросса содержится обильный фактический материал о находках мезолитического, финальнопалеолитического, а также, в меньшей степени, неолитического времени, собраны накопленные к тому времени факты об истории развития природной обстановки в позднем плейстоцене – раннем голоцене, преимущественно для восточной и северной частей бывшей Восточной Пруссии. Особенно интересовали Гросса вопросы первоначального заселения этой территории. Материалы, имеющие отношение к данной проблематике, были им рассмотрены в специальных статьях [16; 17], где была предложена периодизация находок финальнопалеолитического и мезолитического времени и рассмотрены вопросы их культурной атрибуции. Основой для разработки хронологии Гроссу служили данные спорово-пыльцевого анализа торфяников, в которых были найдены предметы каменного века. В результате ряд отдельных находок предметов из кости и рога был датирован позднеплейстоценовым временем. Было высказано мнение о возможности их связи с синхронными комплексами кремневой индустрии свидерской культуры. Это положение впоследст-

випи плодотворно разрабатывалось крупным польским археологом С.К. Козловским [23; 24]. Аналогичное исследование было предпринято Гроссом для находок мезолитического времени: большая часть была им отнесена к началу голоцена, пребореальному – началу бореального климатических периодов.

Значительную роль в развитии взглядов на неолит Восточной Пруссии, в особенности его хронологию, сыграла статья Гросса, посвящённая изучению материалов неолитических стоянок Цедмарского торфяника [18]. Типологическое изучение находок из многолетних лоботельских раскопок, проведённых на торфянике К. Штади, привело Х. Гросса к выводу о возможности выделения среди них разновременных групп керамики: поздненеолитической, средненеолитической, ранней гребенчато-ямочной, раннеолитической керамики типа «Цедмар-Эртебелле».

Орудия из кости и рога были разделены на две группы: рубящие орудия из рога благородного оленя, связывавшиеся Гроссом с керамикой «пиша Эртебелле», и набор орудий архаического облика, выделенный в особый мезолитический комплекс. Спорово-пыльцевой анализ показал, что образование отложений в торфянике, в районе раскопок К.Штади, происходило длительное время – с бореального по суббореальный климатический периоды. Соответственно, указанные группы материала были «распределены» по литологическим слоям. Так, группа «Цедмар – Эртебелле» была отнесена к пылевой зоне VI по Ф.Фирбасу, т.е. к довольно ранней поре атлантического периода, не позднее IV тыс. до н. э.

Исследования, проведённые на стоянках Цедмарского торфяника в наше время [1; 2], в целом не подтвердили хронологического расчленения материалов, предложенного Гроссом. Оно явилось результатом умозрительных построений Гросса, в определённой мере механическим перенесением схем, полученных на материалах других, территориально удалённых регионов (Юго-Западная Прибалтика, Финляндия). При рассмотрении оснований положений Гросса бросается в глаза неподкреплённость их документацией полевых археологических исследований. Палинологическое изучение стратиграфических разрезов было проведено в отрыве от археологического изучения памятников. При рассмотрении данных, опубликованных Гроссом в отношении находок финальнопалеолитического и мезолитического времени, также следует быть весьма осторожным. Необходимо учитывать, что палинологические и литолого-стратиграфические исследования Гросса относятся к местонахождениям отдельных, возможно случайного характера, находок. Первоначальные сведения об этих находках исходили, как правило, не от специалистов, а последующее изучение условий залегания находок производилось Гроссом спустя несколько лет (иногда даже несколько десятков лет) после их обнаружения. Трудно представить себе, каким образом Гроссу удавалось воспроизвести особенности микро-

стратиграфии первоначального залегания предмета, исключить возможность его переотложенности, т.е. соблюсти все требования, необходимые для датировки находки средствами спорово-пыльцевого анализа, результаты которого иногда приводятся Гроссом с точностью до ста (!) лет. Особенно настораживают в этой связи результаты исследования находок из торфяника близ бывшего населённого пункта Abschritten (неподалеку от пос. Добровольск Краснознаменского района Калининградской области, находки хранятся в настоящее время в фондах Калининградского областного историко-художественного музея). Первоначальная фиксация находок производилась присутствовавшим при работах местным жандармским вахмистром. Оказалось, что группа типологически однородных находок изделий из трубчатых костей – «пешней» – хронологически охватывает интервал примерно в 7-8 тыс. лет (от беллинга до второй половины атлантического периода).

Выпесказанное не ставит целью умаление заслуг Гросса, фактически одного из пионеров профессионального применения методики естественных наук в первобытной археологии, ученого, блестяще владевшего широким спектром исследовательских приёмов различных методов, важных для определения хронологического положения находок, относящихся к каменному веку. Трудно переоценить сделанное Гроссом в отношении сбора и систематизации данных по обширному, поступавшему из разных источников археологическому материалу. Нам казалось необходимым лишь указать на слабые места принципиально важных и нередко некритически воспринимаемых исследований, результаты которых в большинстве случаев мы уже не можем проверить [15; 19].

В 1940-е гг. и позже вышло в свет несколько исследований, важных для рассматриваемой проблематики. Значительный интерес представляет сводная работа Х. Боне-Фишпер [5], в которой дан опыт обзора имевшихся материалов по каменному веку всей территории Восточной Пруссии (в основном по литературным данным). Наряду с обширным собранным материалом в ней содержится и ряд неточностей фактического и методического характера. Особо следует отметить монографию Лотара Килиана, опубликованную в 1955 г., но представляющую собой диссертацию, защищённую в довоенное время в Кёнигсбергском Альбертус-Университете [22] и посвящённую культуре шнуровой керамики на территории бывшей Восточной Пруссии. Книга Л.Килиана насыщена фактическим материалом, содержит ряд сведений, отсутствующих в работах других авторов. В определённой мере она подводит итог работам немецких археологов на памятниках культуры шнуровой керамики Восточной Пруссии. Приводится там и обзор некоторых данных о более ранних неолитических памятниках [22, S. 72-83; см. также 21].

Ряд фактических данных, отсутствующих в публикациях других авторов, содержится также в опубликованной в 1970-х гг. в ФРГ монографии крупного археолога довоенной Латвии Эдуардаса Штурмса

«Культуры каменного века Балтики» [28]. Штурмс был знаком с коллекциями Музея «Пруссия», большей частью утраченными в годы войны.

Таковы наиболее крупные фигуры и направления в изучении древностей каменного века на территории современной Калининградской области в досоветский период. Кроме охарактеризованных работ, определённые сведения о находках материалов каменного века содержатся в выпущенных в разные годы отдельных статьях и заметках разных авторов.

Завершая обзор исследований, проведённых немецкими археологами на памятниках каменного века, расположенных на территории современной Калининградской области, отметим методическую специфику этого процесса, одной из существенных сторон которого является отсутствие систематических профессиональных раскопок и проведение крупных раскопок любителями. Так, К.Штади, профессиональный уровень которого весьма низко оценивался его современниками, в течение 10 сезонов (1905-1914) проводил раскопки уникальных неолитических поселений Цедмарского торфяника (Озёрский р-н). Значительные исследователи, касавшиеся материалов рассматриваемой территории (М. Эберт, В. Гэрте, К. Энгель и др.), не проводили здесь более или менее крупных полевых исследований. Их важные и не утратившие в той или иной мере значения обобщающие работы базировались, прежде всего, на профессиональной систематизации данных, поступивших с мест благодаря хорошо налаженной системе работы членов обществ любителей древностей. Эта ответственная деятельность энтузиастов заслуживает более пристального изучения и, возможно, применения в наших условиях.

Список литературы

1. Тимофеев В.И. Неолитические памятники Калининградской области и их место в неолите Прибалтики: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ленинград, 1980.
2. Тимофеев В.И. Памятники типа Цедмар // Неолит Северной Евразии / Под ред. С.В. Ошибкиной. М., 1996. С. 162-166.
3. *Bezzenberger A.* Die Kurische Nehrung und ihre Bewohner. Stuttgart, 1889.
4. *Bezzenberger A.* Die ältere und jüngere Steinzeit in Ostpreussen // Mannus. Leipzig, 1911. Ergänzungsband 2. S. 39 ff.
5. *Bolme-Fischer H.* Ostpreussens Lebensraum in der Steinzeit // Schriften der Albertus-Universität. Nat.-Wiss. Reihe. Königsberg, 1941. Bd. 2.
6. *Engel C.* Zur Vorgeschichte der Kurischen Nehrung // Mannus. Leipzig, 1931. Ergänzungsband 8.
7. *Engel C.* Vorgeschichte der altpreuussischen Stämme. Königsberg, 1935.
8. *Engel C.* Aus ostpreussischer Vorzeit. Königsberg, 1935.
9. *Engel C., La-Baume W.* Kulturen und Völker der Frühzeit im Preussenlande. Königsberg, 1937.
10. *Gaerte W.* Kurische Nehrung // Reallexikon der Vorgeschichte. Berlin, 1926. Bd. 7. S. 197-198.
11. *Gaerte W.* Die Steinzeitliche Keramik Ostpreussens. Königsberg, 1927.

12. *Gaerte W.* Zedmar // Reallexikon der Vorgeschichte. Berlin, 1928. Bd. 14. S. 518-522.
13. *Gaerte W.* Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg, 1929.
14. *Gaerte W.* Die Mesolithische Feuersteinindustrie Ostpreussens und ihre Stellung innerhalb Europas. Eine vorläufige Übersicht // Prussia. Königsberg, 1933. №30. S.27-40.
15. *Gross H.* Moorfunde, ihre Bergung, Auswertung und Bedeutung // Altpreussen. Königsberg, 1935. Jg.1, H.1.
16. *Gross H.* Die ältesten Steinzeitfunde Altpreussens // Altpreussen. Königsberg, 1938. H.3, Jg.3. S. 83-85.
17. *Gross H.* Auf den ältesten Spuren des Menschen in Altpreussen // Prussia, H.32, Königsberg, 1938. S. 81-140.
18. *Gross H.* Moorgeologische Untersuchungen der vorgeschichtlichen Dörfer im Zedmar-Bruch // Prussia. Königsberg, 1939. H. 33, 1-2. S. 100-168.
19. *Gross H.* Mittelsteinzeitlichen Funde aus Zinten // Altpreussen. Königsberg, 1941. H.6, Jg.3. S. 34-36.
20. *Hollack E.* Erläuterungen zur vorgeschichtlichen Übersichtskarte von Ostpreussen. Berlin, 1908.
21. *Kilian L.* Neuere Funde ältester Irdenware aus Ostpreussen // Altpreussen. Königsberg, 1938. Jg. 3. S. 85 ff.
22. *Kilian L.* Haffküstenkultur und Ursprung der Balten. Bonn, 1955.
23. *Kozłowski S. K.* Z problematiki polskiego mezolitu (cz. 9) // K sprawie granicy paleolitu i mezolitu w Polsce. Światowit. 1969. T. 30. S. 117-134.
24. *Kozłowski S.K.* Z problematiki polskiego mezolitu (cz. 10) // Kosciane harpuny i ostrza mezolityczne. Światowit. 1969. T. 30. S. 135-152.
25. *La-Baume W.* Zur Kenntnis der frühesten Besiedlung Nordostdeutschland // Elbinger Jahrbuch. 1924. IV. S. 86 ff.
26. *Menghin O.* Weltgeschichte der Steinzeit. Wien, 1931.
27. *Stadie K.* Die Steinzeitdörfer der Zedmar. Göttingen, 1921. S. 148 ff.
28. *Sturms E.* Die steinzeitlichen Kulturen des Baltikums. Bonn, 1970.

С.Н. Лисицын¹
(Санкт-Петербург, Россия)

**КОЛОНИЗАЦИЯ ТЕРРИТОРИИ ВЕЛИКОГО
ВОДОРАЗДЕЛА В ФИНАЛЬНОМ ПАЛЕОЛИТЕ**

Обширный регион в междуречье великих рек Волги, Западной Двины и Днепра имеет устойчивое наименование – Великий водораздел. Это название достаточно точно определяет специфику региона, где находятся истоки основных водных артерий Восточной Европы. Великий водораздел входит в состав конечной территории распространения валдайского ледникового щита, отложения которого перекрывают напластования более древних четвертичных оледенений. Активное освоение этой зоны первобытным человеком стало возможно лишь после дегляциации Северной Балтики и прилегающих территорий, произошедшей в конце плейстоцена, и спуска приледниковых водоёмов. В последниковое время междуречье стало регионом, интенсивно насыщенным археологическими памятниками как мезолита, так и неолита. Однако вопрос о времени и истоках первоначального заселения этой территории сегодня приходится решать на материалах, недостаточно обеспеченных необходимыми данными, что неизбежно приводит к разнообразию мнений.

Последниковье на Северо-Западе Русской равнины является наименее изученным периодом каменного века и в системе археологической периодизации соответствует переходной эпохе от верхнего палеолита к мезолиту, которая получила устойчивое наименование – финальный палеолит. Финальный палеолит Северной Европы в целом имеет хронологические рамки приблизительно от 14-13 тыс. лет назад до начала голоцена, около 11/10 тыс. лет назад. Для данного времени была характерна выработка стратегии жизнеобеспечения мобильных мезолитических охотников. Важное место в этой экономико-культурной нише играл лук, свидетельством чему стало массовое производство черепковых наконечников стрел [13; 17].

К сожалению, хронология восточноевропейского финального палеолита изучена крайне фрагментарно: природные условия на рубеже плейстоцена и голоцена способствовали разрушению культурных остатков, а песчаные почвы не позволили сохраниться органике. Отдельные финальнопалеолитические памятники более или менее надёжно датированы в Юго-Восточной Прибалтике, а также в Южной Сканди-

---

¹ *Лисицын Сергей Николаевич* – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН.

навии, где сохранность органических остатков позволила сделать палинологические и радиоуглеродные определения. Для Северо-Запада Русской равнины такие данные единичны. Поэтому материалы местного финального палеолита датируются в широком диапазоне. Его нижний предел определяется исчезновением наиболее поздних памятников верхнепалеолитической традиции в бассейне Десны и Днепра (Тимоновка, Юдиново, Супонево, Чулатово и др.) и Оки (Шатрищи), имеющих радиоуглеродные определения 14-13 тыс. лет назад [3; 27; 33]. Верхним хронологическим репером служит появление надёжно датированных мезолитических культур, наследующих культурные традиции финального палеолита: кундской в Восточной Прибалтике, бутовской и иеневской в Верхневолжье (наиболее ранние абсолютные датировки порядка 10,5-9,6 тыс. лет назад [10; 18; 22]). Финальнопалеолитические памятники Великого водораздела и сопредельных территорий, попадающие в хронологическую лагуну 13-10 тыс. лет назад, слабо исследованы, чтобы дать исчерпывающее представление о первых этапах колонизации региона.

Существенное значение для хронологии заселения играют палеогеографические данные. Наиболее отчетливые следы дегляциации и освобождения значительной территории запада Восточной Европы от ледника фиксируются в самом конце плейстоцена, около 15-14 тыс. лет назад. Ледник в краевой зоне распался тогда на множество микроязыков. Днепро-Двинско-Волжское междуречье в этот период входило в полосу краевых ледниковых образований (рис. 2).

В раннем дриасе (13,0-12,8 тыс. лет назад), сопровождавшемся суровыми климатическими условиями и распространением полярной флоры, ледник частично сохранял контроль над междуречьем Западной Двины и Волги. Лишь в беллинге (12,8-12,3 тыс. лет назад) льды повсеместно отступили от Великого водораздела, и на приледниковых территориях обычная береза повсеместно вытеснила карликовую. Скорее всего значительная часть бассейна Верхнего Днепра в этот период уже подходила для обитания человека, а Двинско-Волжское междуречье было пригодно как зона периодического посещения.

Похолодание среднего дриаса (12,3-12,0 тыс. лет назад) на Северо-Западе Русской равнины отмечено несколькими поясами кончюморенных образований, свидетельствующих о последовательном регрессивном характере дегляциации на этом этапе. Стоит отметить, что многие современные исследователи склонны не выделять средний дриас в отдельный стаднал, а рассматривать его как завершение беллинга [39].

Глобальное аллередское потепление (12,0-11,0 тыс. лет назад), климатические условия которого почти не отличались от современных, способствовало распространению сосново-берёзовых лесов с примесью ели и широколиственных пород. Весь регион оказался пригоден для заселения человеком, однако памятники, обоснованно датированные этим временем, пока не выявлены.

Последнее наиболее значительное похолодание в позднем дриасе (11,0-10,3 тыс. лет назад) ознаменовалось временным возвращением перигляциальных условий. В палинологических спектрах пыльца трав вытесняет лесные сообщества, появляются холодолюбивые виды, включая карликовую берёзу [15]. Район верховьев Волги, Западной Двины и Днепра представлял тогда зону кустарников и предтундровых редколесий, сохранявшихся по долинам рек и озёр. Однако ухудшение климата не сопровождалось продвижением ледника южнее Северной Карелии, и весь Северо-Запад был доступен первобытным первопоселенцам.

Наступление раннего пребореального потепления (10,3-10,0 тыс. лет назад) положило конец господству холодолюбивой растительности. На рубеже плейстоцена и голоцена формируется близкий к современному климат: распространяются сосново-берёзовые лесные массивы с примесью ели и широколиственных деревьев. Некоторое понижение среднегодовых температур в позднем пребореале 10,0-9,3 тыс. лет назад выразилось в резком увеличении роли травяных и кустарниковых ассоциаций за счёт сокращения древесных пород. Лесные массивы вновь приобретают вид редколесий, но не достигают позднедриасового уровня деградации. С наступлением бореала (9,3-8,0 тыс. лет назад), вместе с которым вернулись тёплые климатические условия и теплолюбивая флора, амплитуда голоценовых климатических колебаний носила локальный характер и более не могла затруднять освоение региона людьми каменного века.

Великий водораздел, в современный геологический период на рассматриваемой территории проходящий по линии Витебск – Орша – Западная Двина – Рыбинск [2], в ледниковую эпоху (из-за изостатического опускания платформы, вызванного ледником) располагался в нескольких сотнях километров юго-восточнее. Последнее обстоятельство является очень важным для понимания закономерностей формирования обширнейших приледниковых озёр, которые существовали к северу от главного водораздела [14; 29; 32] и являлись основным препятствием на пути расселения первых поселенцев. В позднеледниковые бассейны верхнего течения Днепра и Западной Двины образовывали систему приледниковых водоёмов, частью которой являлись верхневожские озёра со стоком по днепровской прадолине (рис. 2). Современная линия водораздела сложилась лишь в раннем голоцене за счёт спуска озёр, возникших на месте ледниковых стоков юго-западного направления, когда Волга переместила свой исток от Вышневолоцкой гряды к центру Валдайской возвышенности. Таким образом, пространство, осваиваемое человеком, регулировалось прежде всего состоянием климата и гидро-системы: трансгрессиями и регрессиями водоёмов и деятельностью речных стоков.

Для реконструкции процесса первичного заселения и освоения Северо-Запада Русской равнины уместно привести сравнение с этапами

освоения человеком географически равнозначных территорий, также освобожденных ото льда в позднеледниковье. В частности, наиболее полно исследованный археологически и методами естественных наук регион Южной Скандинавии, располагающийся на той же широте, что и район Великого водораздела, даёт наиболее подробную картину процесса заселения освобожденных от ледника областей в финальном палеолите и раннем мезолите. Считается, что к началу беллинга Южная Скандинавия уже целиком освободилась от ледникового покрова [43; 44], однако наиболее раннее присутствие человека относится к более позднему времени. Памятники самой древней гамбургской культуры, происходящей из Северной Германии, в ее развитой стадии хавельт, известны лишь в южной части Ютландского полуострова (Йельс 1, Йельс 2, Слотсенг-с и др.) и относятся по радиоуглеродным и стратиграфическим данным к периоду не ранее середины – второй половины беллинга [46; 47; 48].

В южной же, а также средней Дании, включая островную территорию, найдены памятники следующей по хронологии культуры федермессер (Слотсенг-б, Слотсенг-е, Эгтвед, Фермозе, Хасселе и др.) [45; 46; 47; 48]. Северная Германия и Южная Дания считаются коренной областью формирования этой культуры (которая распространена также в Бельгии и Нидерландах), датирующейся началом-серединой среднего дриаса и доживающей до аллереда.

Лишь с началом аллередского интерстадиала (по археологическим и естественнонаучным данным) начинается освоение людьми территории Северной Дании и шведской Скании. Древнейшей местной культурой, распространившейся также на территорию Северной Германии и, возможно, Северо-Западной Польши, считается культура бромме. Она является наиболее изученной на сегодня финальнопалеолитической культурой, насчитывающей не менее 50 местонахождений и стоянок [1; 55]. На севере и северо-востоке Дании к бромме относится наибольшее число памятников (Бромме, Левенхольм, Севинд, Ланго I, Хейгорт, Троллесгаве I, Фенсмарк, Аттемозе II и др.) [46; 47; 49; 53]. В Южной Швеции к бромме относят стоянки Сегебро, Вонгамоссен, Меллеред и ряд местонахождений [51; 57]. Имеющиеся радиоуглеродные датировки и данные палинологии определяют рамки существования этой культуры в рамках аллереда – начала позднего дриаса.

Катастрофическое похолодание позднего дриаса способствовало свёртыванию процесса колонизации приледниковых областей Скандинавии и даже, возможно, оставлению людьми южной оконечности Швеции. Памятники географически широко распространённой аренсбургской культуры, которые датируются от рубежа аллереда – позднего дриаса и до раннего пребореала включительно, известны в Дании на юге Ютландии (Хьяруп Мозе, Брамдрупгорд), о. Зеландия (Бондеруп) и о. Лолланн (Селбьерг I) [41; 46; 56]. В Скании достоверные аренсбургские памятники отсутствуют, но есть ряд находок наконечников аренс-

бургского типа, впрочем, устойчиво встречающихся также в мезолитических комплексах [51].

Начало голоцена соответствует новому раннемезолитическому этапу освоения севера Ютландского и юга Скандинавского полуострова. Памятники раннего маглемозе в Дании (Бармозе, Фладет), культуры хенсбака и сандарна в Южной и Западной Швеции и фосна в Южной Норвегии, сформировавшиеся на аренсбургской основе, завершают древнейшую эпоху колонизации Южной Скандинавии [42; 43; 52].

Сопоставляя этапы ранней колонизации Южной Скандинавии и Великого водораздела, следует отметить, что их гидроресурсы коренным образом отличались. Так, в позднеледниковье сеть крупных проточных приледниковых озер на Северо-Западе Русской равнины находилась в активной фазе развития, а верховья Волги, Днепра и Западной Двины только формировались. Интенсивная эрозионная деятельность рек препятствовала освоению низких террасовых уровней, наиболее пригодных для обитания человека. Южная Скандинавия находилась под доминирующим влиянием одного приледникового водоёма – Балтики. Сокращение и расширение балтийского бассейна самым непосредственным образом отражалось на освоении прибрежных территорий [51; 52]. Крупные регрессии водоёма способствовали трансформации Балтики в относительно замкнутое озеро (Балтийское приледниковое озеро в аллереде / позднедрюасе, Анциловое озеро в борееале), а регрессии вновь превращали её в обширный морской залив (Иольдиевое и Литориновое моря в преборееале и атлантикуме). Этот важнейший экологический фактор периодически то способствовал продвижению людей из Ютландии в Южную Швецию по сухопутным мостам (древнейший – в аллереде), то, наоборот, затруднял сухопутное сообщение этих районов [6; 52].

Можно сделать два основополагающих вывода относительно возможностей раннего заселения региона Великого водораздела.

1. Условным нижним хронологическим пределом, когда было возможно заселение района, является аллередский тёплый интервал 12-11 тыс. лет назад, когда весь район обладал наиболее благоприятными природными условиями, близкими к современным. Этому не противоречит и хронология финальнопалеолитических памятников Южной Скандинавии. Однако относительно высокий уровень стояния воды в постледниковых водоёмах региона мог препятствовать сплошной колонизации территории.

2. Период позднего дрюаса также был в достаточной мере благоприятен для колонизации Великого водораздела, что уже, однако, не находит соответствия в материалах Южной Скандинавии. Последнее тем более значимо, что памятники, датирующиеся не позднее молодого дрюаса в Восточной Европе, известны и связываются с миграцией населения с побережья Балтики [13; 34]. Так, наиболее важные стратиграфические разрезы, для которых получены палинологические опреде-

ления этого времени, имеются на стоянках Подол III (2-й раскоп) и Усть-Тудовка I в Тверской области. Не исключено, что именно отток населения с территории южного побережья Балтики мог спровоцировать освоение обширных пространств на востоке в связи с наступлением последнего дриасового похолодания.

Характеристика памятников финального палеолита Великого водораздела и сопредельных районов основана на технико-типологическом анализе каменных изделий, имеющих аналогии в южнобалтийских индустриях. На территории Северо-Запада Русской равнины наиболее раннему технокомплексу финального палеолита, согласно северо-европейской хронологии, находящему аналогии в датированных аллередом стоянках Польши и Дании, соответствуют памятники с характеристиками кремневого инвентаря типа бромме. Для технокомплекса бромме [53] характерно экстенсивное первичное раскалывание жёстким отбойником, направленное на получение массивных пластинчатых заготовок, которые скалывались с призматических подконусовидных одноплощадочных и, в меньшей степени, двухплощадочных ядрищ. Орудийный набор включает массивные черешковые наконечники типа лингби, скребки на пластинчатых отщепах или укороченных пластинах, крупные резцы с множественными резцовыми сколами: двугранные, многофасеточные, а также ретушные. К технокомплексу бромме относятся как минимум несколько памятников: Аносowo I и Аносowo IV в верховьях Днепра, Подол III (ранний комплекс), Тёплый Ручей 2, Троицкое 3 в верховьях Волги. Возможно, к нему частично относится часть кремневого инвентаря верхнеднепровского памятника Вышегора I и верхневолжского – Баранова Гора, а также ряд местонахождений [4; 16; 25; 26; 34; 35].

Свидерский технокомплекс характеризуется развитой технологией получения пластин, скалывавшихся с ладьевидных двухплощадочных и одноплощадочных призматических нуклеусов с помощью мягкого отбойника [62]. В орудийный набор входят свидерские наконечники с вентральным уплощением насада, скребки и резцы (среди которых преобладают ретушные), изготовленные на пластинах. На Северо-Западе Русской равнины к свидерскому технокомплексу, датированному в Польше поздним дриасом, относятся Иванцов Бор и, вероятно, Бабурова Гора в Верхнем Подвишье, а также кремневый комплекс находок из 2-го раскопа Подола III на Валдае. Возможно также отнесение к нему комплексов находок со стоянок Марьино 4 в бассейне притока Волги р. Мологи и Дорки 6 на Валдае [8; 13; 21; 28; 34; 65].

Шаткие датированные основания для упомянутых памятников типа рассматриваемого региона порождают ряд вопросов о соотносённости во времени и пространстве групп населения обоих технокомплексов, стоянки которых расположены чересполосно в западных регионах Восточной Европы.

Технокомплекс бромме в сопредельных с рассматриваемым регионами известен пока по единичным памятникам. В белорусском течении

Днепра известна сопоставимая по составу орудий с аносовскими материалами стоянка Берестеново, отнесенная к ранней гренской культуре [23]. К технокомплексу бромме относится стоянка Красноселье Е и ряд других памятников в Украинском Полесье, отнесенных к красносельской культуре [12; 13]. В Белорусском Понеманье исследована стоянка Красносельский 5 [40] с набором инвентаря типа бромме. На территории Литвы в Понеманье известно около четырёх десятков стоянок с наконечниками типа лингби и арнсбургскими наконечниками [30; 31]. В Польше к комплексам типа бромме относятся памятники Тшебца 1 в бассейне р. Варты, Каргова Е, Яцентов 10, Новы Млын 1А и 1В, Цаловане (III) в бассейне р. Вислы [50], Волкуш 3 и 5, Бурденишки 4 в бассейне Немана [61] и другие памятники. Материалы 5а слоя Цаловане, имеющие определения С14, маркируют период обитания населения с традициями бромме-лингби в пределах второй половины – конца аллереда [58].

Для разрешения вопроса о времени проникновения носителей культурного комплекса бромме на Северо-Запад Русской равнины наибольшее значение имеют палинологические и радиоуглеродные данные стоянки Подол III (1-й раскоп) на Верхней Волге. Культурный слой памятника залегает в кровле погребенной почвы, имеющей палинологическую датировку конца аллереда, и в перекрывающих её песчаных позднедриасовых отложениях [37]. Радиоуглеродные даты, происходящие из финальнопалеолитического слоя, имеют большой разброс. Самая древняя из них 9180 ± 75 (AE-5029) соответствует пребореалу и считается омоложенной [35]. Учитывая тот факт, что к середине позднего дриаса комплекс бромме полностью исчезает на западных территориях, и то, что в конце позднего дриаса – начале пребореала в Волговерховье по палинологическим данным уже существовали вполне развитые раннемезолитические комплексы иеневской культуры и ранние памятники бутовской культуры, следует отнести материалы Подола III к периоду не позднее первой половины-середины молодого дриаса и не ранее финала аллереда 12/11 тыс. лет назад. Памятники типа Красносельский 5 в Понеманье и Аносво I и IV в Верхнем Поднепровье, Подол III и Троицкое 3 в Верхневолжье, обладающие наиболее архаичным для этого технокомплекса обликом (крупные пластинчатые заготовки, отсутствие свидерских форм, архаичная техника раскалывания), отмечают древнейшие этапы продвижения групп населения технокомплекса бромме с юга на север.

Свидерский культурный пласт финального палеолита изучен гораздо полнее, чем пласт типа бромме. На территории Белорусского и Украинского Полесья, Юго-Восточной Прибалтики, составляющих коренную область свидера, зафиксировано порядка тысячи стоянок и местонахождений, относящихся к этой культурной общности. К сожалению, подавляющее их число, так же как и большинство остальных памятников рубежа плейстоцена и голоцена, представлено местонахо-

ждениями с разрушенным культурным слоем и стоянками без естественнонаучных определений и абсолютных дат. Северо-Запад Русской равнины был маргинальной областью распространения финальнопалеолитических свидерских традиций, хотя в голоценовое время стал областью сохранения так называемого постсвидерского облика в местном мезолите и раннем неолите [17]. Ряд свидерских памятников изучен на сопредельных территориях – стоянки Яново и Баркалабово (Белорусское Поднепровье) [19; 20], стоянка Саласпилс Лаукскола (нижнее течение Даугавы) и другие памятники [11; 63; 64], более 60 памятников со свидерскими чертами кремневого инвентаря на территории Литвы в бассейне Немана. Большинство из них представлено местонахождениями со смешанным набором находок. Некоторые исследовались раскопками: Скаруляй, Эйгуляй, Эжяринас 1, 4, 11, 14 и др. [30]. Относительно чистые свидерские комплексы финальнопалеолитического облика известны практически по всему течению Припяти до Киевского Поднепровья (Березно 6, 14, Тутовичи 4, Лютка, Прибор 7 и 14, Бобровичи и др.) и, вероятно, Подесенья (Смячка XIV, Балка 1) [5; 12; 13; 17; 30; 38; 60].

Вопрос о времени и путях проникновения свидерского населения на Северо-Запад Русской равнины также достаточно сложен, но здесь больше аналитических данных. Из раскопа 2 верхневолжской стоянки Подол III имеется палинологическое определение заполнения ямы с кремневым инвентарём смешанного облика (типа бромме и свидероидного характера) финалом позднего дриаса 11/10 тыс. лет назад [37]. Однако присутствие в заполнении ямы двух разнокультурных комплексов кремневого инвентаря не позволяет связать датировку только с одним свидероидным комплексом. Геоморфологическая привязка стоянки Марьино 4 с переходным к мезолиту позднесвидерским инвентарём к краю первой надпойменной террасы р. Мологи [21] позволяет отнести время её функционирования к рубежу плейстоцена и голоцена в широком смысле (около 10 тыс. лет назад). Для стоянки Иванцов Бор в Верхнем Подвинье, расположенной на ледниковом песчаном всхолмлении, имеется геологическое определение концом позднего дриаса, когда материалы культурного слоя были перевезены и переотложены на низком уровне (дюнная фаза) [7]. Геохронологический контекст имеет также свидерская стоянка Саласпилс Лаукскола в Латвии. Время существования береговой морской линии в Саласпилсе определяется периодом существования Балтийского ледникового озера в позднем дриасе. Сама стоянка приурочена к одному из островов древней дельты Даугавы, образовавшемуся не ранее середины позднего дриаса, а культурные остатки могут быть отнесены к концу этого периода (11-10 тыс. лет назад) [63; 64]. Наивысший интерес представляет памятник Кабяляй 2 в Южной Литве, обладающий естественнонаучными определениями [54]. Свидерские находки слоя С на этой стоянке датируются палиноло-

гически и по радиоуглероду концом позднего дриаса и до начала пребореала.

На территории Польши известно несколько сотен свидерских памятников, среди которых лишь единичные имеют независимые данные для датирования. Радиоуглеродные даты имеются для слоёв 6а и 6б Цаловане (раскопы I, III, V), Рыдно I и Рыдно III, Войново 2 [58]. Они определяют рамки существования этого технокомплекса в Польше не ранее середины позднего дриаса и до самого начала пребореала 11,5-11/10 тыс. лет назад.

Таким образом, расселение свидерского населения с юга на север происходило с середины позднего дриаса (древнейшие находки в Польше) до самого конца плейстоцена и начала голоцена (Подвинье и Верхневолжье) и шло с хронологическим отрывом не менее полтысячелетия от времени распространения на Северо-Западе Русской равнины населения технокомплекса бромме. В связи с этим остро стоит проблема сосуществования в этом регионе разнокультурного населения, так как традиции развитого бромме и свидерские развивались некоторое время параллельно и имели культурное продолжение в раннем мезолите. Так, на основе технокомплекса бромме в Среднем и Верхнем Поднепровье сформировалась гренская культура, а в Волго-Окском междуречье иеневская культура. Культурное наследие свидера нашло свое отражение в кундской культуре Прибалтики и бутовской Верхнего Поволжья. Районы территориального смешения памятников обоих технокомплексов охватывают регионы Литвы, Белорусского Понеманья, Среднего Поднепровья и Верхневолжья. При этом распространение в финальном палеолите исключительно технокомплекса бромме отмечено в верховьях Днепра, а только свидера – в Латвии и Подвинье. Бассейн Верхней Волги на сегодня является самым удалённым от их исконной территории районом распространения финальнопалеолитического населения технокомплексов бромме и свидер. Учитывая значительный хронологический разрыв, следует предположить, что продвижение населения бромме и свидера на Северо-Запад Русской равнины шло разными путями и с различных направлений, однако асинхронность появления здесь носителей двух разных традиций привела к наложению их культурных ареалов. Можно реконструировать продвижение населения бромме начиная со времени окончания аллереда из пределов Повисленья в Восточную Прибалтику и Среднее Поднепровье, а затем в позднем дриасе в верховья Днепра и Волги (см. рис. 1).

БАССЕЙН ДНЕПРА	БАССЕЙН ВОЛГИ	БАССЕЙН ЗАП. ДВИ- НЫ	ПЕРИОДИ- ЗАЦИЯ
(Вышегора I) [Вышегора III] ↑ [френская культу- ра] [Вышегора I]	(Подол III/1) ↑ [ижевская культура] [Авсерьгово 2] (бутовская культура) (Гихоново), (Бутово 1)	[Лукашенки III-4] кунда?/ бутово?	ПРЕБОРЕ- АЛ
[Берестенево]	[Усть-Тудовка 1] (Подол III/2)		10,3 тыс. л.н.
(Баркалабово), (Яново) [Аносово I] [Аносово IV]	[Тёплый Ручей 1,2] [Троицкое 3] [Подол III/2] [Подол III/1]	(Иванцов Бор)	ПОЗДНИЙ ДРИАС
			11,0 тыс. л.н. АЛЛЕРЕД

Рис. 1. Периодизация памятников рубежа плейстоцена и голоцена на территории Великого водораздела. В квадратных скобках – комплексы технокомплекса бромме, в круглых – технокомплекса свидер

Свидерские группы значительно позднее также освоили эти территории, но они едва ли могли попасть на Верхнюю Волгу через долину Днепра, где их крайним форпостом является комплекс Яново, выполненный на местном сером (неманском?) кремне [19]. Свидерские памятники отсутствуют в верховьях Днепра, поскольку в Белорусском и Смоленском Поднепровье непрерывно существовала вплоть до развитого мезолита производная от комплексов типа бромме гренская культура. Поздний свидерский технокомплекс в верховьях Днепра получила развитие лишь в развитом мезолите [23; 24; 36]. Скорее всего в финальном палеолите на Верхнюю Волгу проникли свидерские группы, населявшие побережье Балтики и освоившие путь по долине Даугавы и Западной Двины (рис. 3). Горизонтальные связи населения прибалтийской кундской культуры и верхневолжской бутовской культуры сохраняются на протяжении раннего мезолита, судя по некоторым общим типам орудий и импортам кремня, что позволяет исследователям говорить об общности происхождения обеих культур из прибалтийского свидера [9; 59]. Культурная адаптация носителей свидерского технокомплекса к местным условиям региона оказалась значительно более гибкой, чем у потомков населения технокомплекса бромме, что и обусловило живучесть постсвидерских культурных традиций в мезолите Восточной Прибалтики и Верхнего Поволжья.

Список литературы

1. Васильев С.А. Финальный палеолит Дании // *Stratum plus*. СПб., 1999. № 1. С. 211-218.
2. Воробьев В.М. Великий Водораздел Восточной Европы: географо-археологический аспект // Тверской археологический сборник. Тверь, 1994. Вып. 1. С.1-6.
3. Грехова Л.В. Место стоянок Окского бассейна в системе палеолита Русской равнины. // Древности Оки: Труды Государственного исторического музея. М., 1994. Вып. 85. С.7-19.
4. Гурина Н.Н. Кремнеобрабатывающая мастерская в верховьях реки Днепра // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1972. №185. С. 244-251.
5. Гурина Н.Н. Новые данные о каменном веке Северо-Западной Белоруссии // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1965. №131. С. 141-203.
6. Долуханов П.М. История Балтики. М., 1969.
7. Долуханов П.М. Палеогеография Усвятских стоянок // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1969. №11. С. 18-40.
8. Желтова М.Н. Ранние этапы заселения территории Усвятского района (Псковская область) // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. СПб.; Псков, 1997. Т. 1. С. 225-232.
9. Жилин М.Г. О связях населения Прибалтики и Верхнего Поволжья в раннем мезолите // Тверской археологический сборник. Тверь, 2000. Вып. 4. С. 72-79.
10. Жилин М.Г. Хронология и периодизация бутовской мезолитической культуры // Труды Государственного исторического музея. М., 1999. Вып. 103. С.109-126.
11. Загорская П.А. Ранний мезолит на территории Латвии // Известия АН Латвийской ССР. Рига, 1981. № 2. С. 53-65.
12. Зализняк А.А. Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита. Киев, 1989.
13. Зализняк А.А. Финальний палеоліт північного заходу Східної Європи (Культурний поділ і періодизація). Київ, 1999.
14. Квасов Д.Д. Позднечетвертичная история крупных озёр и внутренних морей Восточной Европы. Л., 1975.
15. Климанов В.А. Климат Северной Евразии в позднеледниковье (в последний климатический ритм) // Короткопериодные и резкие ландшафтно-климатические изменения за последние 15000 лет. М., 1994. С.61-93.
16. Кальцов А.В. О первоначальном заселении Тверского Поволжья // Тверской археологический сборник. Тверь, 1994. Вып. 1. С. 7-10.
17. Кальцов А.В. Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. М., 1977.
18. Кальцов А.В., Жилин М.Г. Мезолит Волго-Окского междуречья. Памятники бутовской культуры. М., 1999.
19. Копытин В.К. Финальный палеолит и мезолит Верхнего Поднепровья. Могилёв, 1992.
20. Копытин В.К. Финальный палеолит и мезолит Верхнего Поднепровья // Tanged points cultures in Europe. Lublin, 1999. P. 256-266.

21. Кософрукова-Кондакова Н.В. Мезолитическая стоянка Марьино IV в бассейне Средней Мологи // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Иваново, 1995. С. 10-16.
22. Крайнов А.Е. Некоторые результаты изучения мезолитической иеневской культуры в Волго-Окском бассейне (по материалам середины 1980-х – 1990-х годов) // Труды Государственного исторического музея. М., 1999. Вып. 103. С.79-128.
23. Ксензов В.П. Новые памятники гренской культуры в Белорусском Поднепровье // Tanged points cultures in Europe. Lublin, 1999. P. 229-240.
24. Ксензов В.П. Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья. Минск, 1988.
25. Ланцев А.П., Мирецкий А.В. Стоянка Троицкое 3 – один из древнейших памятников Тверского Поволжья // Тверской археологический сборник. Тверь, 1996. Вып. 2. С. 57-70.
26. Лисицын С.Н. Финальный палеолит и ранний мезолит Днепро-Двинско-Волжского междуречья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000.
27. Лисицын С.Н. Эпиграветт или постграветт? (Особенности кремневого инвентаря поздневалдайских памятников с мамонтовым хозяйством) // Stratum plus. СПб., 1999. № 1. С.83-120.
28. Микляев А.М. Каменный-железный век в междуречье Западной Двины и Ловати // Петербургский археологический вестник. СПб., 1995. Вып. 9. С. 7-39.
29. Обдиритова Г.В. Формирование водных систем Русской равнины. М., 1975.
30. Римантене Р.К. Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс, 1971.
31. Римантене Р.К. Типология палеолитических и мезолитических наконечников Прибалтики // Орудия каменного века. Киев, 1978. С. 20-31.
32. Савько А.Ф. Неолейстоцен Северо-Восточной Белоруссии и смежных районов РСФСР. Минск, 1987.
33. Силицын А.А., Праслов Н.Д., Лисицын Н.Ф., Свеженцев Ю.С., Сулежский А.Д. Радиоуглеродная хронология верхнего палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы. СПб., 1997.
34. Силицын Г.В. Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях. СПб., 1996.
35. Силицын Г.В. Финальный палеолит и ранний мезолит – этапы развития материальной культуры на Верхней Волге // Тверской археологический сборник. Тверь, 2000. Вып. 4. С. 57-70.
36. Силицын Г.В., Лисицын С.Н. Опыт выделения хронологических комплексов финального палеолита – раннего мезолита на многослойной стоянке Вышегора I в Смоленской области // Археологические вести. СПб., 2001. Вып. 7. С.49-60.
37. Силицын Г.В., Спиридонова Е.А., Лаврушин Ю.А. Природная среда и проблемы миграций человека на рубеже плейстоцена-голоцена на севере Русской равнины и в Скандинавии // Первые Скандинавские чтения. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 1997. С. 86-103.
38. Телегин Д.Я. Мезолітні пам'ятки України (IX-VI тисячоліття до н.е.). Київ, 1982.
39. Фаустова М.А. Ледниковые ритмы на рубеже позднеледникового и голоцена // Короткопериодные и резкие ландшафтно-климатические изменения за последние 15000 лет. М., 1994. С.94-113.
40. Чернявські М.М., Кудряшова В.Я., Літвіцкая В.А. Старожытная шахцеры на Росі. Мінск, 1996.

41. *Andersen S.H.* A survey of the Late Palaeolithic of Denmark and Southern Sweden // De la Loire à l'Oder. Les civilisations du Paléolithique final dans le nord-ouest européen. British archaeology report. Oxford, 1988. Issue 444. P. 523-566.
42. *Bang-Andersen S.* The colonisation of Southwest Norway. An ecological approach // The earliest settlement of Scandinavia and its relationship with neighboring areas. Acta Archaeologica Ludensia. Stockholm, 1996. Issue 24. P. 219-234.
43. *Cullberg C.* West Sweden: on the earliest settlement // The earliest settlement of Scandinavia and its relationship with neighboring areas. Acta Archaeologica Ludensia. Stockholm, 1996. Issue 24. P. 177-188.
44. *Eriksen B.V.* Regional variation in Late Pleistocene subsistence strategies. Southern Scandinavian reindeer hunters in a European context // The earliest settlement of Scandinavia and its relationship with neighboring areas. Acta Archaeologica Ludensia. Stockholm, 1996. Issue 24. P. 7-19.
45. *Fischer A.A.* Late Palaeolithic flint workshop at Egtved, East Jutland // Journal of Danish archaeology. Copenhagen, 1988. Issue 10. P. 7-23.
46. *Fischer A.A.* Pioneers in deglaciated landscapes: the expansion and adaptation of Late Palaeolithic societies in Southern Scandinavia // The Late Glacial in Northwest Europe: human adaptation and environment change at the end of the Pleistocene. Council for British archaeology report. London, 1991. Issue 77. P. 100-121.
47. *Holm J.* The earliest settlement of Denmark // The earliest settlement of Scandinavia and its relationship with neighboring areas. Acta Archaeologica Ludensia. Stockholm, 1996. Issue 24. P. 43-59.
48. *Holm J.* Settlements of the Hamburgian and the Federmesser cultures at Slotsejng, South Jutland // Journal of Danish archaeology. Copenhagen, 1991. Issue 10. P. 7-19.
49. *Jobansson A.D.* A base camp and kill sites from the Bromme culture on South Zealand // The earliest settlement of Scandinavia and its relationship with neighboring areas. Acta Archaeologica Ludensia. Stockholm, 1996. Issue 24. P. 89-97.
50. *Kozłowski J.K., Kozłowski S.K.* Epoka kamienia na ziemiach Polskich. Warszawa, 1977.
51. *Larsson L.* The colonization of South Sweden during the deglaciation // The earliest settlement of Scandinavia and its relationship with neighboring areas. Acta Archaeologica Ludensia. 24. Stockholm, 1996. Issue P. 141-155.
52. *Larsson L.* Perspectives on the colonization of the Scandinavian Peninsula // Post-pleniglacial re-colonization of the Great European lowland. Folia Quaternaria. Krakow, 1999. Issue 70. P. 175-196.
53. *Madsen B.* Late Palaeolithic cultures of South Scandinavia – tools, traditions and technology // The earliest settlement of Scandinavia and its relationship with neighboring areas. Acta Archaeologica Ludensia. Stockholm, 1996. Issue 24. P. 61-73.
54. *Ostrauskas T.* Kabeliu 2-oji akmešis amžiaus gyvenvietė // Lietuvos archeologija. Vilnius, 1999. Issue 16. P. 31-66.
55. *Petersen E.B.* The Late Palaeolithic and the Mesolithic // Digging into the past. 25 years of Archaeology in Denmark. Copenhagen, 1993. P. 46-50.
56. *Petersen E.B., Jobansen L.* Tracking Late Glacial reindeer hunters in Eastern Denmark // The earliest settlement of Scandinavia and its relationship with neighboring areas. Acta Archaeologica Ludensia. Stockholm, 1996. Issue 24. P. 75-88.
57. *Salamonsson B.* Découverte d'une habitation du tardi-glaciaire a Segebro, Scanie, Suede // Acta Archaeologica. 1964. Issue 35. P. 1-28.

58. *Schild R., Pazdur M.F., Vogel J.C.* Radiochronology of the tanged point technocomplex in Poland // Tanged points cultures in Europe. Lublin, 1999. P. 13-15.
59. *Sulgostowska Z.* Final Palaeolithic Masovian cycle and Mesolithic kunda culture relations // Tanged points cultures in Europe. Lublin, 1999. P. 85-92.
60. *Sulgostowska Z.* Prahistoria międzyrzecza Wisły, Niemna i Dniestru u schyłku plejstocenu. Warszawa, 1989.
61. *Szymchak K.* Epoka kamienia polski północno-wschodniej na tle środkowoeuropejskim. Warszawa, 1995.
62. *Szymczak K.* Three faces of the Swiderian culture // Archaeologia interregionalis. New in Stone Age archaeology. Warsaw, 1987. P. 35-54.
63. *Zagorska I.* Late Palaeolithic finds in the Daugava River Valley // The earliest settlement of Scandinavia and its relationship with neighboring areas. Acta Archaeologica Ludensia. Stockholm, 1996. Issue 24. P. 263-272.
64. *Zagorska I.* The earliest settlement of Latvia // Environmental and cultural history of the Eastern Baltic region. Rixensart. 1999. PACT. Issue 57. P.131-156.
65. *Zhilin M.G.* The western part of Russia in the late Palaeolithic – early Mesolithic // The earliest settlement of Scandinavia and its relationship with neighboring areas. Acta Archaeologica Ludensia. Stockholm, 1996. Issue 24. P. 273-284.

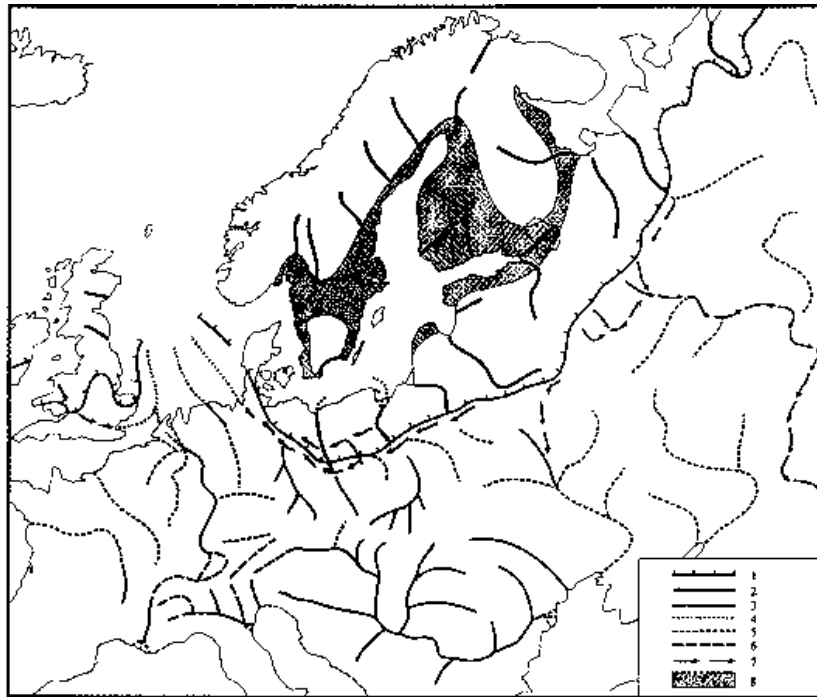

Рис. 2. Формирование системы речных стоков в Северной Европе в конце последнего оледенения (по: [Madeyska T. Paleogeography of European Lowland during the Late Vistulian // Post-pleniglacial re-colonization of the Great European lowland. Folia Quaternaria. Krakow, 1999. Issue 70. P. 7-30], на основе: [Starkel L. Long-distance correlation of fluvial events in the temperate zone // Temperate palaeohydrology. 1991. P. 473-495])

1 - границы максимального продвижения ледника; 2 - речные долины, сформировавшиеся в постледниковье; 3 - речные долины периферического происхождения; 4 - участки рек, затопленные после таяния льдов; 5 - долины крупных равнинных рек; 6 - внеледниковые альпийские долины; 7 - стоки ледниковых вод; 8 - районы, затопляемые в результате морских трансгрессий

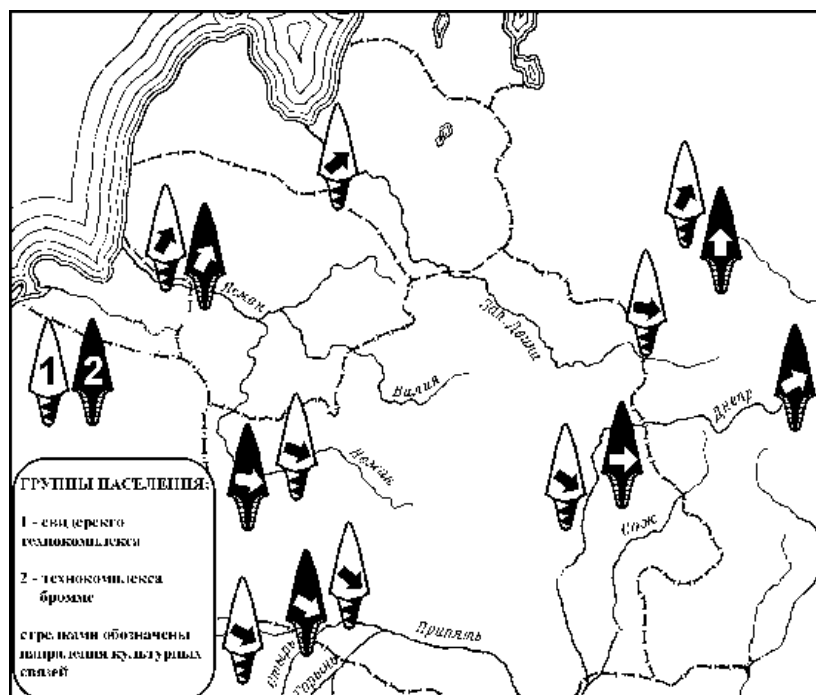

Рис. 3. Периодизация памятников рубежа плейстоцена и голоцена на территории Великого водораздела.
В квадратных скобках комплексы технокомплекса бромме, в круглых – технокомплекса свидер

Д.В. Герасимов¹
(Санкт-Петербург, Россия)

**ПЕРИОДИЗАЦИЯ И ХРОНОЛОГИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ
ПАМЯТНИКОВ ЮГА КАРЕЛЬСКОГО ПЕРЕШЕЙКА²**

Карельский перешеек расположен между Финским заливом и Ладожским озером, на стыке Восточной Фенноскандии и Восточной Прибалтики. Благодаря географическому положению его территория с эпохи мезолита, по-видимому, являлась ареной взаимодействий между культурами этих регионов. Геология Карельского перешейка тесно связана с историей Балтийского моря и Ладожского озера. В течение многих десятилетий здесь работали многие известные российские и финские геологи – С.А. Яковлев, К.К. Марков, Б.Ф. Земляков, В. Рамсей, Е. Хыйпя, П.М. Долуханов, М. Саарнисто и другие [5; 6; 7; 8; 11; 13; 14; 19; 22; 23]. На основе их работ создана палеогеографическая база для изучения каменного века Карельского перешейка.

Начало изучения древнейших памятников в южной части перешейка было положено именно в ходе геологических исследований, прежде всего связанных с именем Б.Ф. Землякова [9; 10; 11]. Большое участие в них приняли местные краеведческие объединения – Краеведческий кружок изучения Лесного и Лахтинская экскурсионная станция.

В фундаментальной работе Н.Н. Гуриной было дано детальное и на то время исчерпывающее описание неолитических памятников юга Карельского перешейка: группы Сестрорецких стоянок (Сестрорецкая 1-7), Тарховки, Сосновой Горы, Разлива, Лахты и Токсово (см. рис. 2) [3].

Памятники в основном исследовались в первой трети XX в. Их датировка предложена Б.Ф.Земляковым [10], опирающимся на периодизацию типов гребенчато-ямочной керамики, разработанную Ю.Айлио [20]. Периодизация Айлио создана для огромных территорий – от Финляндии до Урала, хотя в значительной степени опирается именно на материалы Балтийского региона. Абсолютные даты для этой схемы получены через синхронизацию фаз развития керамики с периодизацией О. Монтелиуса.

---

¹ Герасимов Дмитрий Владимирович – младший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера), соискатель в Институте истории материальной культуры РАН.

² Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант №02-06-80469а.

Б.Ф. Земляков поместил Тарховку, Токсово, Сосновую Гору и Сестрорецкие стоянки во II фазу развития керамики по Айлио, а Лахтинскую стоянку и Глиняный Ручей – в III фазу. Хронология основывалась на стратиграфии двух опорных памятников (Тарховской стоянки для II фазы по Айлио и Лахтинской для фазы III) и была скоррелирована с геологическими разрезами Карельского перешейка, изученными и датированными С.А. Яковлевым. Таким образом, памятники II фазы датировались временем начала регрессии Древнебалтийского моря и конца Ладожской трансгрессии, или серединой и второй половиной суббореального периода, а в абсолютных датах – 700-1200 лет до н.э. Памятники фазы III помещались между концом Древнебалтийской регрессии и началом Балтийской трансгрессии, по Яковлеву, или в конец суббореального и начало субатлантического периода, в абсолютных датах – 200-800 лет до н.э. [11, с. 89-90; 12, с.158]. Абсолютные даты представляют здесь скорее историографический интерес, так как в дальнейшем хронология неолита была удревлена. Значительно более важна привязка к геологической шкале и палинологическим зонам, поскольку Б.Ф. Земляков непосредственно исследовал стратиграфию опорных памятников.

Широкое признание получила сохраняющая значение поныне типология гребенчато-ямочной керамики, созданная А. Европеусом для неолитических памятников Финляндии, Карелии и Карельского перешейка [21]. Европеус выделил три стиля гребенчато-ямочной керамики, каждый из которых подразделил еще на два (стили I:1-2; II:1-2; III:1-2). К стилю I он отнёс керамику сперрингс, к стилю II – керамику с примесью дресвы и песка в тесте, в орнаментации которой преобладали оттиски гребенчатого штампа («пищичную», или прибалтийскую гребенчато-ямочную керамику), к стилю III – керамику с примесью песка и дресвы или с органической примесью с преобладанием в орнаменте ямок. Важно отметить, что в основу работ Европеуса легли материалы неолитических памятников северной части Карельского перешейка. В сочетании с датировками ряда памятников, полученных методами естественных наук, периодизация Европеуса позволила датировать с достаточной точностью многие памятники Карельского перешейка типологическим методом. Появление в последние десятилетия радиоуглеродных дат для ряда неолитических памятников региона позволяет уточнить датировку памятников юга Карельского перешейка (см. рис. 1). За исключением Токсовской стоянки, все они связаны с берегом Финского залива, а Токсово во время обитания поселения, вероятно, – с Ладожским озером.

Сестрорецкие стоянки, Тарховка, Сосновая Гора, Разлив расположены на берегу оз. Сестрорецкий разлив. Свои нынешние очертания этот водоём приобрел с начала XVIII в., когда при постройке оружейного завода русло реки Сестры было перегороджено плотиной и образовалось значительных размеров водохранилище. Во время существо-

вания Литоринового моря, на которое приходится эпоха неолита в регионе, низменность была заполнена морской водой и соединялась с Балтикой. Время образования песчаной косы, окончательно отделившей залив от моря, оценивается разными исследователями как поздне-литориновое, или древнебалтийское [11, с. 89; 12, с. 159].

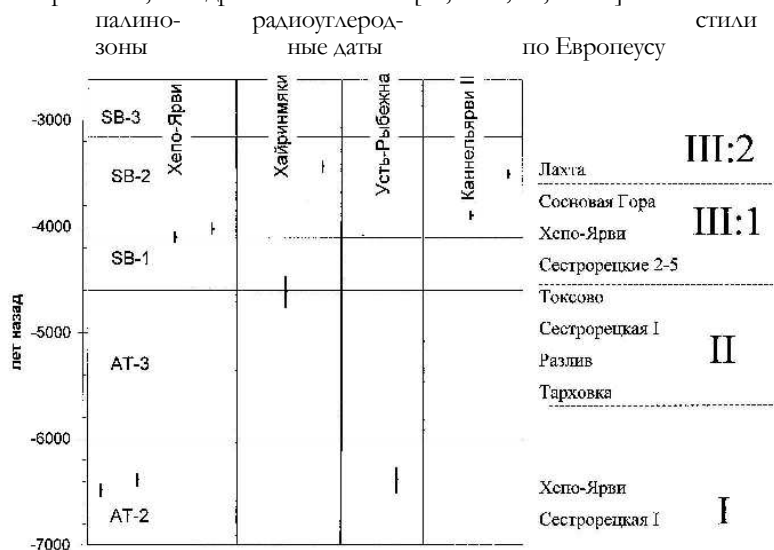

Рис. 1. Хронология неолитических памятников Карельского перешейка

Сестрорецкие стоянки – это 7 пунктов находок подъёмного материала, расположенные вдоль небольшого (меньше 1 км) участка западного берега озера, около посёлков Тарховка и Разлив. В обычное время памятники находятся под водой. В 1933 г. из-за ремонта плотины на р. Сестре уровень воды в озере значительно понизился. Первые находки каменного века были здесь сделаны рабочим В.В. Яковлевым, после чего участок берега был обследован Г.П. Сосновским и Б.Ф. Земляковым [16, с. 23-27].

Каменный инвентарь стоянки Сестрорецкая 1 представлен изделиями из кремня, кварца, песчаника и сланца. Всего в коллекции 27 орудий из камня и только два кремневых отщепа. Возможно, это связано с тем, как отбирался материал при сборах. Среди орудий выделяются скребки, долота, ножи, рубящие орудия. Керамика относится в основном к стилю II по Европеусу, но ряд фрагментов можно определить как сперрингс.

Сестрорецкие стоянки 2-7 представлены очень немногочисленными коллекциями, отдельные пункты исключительно керамикой, которую можно отнести к стилю II.

Тарховская стоянка расположена на восточном берегу оз. Сестрорецкий Разлив. Она приурочена к узкой цепи невысоких дюн, протянувшейся вдоль берега озера. Памятник был открыт в 1916 г. М.Я. Рудинским и Г.П. Сосновским [15], а в 1921 г. его обследовал Б.Ф. Земляков [8, с. 58; 11, с. 89]. Основная коллекция памятника была собрана на поверхности, в котловине выдувания, однако известно, что на момент изучения стоянки Земляковым культурный слой ещё частично сохранился.

Каменный инвентарь представлен скребками, резцами, проколами, сверлами, бифасиальными наконечниками стрел листовидной и ромбовидной формы. Основным сырьём служил кварц. Кремень использовался в небольшом количестве, прежде всего для изготовления наконечников стрел. Расщепление кварца производилось на наковальне, о чём свидетельствуют характерные биполярные отщепы и фрагменты нуклеусов. Однако представлена и техника получения пластин, в том числе из кварца. В коллекции также есть небольшое долото и несколько обломков шлифованных орудий из сланца. Керамика относится к стилю II по Европеусу.

Стоянка Сосновая Гора расположена близ устья р. Чёрной, впадающей в Сестрорецкий Разлив, на Сосновой горе. Материалы каменного века были найдены С.А. Гамченко, исследовавшим в 1907-1908 гг. курганный могильник на Сосновой горе. Находки обнаружены при прокапывании песка, подстилающего курганный насыпь [1, с.121, 155].

Каменный инвентарь Сосновой Горы представлен изделиями из кремня, сланца, песчаника и только одного обломка кварца. Все орудия изготовлены на отщепах: скребки, ножи, проколки, бифасиальные наконечники. Имеется обломок просверленного кварцевого грузила. Керамика с примесью песка в тесте относится к стилю III:1 по Европеусу, небольшое количество фрагментов можно отнести к сперрингс.

Стоянка Токсово, расположенная на южном берегу Кавголовского озера, была обнаружена в 1926 г. С.Н. Замятниным и Л.А. Динцесом [4]. Позднее сборы на памятнике производил Г.П. Сосновский. Находки были приурочены к песчаным отмелям, уходящим в озеро, и находятся практически на уровне уреза воды.

Каменный инвентарь Токсовской стоянки крайне немногочислен и состоит из нескольких отщепов и обломков орудий из кварца и кремня. Керамика с примесью песка и дресвы в тесте может быть отнесена к стилю II по Европеусу.

Лахтинская стоянка расположена в северной части пос. Ольгино Приморского района Петербурга, на верхней площадке террасы высотой 5-5,5 м над уровнем моря. Памятник был открыт в 1922 г. сотрудником Лахтинской экскурсионной станции проф. П.В. Витгенбургом, а в

1923 г. Б.Ф. Земляков произвёл на памятнике небольшие разведочные раскопки [10, с. 70-85]. Размеры вскрытой площади неизвестны. Находки залегали под почвенно-дерновым слоем, слоем серого слонстого песка мощностью 20-30 см и тонкой углистой прослойкой толщиной в 2-3 мм, прослеженной по всей вскрытой площади. Связаны находки со слоями красно-бурого и лежащего под ним чёрного песка. Земляков полагал эти слои единой генерацией, считая, что верхняя часть слоя изменила цвет в позднейшее время [10, с. 72]. Мощность культурного слоя составляла около 40 см, но местами увеличивалась до 90 см. В этих местах планиграфически были прослежены крупные (диаметром 3-5 м) и «столбовые» (диаметром около 20 см) ямы. Подстилался культурный слой песком, имеющим диагональную слонстость, с прослоями гравия и галечника.

Имеющиеся сейчас материалы Лахтинской стоянки представлены исключительно керамикой. Земляков сообщал о находках нескольких кремневых скребков и наконечников стрел. Вся керамика с органической примесью в тесте, очень бедно орнаментирована и может быть отнесена к стилю III:2 по Европеусу.

Стоянка Разлив расположена на западном берегу оз. Сестрорецкий Разлив около станции Разлив. Памятник был обнаружен отдыхающими, которые и собрали коллекцию находок, переданную затем в Кунсткамеру. В 1921 г. место расположения памятника обследовал Б.Ф. Земляков [8, с. 49]. Находки представлены исключительно предметами из кремня. Это заготовки бифасиальных наконечников стрел, скребки, отщепы.

Таким образом, на основании типологии керамики к раннему неолиту можно отнести стоянки Сестрорецкая 1 и Сосновая Гора, в материалах которых в небольшом количестве присутствует керамика сперрингс. И.В. Верещагиной была исследована стоянка Хепо-Ярви в Южной части Карельского перешейка с керамикой сперрингс и стиля II по Европеусу (прибалтийской ямочно-гребенчатой керамики). По углю из очагов для этого памятника получены радиоуглеродные даты: 6480 ± 60 (AE-1412), 6380 ± 60 (AE-1411), 4100 ± 60 (AE-1409), 4020 ± 60 (AE-1408) [18, с. 24]. В целом, вероятно, существование памятников с керамикой типа сперрингс на Карельском перешейке можно определить V – нач. IV тыс. до н. э.

Схожая дата получена и для памятника Усть-Рыбежна I в Южном Приладожье, исследованного Н.Н. Гуриной. Очажный уголь из культурного слоя памятника имеет дату 6380 ± 220 л.н. (AE-405). Хотя основной комплекс памятника представлен материалами культуры прибалтийской гребенчато-ямочной керамики, в слое также присутствовал и комплекс сперрингс. На фоне остальных данных можно предположить, что эта дата относится именно к комплексу сперрингс.

Керамика стиля II по Европеусу, или прибалтийская гребенчато-ямочная керамика представлена на памятниках Тарховка, Токсово, час-

тично – в материалах Сестрорецких стоянок. Время существования этого стиля Э. Хыйпя и П.М. Долуханов датировали 2-й трансгрессией Литоринового моря (L2) – промежутком между L2 и L3, или концом Атлантического – началом суббореального периода. Схожие даты имеет памятник Хепо-Ярви с керамикой сперрингс и стиля II. К этому же времени следует отнести и памятник Разлив, ранее датированный мезолитическим временем. Анализ материалов памятника позволил отнести его к культуре прибалтийской гребенчато-ямочной керамики [2]. В целом памятники Карельского перешейка с керамикой стиля II по А.Европеусу, или памятники культуры прибалтийской гребенчато-ямочной керамики, следует отнести к IV – нач. III тыс. до н.э.

К позднему неолиту следует отнести Сестрорецкие стоянки, часть материалов Сосновой Горы, Лахту. Керамика Сестрорецких стоянок и группы 2 Сосновой Горы с примесью песка в тесте относится к стилю III:1. Керамика Лахты отличается обилием органической примеси в тесте. Керамика с органической примесью присутствует и в материалах Тарховской стоянки. Её орнаментация относится к стилю III:1, а Лахты – к стилю III:2.

К.К. Марков датировал Лахтинскую стоянку границей суббореала и субатлантикума. Если сопоставить стратиграфии Лахтинской и Тарховской стоянок, то «древнебалтийские» слои С.А. Яковлева и Б.Ф. Землякова можно определить как наносы L3. Тогда Лахтинскую стоянку можно датировать второй половиной суббореала. В.И. Тимофеев исследовал памятник Каннельярви II на севере Карельского перешейка с керамикой с органической примесью в тесте, орнаментированной в стиле III:2, который имеет даты 3890 ± 40 (AE-2549) и 3500 ± 40 (AE-2550) л.н. [17, с. 126]. Таким образом, памятники с керамикой стиля III:1 можно датировать первой половиной – серединой III тыс. до н.э., памятники с керамикой стиля III:2 – второй половиной – концом III тыс. до н.э.

Список литературы

1. Гамченко С.А. Исследования Сестрорецких курганов в 1908 г. // Записки Отделения Русской и Славянской Археологии Российского Археологического Общества. 1913. Т. 9. С. 63-162.
2. Герасимов Д.В. Культурно-хронологическая атрибуция местонахождения Разлив на Карельском перешейке // Тверской Археологический сборник. 2000. Вып. 4. Т.1. С.273-277.
3. Гурина Н.Н. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР. МИА. 1961. № 87.
4. Диньес Л.А. Неолитическая стоянка в Токсове // Отд. Ленинградского окружного об-ва краеведения на Финско-Ладожском перешейке. Сер. Финско-Ладожский перешеек. Л., 1929. Вып. 2.
5. Долуханов П.М. Последнеднепиковая история Балтики и хронология неолита // Новые методы в археологических исследованиях. М.; Л., 1963.
6. Долуханов П.М. Поздне- и последнеднепиковая история Балтийского моря и археологических культур в его бассейне: Автореф. дис. ... канд. геол. наук. Л., 1965.

7. *Долуханов Г.М.* История Балтики. Л., 1969.
8. *Земляков Б.Ф.* Геологический очерк окрестностей г. Сестрорецка // Первый Всероссийский геологический съезд. Путеводитель геологических экскурсий. Пг., 1922.
9. *Земляков Б.Ф.* О следах каменного века в районе северного побережья Невской губы // Экскурсионное дело. Пг., 1922. №4-6. С. 48-72.
10. *Земляков Б.Ф.* Неолитическая стоянка в Лахте // Естествознание в школе. 1928. №2. С. 70-85.
11. *Земляков Б.Ф.* Доисторический человек Северо-Западной области в связи с ее геологией в послеледниковое время // Доклады Академии наук. 1928. Сер. А. С. 85-90.
12. *Земляков Б.Ф.* О древнейших следах человека в окрестностях Ленинграда // Материалы и исследования по археологии СССР. 1941. №2. С. 158-168.
13. *Марков К.К.* Развитие рельефа Северо-Западной части Ленинградской обл. // Труды главного геолого-разведочного управления ВСНХ СССР. 1931. Вып. 117, 1.
14. *Саарнисто М., Сакса А., Таавитсайнен Ю.-П.* Древние жители Купшалы – свидетели этапов истории Ладоги // Вопросы геологии и археологии: Тез. докл. междунар. симпозиума, посвященного 150-летию А.А. Иностранцева. СПб., 1994. С. 75-77.
15. *Сосновский Г.П., Земляков Б.Ф.* Каменный век у Тарховки. Кружок изучения Лесного при коммерческом училище в Лесном. Лесной, 1917. Вып. 3.
16. *Сосновский Г.П.* Разведки на Сестрорецком Разливе. Отчёт о работах // ИГАИМК. 1935. Вып. 109. Ч.1. С. 23-27.
17. *Тимофеев В.П., Зайцева Г.А.* Результаты радиоуглеродного датирования археологических памятников эпох неолита и раннего металла Ленинградской и Калининградской областей // Геохронологические и изотопно-химические исследования в четвертичной геологии и археологии. Вильнюс, 1991. С. 123-130.
18. *Тимофеев В.П.* Памятники мезолита и неолита региона Петербурга и их место в системе балтийских культур каменного века // Древности Северо-Запада. СПб., 1993. С. 8-33.
19. *Яковлев С.А.* Наносы и рельеф города Ленинграда и его окрестностей. М.; Л., 1926.
20. *Ailio J.* Fragen der Russischen Steinzeit // SMYA. 1922. Bd. XXIX, 1.
21. *Äiripää A.* Die relative Chronologie der steinzeitlichen Keramik in Finland // Acta Archaeologica. 1930. Vol. 1, fasc. 2. S. 165-190; Vol. 1, fasc. 3. S. 205-220.
22. *Нунппа Е.* Post-glacial changes of shore-line in South Finland // Bulletin de la commission géologique de Finlande. 1937. № 120.
23. *Ramsey W.* Eustatic changes of level and the neolithicum // SMYA. 1927. Bd. XXXVI, 2.

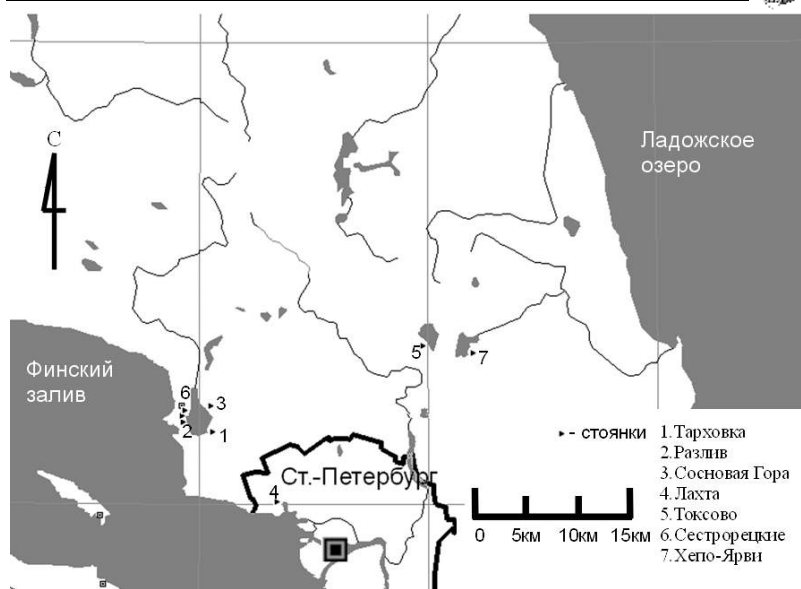

Рис. 2. Неолитические памятники юга Карельского перешейка

B. Józwiak¹
(Poznań, Polska)

**OSADNICTWO SPOŁECZNOŚCI KULTURY NIEMEŃSKIEJ
NA NIŻU POLSKI W MIĘDZYRZECZU ODRY I WISŁY, W
ŚWIETLE ŹRÓDEŁ CERAMICZNYCH**

Ogólny zarys problematyki. Problem osadnictwa tzw. kultur «leśnych» na obszarze niżowej części międzyrzecza Odry i Wisły był podnoszony w literaturze prahistorycznej od bardzo dawna. W zasadzie już w okresie międzywojennym można spotkać się z żywą dyskusją na temat rzeczonoego zjawiska [8; 16]. W okresie powojennym wraz z pozyskiwaniem nowych materiałów źródłowych wzrasta intensyfikacja działań badawczych nakierowanych na wyjaśnienie genezy i istoty zjawiska – ujęcia auto- i alochtoniczne [19; 5]. Jednak zdecydowany przełom w badaniach nad subneolitem Polski należy wiązać z pracami Elżbiety Kempisty [12; 13]. Autorka jednoznacznie wskazała na alochtoniczny charakter zjawiska, wpisując ogół materiałów «leśnych» z terenów wschodniej Polski w struktury kulturowo-chronologiczne wypracowane, przez badaczy z krajów ówczesnego ZSRR, dla neolitu i wczesnej epoki brązu obszarów położonych za wschodnią granicą Polski. Część zespołów ceramicznych włączyła ona do, wydzielanej głównie na obszarze Białorusi, kultury niemeńskiej [13], wskazując jednocześnie na pewną specyfikę grupy materiałów ceramicznych z Mazowsza i Podlasia, w stosunku do obszarów wyjściowych, wschodniej części Europy, objawiającą się swoistym synkretyzmem cech technologicznych, zdobniczych i morfologicznych. Tę specyficzną grupę ceramiki określiła mianem typu Liniń, który miała charakteryzować ceramika o cechach, łączących w sobie tradycje niemeńskie oraz późnoneolitycznych i wczesnobrązowych kultur środkowoeuropejskich [13]. Takie ujęcie problemu w znaczący sposób przyczyniło się do wykształcenia spójnej wizji zjawiska i wyznaczyło kierunek dalszych refleksji badawczych nad osadnictwem subneolitycznym na obszarze Polski. Wagę prezentowanej koncepcji, dodatkowo podkreśla fakt, iż zdecydowana większość dalszych prac, poświęconych problematyce subneolitu, mimo wielu nowatorskich rozwiązań, oparta została na wypracowanych w niej fundamentach [17; 1; 2; 11; 23; 20; 9; 10; 6].

Ze względu na tematykę artykułu swą uwagę skupię głównie na kulturze niemeńskiej, w swej klasycznej postaci, czyli bez typu/grupy/fazy linińskiej.

---

¹ Юзвяк Бартош – магистр, сотрудник Института прансторни университета им. Адама Мицкевича (Познань, Польша).

Samo rozumienie kultury niemeńskiej będzie w tym przypadku dość nowatorskie i jak dotychczas prawie nie podnoszone w literaturze przedmiotu. Klasyczne ujęcie kultury niemeńskiej, wypracowane przez badaczy białoruskich, i w zasadzie nadal jeszcze obowiązujące, mimo silnej krytyki i pojawiających się w dyskusjach alternatywnych rozwiązań, wiąże tę jednostkę z kręgiem kultur z ceramiką grzebykowo-nakluwaną, sytuując ją tym samym w strefie oddziaływań kręgu dnipro-donieckiego [24; 7; 4; 13; 14]. W takim ujęciu omawiana kultura miała by się ukształtować w międzyrzeczu Niemna i Prypeci oraz dzielić się na trzy fazy rozwojowe: wczesną z ceramiką typu Dubiczaj, środkową z ceramiką typu Łysa Góra i późną z ceramiką typu Dobryj Bor [4; 13]. W konsekwencji we wczesnej (inicjalnej) fazie jej zasięg zachodni obejmował również północno-wschodnie rubieże Polski (np. ceramika dubiczajska z Woźnej Wsi) [15], zaś w fazach środkowej i (głównie) późnej obejmował całość Mazowsza i Podlasia oraz Południową część Warmii i Mazur [14]. Idąc dalej tym tokiem rozumowania wskazano, że na obszarach położonych na zachód od Wisły, znaleziska o charakterze «deśno»-wschodnioeuropejskim wiązane były z mocno przekształconą «wersją» kultury niemeńskiej – typem/fazą/grupą Linin [13; 1; 2; 20].

Proponowane w niniejszej pracy ujęcie, będące wynikiem oglądu materiałów źródłowych z całego obszaru Niżu Polski oraz Białorusi i Ukrainy, jak też wymiany poglądów i konsultacji z badaczami Białoruskimi, ukazuje nieco odmienną wizję samej kultury niemeńskiej oraz dostarcza danych wskazujących jednoznacznie na penetrację społeczności z nią związanych na terenie Niżu w międzyrzeczu Odry i Wisły. Tak więc, pod nazwą kultury niemeńskiej będą tu rozumiał tylko zespoły wiązane dotychczas ze środkową i późną fazą jej rozwoju (Łysa Góra i Dobryj Bor), wyłączając z niej materiały z fazy wczesnej (Dubiczaj). Pomysł takiego rozwiązania już kilka razy podnoszony był przez dr M.M. Czarniauskiego, który proponował nawet by zespoły typu Dubiczaj łączyć w nową jednostkę kulturową pod nazwą «kultury niemeńsko-prypeckiej» (informacja ustna dr M.M.Czarniauskiego, za którą serdecznie dziękuję). Taki podział wynika z diametralnej odmienności zespołów wczesnych i późnych tradycyjnie rozumianej kultury niemeńskiej (tak w obrębie technologii jak i zdobnictwa) oraz wskazywaną często w ostatnich latach synkretycznością późnej kultury niemeńskiej (udział elementów wiązanych z zespołami wczesnoagrarnych kultur środkowoeuropejskich: lejkowate wylewy części naczyń, ornamenty podkrawędnych rzędów prostokątnych stempli w układach horyzontalnych itp.) (informacja ustna dr M.M.Czarniauskiego, za którą serdecznie dziękuję). W konsekwencji tej zmiany w definiowaniu samej jednostki kulturowej, reinterpretacji należy także poddać obszar i chronologię jej genezy. W nowym ujęciu miała by się ona wykształcić około 3700 lat przed Chr. w międzyrzeczu Wisły i Niemna, jako «jednostka pogranicza», łącząca w sobie od samego początku cechy świata wschodniego subneolitu i zachodnich społeczności agrarnych (swoista synkretyczność była by więc jej cechą

«wrodzoną»). Przy takim rozumieniu formuły omawianej kultury, pojedyncze wiązane z nią społeczności już u samego zarania przekraczają Wisłę (osadnictwo z obszaru Kotliny Warszawskiej) i po krótkim czasie rozpoczynają penetrację obszaru Niżu w międzyrzeczu Odry i Wisły, sięgającą w incydentalnych przypadkach (np. Drezdenko stan. b.n.) prawego brzegu Odry, o czym dobitnie świadczy omówiona niżej, dość znaczna, pula źródeł ceramicznych.

Analiza źródeł ceramicznych. Na obszarze objętym opracowaniem zarejestrowano dotychczas 54 stanowiska wiązane z osadnictwem społeczności klasycznej kultury niemeńskiej (rycina 1). W 39 przypadkach był to jedyny typ ceramiki niemeńskiej na stanowiskach, zaś w 15 zarejestrowano dodatkowo materiały niemeńskie o charakterze linińskim. Należy nadmienić, iż tylko na 10 stanowiskach materiały pochodzą z badań wykopaliskowych (np. Korzecznik 6/7, Lipa 5, Broszęcín 14) [21; 22], resztę zbioru pozyskano w trakcie prospekcji terenowej. W konsekwencji, prezentowana, na rycinie 1, mapa może w przypadku niektórych obszarów odzwierciedlać aktualny stan rozpoznania powierzchniowego, nie zaś faktyczną strukturę osadnictwa, w innych zaś wskazywać na wyraźną nadreprezentatywność osadnictwa niemeńskiego (np. Kujawy). Wynika to głównie z faktu nierównomiernego rozpoznania powierzchniowego regionów wchodzących w obręb opracowywanego terytorium, np. bardzo dobry stan prospekcji terenowej obszaru Pojezierza Gostynińskiego, czy – głównie – Kujaw w stosunku do reszty terenu. W przypadku Kujaw należy ponadto dodać, że większa część naniesionych punktów osadniczych wiąże się z pojedynczymi fragmentami ceramiki niemeńskiej (klasyfikowanej głównie na podstawie technologii), co może błędnie wskazywać na wyjątkowo silną penetrację tego obszaru przez rzeczone społeczności [3; 6].

Technologia. Na wszystkich stanowiskach pozyskano ogółem 702 fragmenty ceramiki naczyniowej jednoznacznie wiązanej z kulturą niemeńską. Z tej puli 80 fragmentów (11%) wykonane było w technologii dającej się ująć w systemie J.Czebreszuka, stworzonym dla opisu technologii ceramiki późnoneolitycznej i wczesnobrązowej, rozszerzonym przez P.Makarowicza [2, S.11-44; 20, S.78-88] (tabela 1): 2 fragmenty (0,3%) wykonano w technologii tzw. «wczesnosznurowej» (grupa technologiczna D), 9 fragmentów (1,4%) w technologii wiązanej z kulturą amfor kulistych (grupa technologiczna H – tożsama z grupą technologiczną III wg M.Szmyt) [23, S.10-49] zaś 69 fragmentów (9,3%) w technologii wczesnobrązowej [grupa technologiczna J (wiodąca grupa technologiczna dla niżowych materiałów wczesnobrązowych) – 52 fragmenty (7%), grupa technologiczna K (tzw. «delikatna») – 2 fragmenty (0,3%) i grupa technologiczna L – 15 fragmentów (2%)] (tabela 1). Zdecydowana większość pozyskanego materiału ceramicznego (622 fragmenty – 89%) wykonana została jednak w technologii, zdecydowanie odbiegającej od znanych na Niżu standardów i tym samym nie dającej się opisać przy pomocy wypracowanych dla tego obszaru schematów. W celu jej klasyfikacji wydzielono grupę technologiczną

M tzw. «niemeńską». Grupa ta obejmuje materiały oparte na domieszce średnio- lub gruboziarnistego tłucznia kamiennego barwy białej lub wielobarwnego (jednak przy widocznym udziale białego skalenia), średnio lub słabo wypalone (o przelamach warstewkowanych lub gruzelkowatych), oraz jednej lub obu powierzchniach przecieranych wiechciem (tabela 1).

Tabela 1

Technologia ceramiki niemeńskiej

Grupy technologiczne						
D	H	J	K	L	M	Suma
2	9	52	2	15	622	702
0,3%	1,4%	7%	0,3%	2%	89%	100%
80					622	702
11%					89%	100%

Z ogółu 702 fragmentów ceramiki, w przypadku 667 udało się dokonać pomiarów grubości ścianek. Wyniki analizy przedstawia tabela 2. Zdecydowana większość, 533 fragmenty (80%) sytuuje się w grupie materiałów cienkościennych (do 6mm), znacznie mniej, 131 fragmentów (19%) w grupie materiałów średnościennych (od 7 do 9mm), a tylko śladowa ilość, 3 fragmenty (1%) w grupie materiałów grubościennych (powyżej 10 mm). Tym samym należy stwierdzić, iż materiał niżowy nie odbiega od standardów Białoruskich [4], wykazując prawie stuprocentową cienkościennosc.

Tabela 2

Charakterystyka grubości ścianek

Wielkość próby		Grubości ścianek					
		do 6 mm		od 7 do 9 mm		powyżej 10 mm	
Liczba	Procent	Liczba	Procent	Liczba	Procent	Liczba	Procent
667	100	533	80	131	19	3	1

Morfologia. Znacznie więcej problemów nastęrczyła analiza morfologii opisywanego zespołu. W grupie cech mikromorfologicznych wybija się zupełny brak uch oraz zaledwie jeden przypadek zachowania się dna – fragment ostrego dna ze stanowiska Klusek Białe, pow. Gostynin (chciałbym w tym miejscu serdecznie podziękować Pani dr Małgorzacie Rybickiej z Muzeum Archeologicznego i Etnograficznego w Łodzi za udostępnienie mi do wglądu opracowywanych przez Nią materiałów ze wzmiankowanego stanowiska). Tym samym jedyną cechą makromorfologiczną, którą udało się poddać analizie metrycznej, były krawędzie wylewów. Stanowią one bardzo pokąźną część zbioru (omawiany zbiór ceramiki obejmuje w dużej mierze górne, przywylewowe partie naczyń). Dominują w nim krawędzie o ściankach prostych, łukowatych do rdzenia lub ze ścianką wewnętrzną łukowatą od rdzenia (typy 1, 3, 10, 11 wg A.Koński) [18] oraz o zwieńczeniach prosto ściętych lub niekiedy zaokrąglonych (typy e i k wg A.Koński) (ryciny 2, 4, 5, 6).

Bardzo trudno było odtworzyć makromorfologię naczyń omawianej grupy ceramiki. Główną przyczyną było duże rozdrobnienie ceramiki, wynikające z jej słabego wypalu oraz warunków zalegania (głównie w

układach piaszczystych). Mimo to, można pokusić się, na podstawie niektórych, lepiej zachowanych fragmentów (ryciny 2.1, 2.2, 3.1, 5.1, 5.2) o ogólną analizę. We wszystkich możliwych do przeanalizowania przypadkach mamy do czynienia z esowato profilowanymi garnkami o esowato (ryciny 2.3, 4.1, 4.3, 6.1) lub lejkowato (rycina 2.2) ukształtowanych wylewach, niekiedy z krawędzią zagiętą do środka (ryciny 2.1, 4.4). Na podstawie ukształtowania profilu i proporcji naczyń oraz analogii (np. materiały z Białorusi) [4, rys. 14, 15, 16, 17, 18, 27, 40] można dodatkowo uznać, iż wszystkie omawiane naczynia były ostrodenne. Potwierdza to, wspomniane wyżej, znalezisko ostrego dna z miejscowości Klusek Białe, oraz zupełny brak rejestracji den płaskich, z reguły przecież lepiej zachowujących się.

Zdobnictwo. W ornamentyce naczyń niemeńskich z badanego obszaru dominują horyzontalne wątki odciskanych pod krawędzią dołków/guzków, w układach jednorzędowych (ryciny 2.3, 3.1, 2.2, 4.1, 4.2, 4.4, 5.1, 5.2, 6.1, 6.2, 6.3, 6.4, 6.5) lub zdwojonych (rycina 4.3 oraz 1 fragment z Chelмна stanowisko 4) (niekiedy odciskanych przemiennie, raz od strony wewnętrznej, raz od zewnętrznej), oraz różnej grubości wątki ściegu bruzdowego, w układach horyzontalnych (ryciny 3.1, 4.1, 4.4), wertykalnych (ryciny 2.3, 6.4), diagonalnych (ryciny 2.1, 6.1, 6.2) czy też mieszanych (ryciny 3.2, 5.2), pokrywających górne partie brzuśca (ryciny 2.3, 3.1, 4.4, 6.4), a niekiedy prawie całą powierzchnię naczynia (ryciny 2.1, 5.2), tworząc złożone układy dywanowe (rycina 2.1). Rzadziej występują różnego rodzaju wątki złożone z horyzontalnych odcisków stempelkowych (rycina 4.3). Całościowy wizerunek ornamentyki uzupełniają, rejestrowane w ponad 90% przypadków, karbowane lub nacinane krawędzie (ryciny 2.3, 3.1, 3.2, 4.1, 4.3, 5.2, 6.1, 6.2, 6.3, 6.4, 6.5).

Wnioski końcowe. Jak wynika z dokonanej powyżej analizy źródeł ceramicznych, na obszarze Nizy Polski w Międzyrzeczu Odry i Wisły mamy niewątpliwie do czynienia z osadnictwem kultury niemeńskiej w jej klasycznej postaci. Analizowana ceramika jednoznacznie wpisuje się we wzorce definiujące materiały niemeńskie znane z Białorusi czy Polski północno-wschodniej. Technologia, oparta na średnio- i gruboziarnistym tłuczniu kamiennym (głównie barwy białej), cienkościennosc, ukształtowanie nacinanych krawędzi wylewów, formy naczyń (esowtoprofilowy gamek), bezusznosc oraz ornamentyka (oparta na podkrawędnych dołkach/guzkach i ściegach bruzdowych) nie pozostawiają wątpliwości co do przynależności kulturowej zbioru.

Można więc stwierdzić, iż ok. 3500 przed Chr. (tj. w niedługim czasie od momentu uformowania się kultury niemeńskiej) w międzyrzeczu Odry i Wisły przedostają się pojedyncze grupy subneolityczne, związane z tą kulturą i posuwając się ku zachodowi wzdłuż głównych arterii rzecznych penetrują głównie, związane z glebami lekkimi, obszary dolin rzecznych i strefy pojezierne [3]. Osadnictwo rzeczonych społeczności dociera w bardzo rozrzedzonej postaci aż do Odry. Bytujące w strefie swoistej anekumeny, z punktu widzenia środkowoeuropejskich rolników, społeczności niemeńskie,

dłuższy czas nie wchodzą w znaczący kontakt miejscowymi grupami wczesnoogarnnymi. Z czasem jednak dochodzi między nimi do coraz częstszych kontaktów, w wyniku których powstają zespoły typu linińskiego, znamionujące osłabienie tożsamości kulturowej osadników subneolitycznych i ich stopniowe rozmywanie się w środowisku wczesnorolniczym [6; 10].

Bibliografia

1. *Czebreszuk J.* «Leśno»-wschodnioeuropejski komponent kulturowy w rozwoju schyłkowoneolitycznych społeczeństw Kujaw // *Kontakty kulturowe społeczeństw Kujaw z innymi ludami Europy*. Inowrocław, 1988. S. 185-196.
2. *Czebreszuk J.* Społeczności kujaw w Początkach epoki brązu. Poznań, 1996.
3. *Czebreszuk J., Józwiak B.* Osadnictwo kultur «leśno»-wschodnioeuropejskich // *Archeologiczne badania ratownicze wzdłuż trasy gazociągu tranzytowego*. Tom III Kujawy, część 4 – Osadnictwo kultur późnoneolitycznych oraz interstadium epok neolitu i brązu: 3900-1400/1300 przed Chr. (red. A.Kośko). Poznań, 2000. S. 455-456.
4. *Czarniański M.M.* Neolit bieloruskowo poliamonnia. Mińsk, 1978.
5. *Gardamski A.* Zagadnienie kultury «ceramiki grzebykowej» w Polsce // *Wiadomości Archeologiczne*. 1958. T.25. S. 287-310.
6. *Gaździk M., Józwiak B.* Społeczności subneolityczne na Nizinie Polskiej w międzyrzeczu Odry i Wisły (zarys problematyki) // *Od neolityzacji do początków epoki brązu. Przemiany kulturowe między Dnieprem, a Odrą od IV do II tys. p. Chr.* (red. J.Czebreszuk). 7. M.Kryvolcevicz, P.Makarowicz (w druku.) [2000].
7. *Isajenko V.F.* Neolit pripiatskowo Polesia. Mińsk, 1976 [*Исаенко В.Ф. Неолит припятского Полесья*. Минск, 1976].
8. *Jażdżewski K.* Przyczynki do znajomości kultury prefińskiej w Polsce Zachodniej // *Przegląd Archeologiczny*. 1928. T. 3. S. 189-201.
9. *Józwiak B.* Figurka antropomorficzna z miejscowości Krzywosadz, województwo wrocławskie // *Główny Zestaw Archeologiczny Obornik*. 1999. №14. S. 61-67.
10. *Józwiak B.* Społeczności «leśne» doby neolitu i wczesnej epoki brązu na Nizinie Polskiej // *Las w kulturze polskiej* (red. W.Łysiak). T.2 (w druku, 2001).
11. *Kempisty A.* Kultury paraneolityczne // *Pradzieje Ziemi Polskiej* (red. J.Kmieciński). T. I, cz. 1. Warszawa-Łódź, 1989. S. 301-325.
12. *Kempisty E.* Materiały tzw. kultury ceramiki grzebykowo-dolkowej z terenu Mazowsza // *Wiadomości Archeologiczne*. 1971. T. 37. S. 411-483.
13. *Kempisty E.* Kultura ceramiki grzebykowo-dolkowej na Mazowszu i Podlasiu // *Wiadomości Archeologiczne*. 1973. T. 38. S. 3-76
14. *Kempisty E.* Neolityczne kultury strefy leśnej w północnej Polsce // *Problemy epoki kamienia na Pomorzu* (red. T.Malinowski). Słupsk, 1983. S. 175-199.
15. *Kempisty E., Sulgustowska Z.* Osadnictwo paleolityczne, mezolityczne i paraneolityczne w rejonie Woźnej Wsi, woj. łódzkie. Warszawa, 1991.
16. *Kostrzewski J.* Wielkopolska w czasach przedhistorycznych. Poznań, 1923.
17. *Kośko A.* Rozwój kulturowy społeczeństw Kujaw w okresie schyłkowego neolitu i wczesnego brązu. Poznań, 1979.
18. *Kośko A.* Udział południowo-wschodnioeuropejskich wzorców kulturowych w rozwoju niżowych społeczeństw kultury pucharów lejkowatych. Poznań, 1981.
19. *Kowalczyk J.* Początki neolitu na ziemiach polskich // *Wiadomości Archeologiczne*. 1969. T. 34. S. 3-69.
20. *Makarowicz P.* Rola społeczności kultury iwieńskiej w genezie trzcinieckiego kręgu kulturowego (2000-1600 BC). Poznań, 1998.

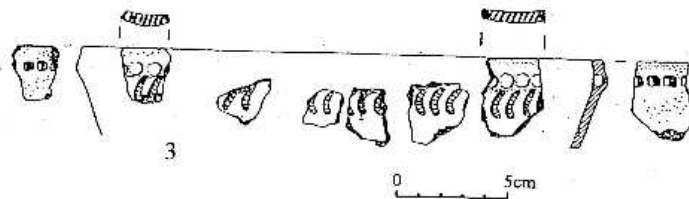
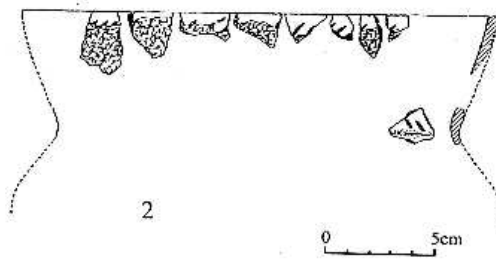
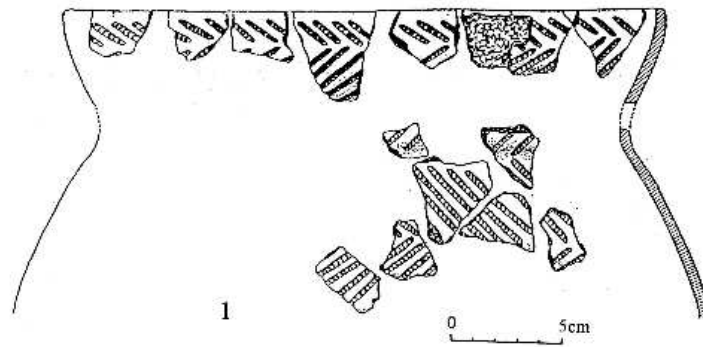

21. *Olszewski P.A.* Osadnictwo epimezolityczne w Korzeczniku, woj. konińskie, stanowisko 6/7. Inowrocław, 1987.
22. *Seroczynski Z.* Osadnictwo mezolityczne, neolityczne i wczesnobrązowe w Broszcinie, woj. piotrkowskie, stanowisko 14. Poznań, 1999 (maszynopis pracy magisterskiej).
23. *Szymt M.* Społeczności kultury amfor kulistych na Kujawach. Poznań, 1996.
24. *Telegin D.J.* Dniepro-donieckaja kultura. Kijów, 1968 [*Телегин Д.Я.* Днепродонецкая культура. Киев, 1968].

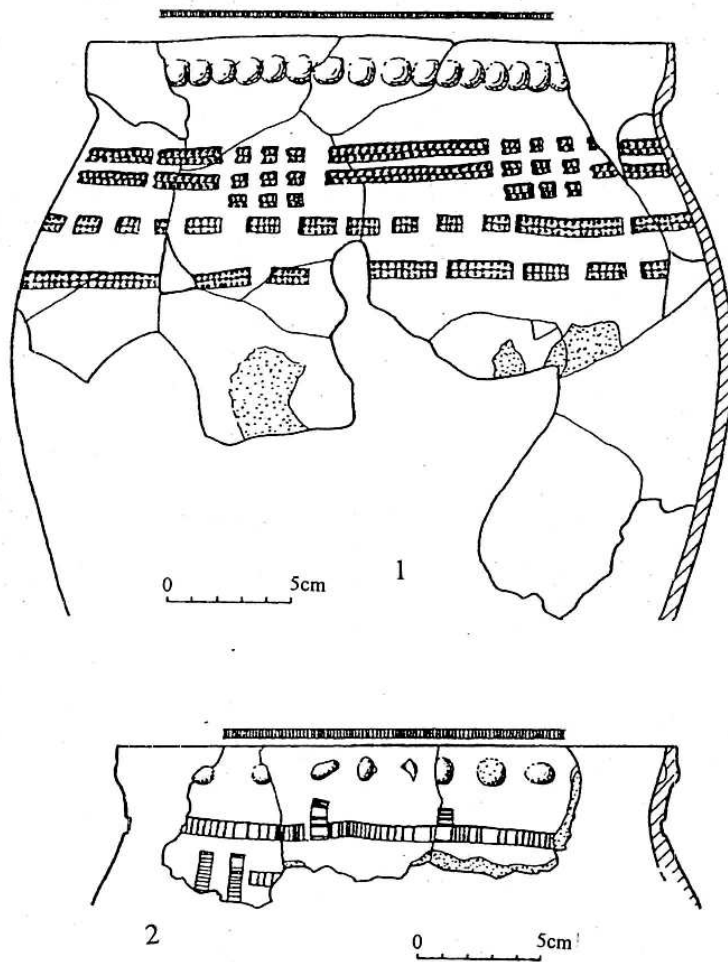

 - obszar objęty opracowaniem

Rycina 1. Rozmieszczenie stanowisk kultury niemeńskiej na Nizinie Polski w międzyrzeczu Odry i Wisły

Rycina 2. Wybór ceramiki kultury niemeńskiej stanowiska Akacyjki Firginy, gm. Grabów nad Prosną, pow. Kalisz, woj. wielkopolskie

Rycina 3. Wybór ceramiki kultury niemeńże stanowiska Opatowice 35, gm. Radziejów Kuj., pow. Radziejów Kuj., woj. Kujawsko-pomorskie

---

НЕТ ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ РИСУНКА

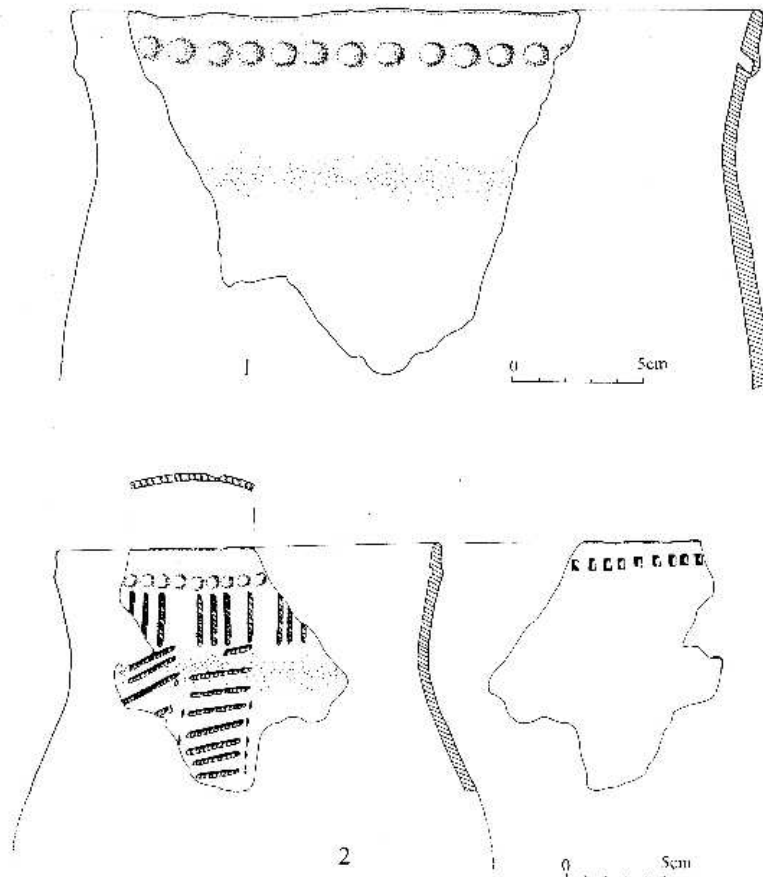
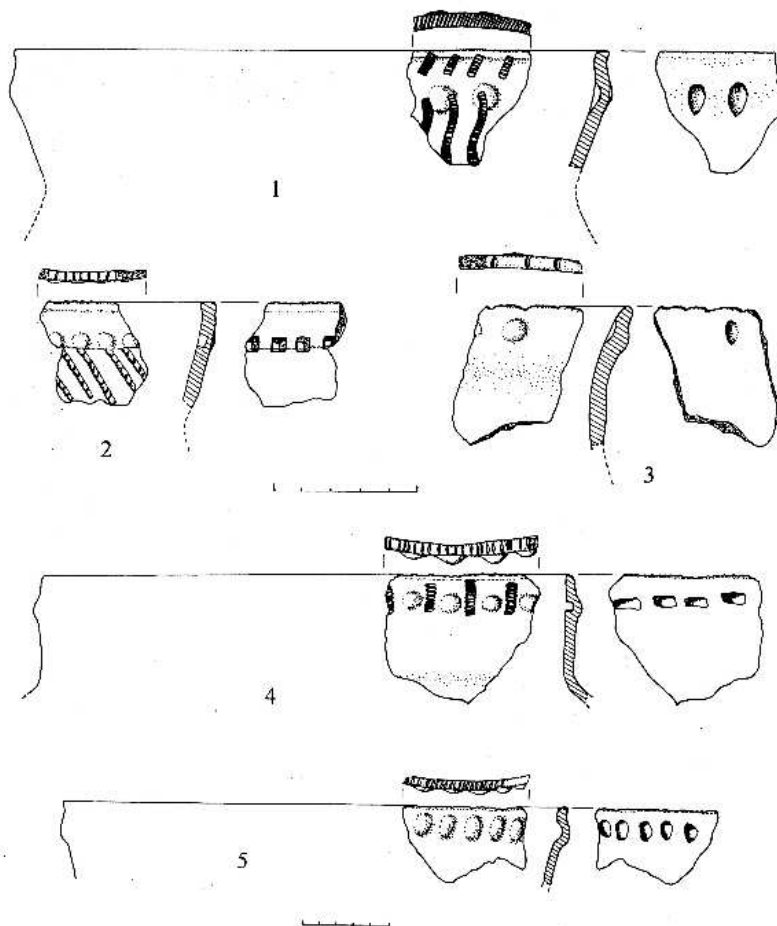

Рисунок 5. Выбор керамики ниemeńskiej ze stanowisk: Szlachcin, gm. Środa Wlkp., pow. Środa Wlkp., woj. wielkopolskie (1); Piaski Bankowe 1, gm. Bielany, pow. Łowicz, woj. łódzkie (2)

Rycina 6. Wybór ceramiki niemeńskiej ze stanowisk: Łykowe 1, gm. Osjaków, pow. Wieluń, woj. łódzkie (1); Brzeziny Słupsko Iia, gm. Mokrsko, pow. Wieluń, woj. łódzkie (2); Pietrzyków 4, gm. Pызdry, pow. Września, woj. wielkopolskie (3); Korzecznik 6/7, gm. Kłodawa, pow. Koło, woj. wielkopolskie (4 i 5)

ПОСЕЛЕНИЕ ПОМОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРИБРЕЖНОЕ

Поселение поморской культуры Прибрежное, открытое автором в 1994 г., расположено в 0,2 км западнее окраины посёлка Прибрежного, в черте г. Калининграда, на побережье Вислинского залива (рис.1). В 2000-2002 гг. Неолитическим отрядом БАЭ ИА РАН были продолжены раскопки этого памятника, общая исследованная площадь которого составила 554 кв. метров. Поселение занимает пологий северный склон песчаной возвышенности (7,5 м над уровнем воды), отделённой от залива заболоченной низменностью. Холм имеет неправильную овальную форму, поверхность местами задернована, но в центре дерн почти полностью отсутствует. Южнее простирается искусственно высаженный в послевоенное время сосновый лес.

Общую площадь поселения удалось определить лишь приблизительно, так как южная и крайняя восточная части в прошлом уничтожены или застроены. О подлинных размерах можно лишь догадываться. Судя по всему, поселение занимало территорию не менее 15000 кв. метров.

Стратиграфия имеет следующий характер: непосредственно под дерновым покровом (толщиной от 0,02 до 0,20 м) залегает слой грунта светло-серого окраса, мощностью от 0,08 до 0,36 м, образовавшийся вследствие эоловых (ветровых) процессов. Ниже располагается собственно культурный слой. Стратиграфически он выглядит как одно целое и представляет собой чёрного цвета интенсивно-золистую супесь в местах расположения жилых конструкций или серого цвета золистую супесь в межжилищном пространстве. Мощность культурного слоя колеблется от 0,10 до 0,80 м. Под культурным слоем залегает предматериковый песок серовато-жёлтого цвета с незначительной мощностью 0,02 - 0,16 м, образовавшийся путём инфильтрации золистых частиц из культурного слоя. Находки в этом слое практически отсутствовали. Ниже находится материковый песок светло-жёлтого окраса.

На поселении открыты остатки пяти бытовых построек (в статье содержится описание жилища 2, характеристика остальных будет дана в отдельной работе, которая в настоящее время готовится к печати). Четыре из них имели столбовую конструкцию выгнутой формы, на всех без исключения отмечены следы пожара. Благодаря почти чёрному

---

¹ Зальцман Эдвин Борисович – начальник Неолитического отряда Балтийской археологической экспедиции ИА РАН. Иллюстрации выполнены Т.А. Борсученко.

цвету заполнения, конструкции хорошо заметны на фоне светло-жёлтого песка. Учитывая крупные размеры памятника, можно предполагать одновременное существование на поселении до 20 жилищ.

Жилище 2 располагалось на южной окраине. Постройка имела удлиненную форму и была ориентирована продольной осью в направлении юго-запад - северо-восток (рис.2). Общая длина конструкции – 17,70 м, ширина в среднем - 4 м. По краям жилища, на расстоянии 0,12 - 0,20 м друг от друга шли двойные ряды ямок от столбов, диаметром 0,13 - 0,15 м и глубиной 0,15 - 0,35 м, образующих стены постройки. По оси жилища чётко прослеживался ряд редких ям от крупных столбов, диаметром 0,30 - 0,35 м и заглубленных в материк до 0,40 м, служивших для поддержания кровли. Ещё один ряд столбовых ям, диаметр которых колебался от 0,25 до 0,40 м, проходил также вдоль внутреннего прямоугольника жилища, но не строго посредине, а ближе к его юго-западной стене. Большинство ям имеют конусовидную форму. Вход находился в более узкой северо-восточной части жилища, со стороны пристройки. Жилище имело, по крайней мере, два помещения, а может быть, и больше, и разделялось перегородкой. Всё сооружение было заглублено в материк со стороны входа и в средней части до 0,15 - 0,30 м, далее слой утолщался к торцу, где достигал 0,60 м. Заполнение жилища - интенсивная золистая супесь почти чёрного цвета в нижней части, ближе к верхнему ярусу слой постепенно приобретал светло-серый оттенок. Верхний, более светлый слой образовался, видимо, спустя некоторое время после пожара, когда жилище было заброшено. Здесь постепенно скопился мусор, состоящий в основном из разрозненных обломков керамики. Почти по центру жилища помещался круглый в плане очаг диаметром 1,20 м, заглубленный в материк до 0,46 м. Образцы угля, взятые из очага для радиоуглеродного анализа, показали 4220 ± 40 br, cal.2903 (2879) 2675 BC, Le-6217. Большая часть находок концентрировалась в нижнем ярусе. Обнаружены два хорошо отшлифованных теса из твёрдых пород камня с зауженным обухом и ассиметричной рабочей частью, размером $12,5 \times 4,5$ см и 12×5 см соответственно (рис.3:8,9). Формой они напоминают теса с поселения Нида [24, S.61]. Грузило представляет собой плоский камень с выемкой (рис.3:18). Столь примитивная форма сохранялась в Восточной Пруссии вплоть до позднего средневековья. Возможно, на связь с земледелием указывают находки грубо обтёсанной каменной мотыги и растирателя пестиковой формы (рис.3:7,12). Изделия из янтаря на поселении малочисленны. В жилище была найдена пластинчатая подвеска продолговатой формы (рис.3:14). Керамика разнообразна по форме. Выделяются размерами широкогорлые горшки группы три, но в жилище представлены и остальные пять групп (рис.3:11,13,15,16). Единственная амфора имела две ручки и овальную форму венчика (рис.3:10). Шейка у кубков профилирована очень слабо, один из сосудов был украшен

миниатюрными ушками (рис.3:1,2,3,6). Миски представлены двумя типами - красиво орнаментированной глубокой миской и фрагментом ванночки (рис.3:5,17).

Керамика, обнаруженная в заполнении остальных конструкций, принципиально ничем не отличается от той, что выявлена в жилище 2, хотя жилище 3 и имеет более раннюю дату – 4410 ± 80 br, cal. 3355 (3078) 2883 BC.

Находки в основном концентрировались в пределах жилищ. Исключение составляет территория, примыкающая с севера к жилищу 2. В этом секторе культурный слой обильно насыщен многочисленными обломками керамики. Видимо, сюда сбрасывался мусор.

Планировка памятника связана с характером местности, где он располагался. Дома, обращённые к заливу длинной стороной, следовали естественному изгибу холма. Жилища 2 и 3, занимающие более высокое положение на холме, своим торцом заглублялись в его основание. В той части, где находился вход, поверхность холма была превращена в ровную террасу.

Особенности и принципы домостроительства в Прибрежном можно проиллюстрировать на примере графической реконструкции жилища 2 (естественно, здесь могут быть и другие варианты, поэтому данная тема открыта для обсуждения) (рис.4). Постройка, врезавшаяся в материковый склон до глубины 0,6 м, представляла собой столбовую конструкцию удлинённой формы с двойными стенами. Стены, вероятно, были сделаны из плетня (основой служили двойные ряды столбов), по крайней мере, на это указывает пространство между ними. Следы от плетня в виде прерывистых углистых пятен темного цвета вытянутой формы (их ширина не превышает 0,06 м, заглублены в материк до 0,02 м), идущих вдоль рядов столбов, отмечены на большинстве конструкций. Однако глиной стены не обмазывались - не обнаружено ни одного куска глиняной обмазки с отпечатками прутьев. Внутреннее пространство между первым и вторым рядами столбов могло заполняться мхом, корой или жердями. Подпирая крышу, вдоль длинной оси постройки на расстоянии 4 – 4,8 м друг от друга стояли массивные столбы с развилкой. На них лежала толстая балка. С западной стороны проходил ещё один ряд крупных столбов, являющихся, вероятно, боковыми подпорками. На них, по-видимому, опирались и поперечные связи жилища. С другого края примыкали ряды столбиков, которые образовывали прямоугольный навес перед входом в помещение. Углублённая юго-западная часть жилища, где могли находиться лежанки, была предназначена скорее всего для сна. Это помещение к торцу закруглялось, но имело продолжение в виде пристройки, образующей четырёхскатную крышу. Ближе ко входу находился очаг округлой формы, отделённый стеной от жилого помещения. Четырёхскатная крыша была

сконструирована при помощи жердей, опирающихся внизу на двойные ряды сох. Сверху жерди могли накрываться тростником.

В длину жилище достигало почти 18 м, что значительно превышает размеры построек с других поселений поморской культуры (для сравнения: длина построек на поселении Сухач была в пределах 12 м). Пожалуй, эту конструкцию можно соотнести с так называемыми «длинными домами», имевшими распространение в эпоху неолита и бронзового века в разных частях Европы.

Остатки домов столбовой конструкции неоднократно засвидетельствованы на поздне-неолитических поселениях в Прибалтике. На поселениях Сухач и Толкмицко (побережье Вислинского залива) ряды столбов были двойными, по центральной оси проходил ещё один для поддержания кровли. Внутри жилищ находились каменные очаги [21, S.121-122]. Аналогичные сооружения выявлены на поселении Лагажа (Дубанская равнина). Все они имели прямоугольную форму, двойные ряды столбов и двухскатные кровли [3, с.58]. Постройки подобной формы открыты и на другом поселении в Латвии - Лейманишки [1, с.57]. В восточной части Калининградской области на левом берегу реки Шешупе (с.Тушино) кандидатом исторических наук В.И. Тимофеевым выявлено поселение культуры шнуровой керамики со следами жилища столбовой конструкции [5, с.37]. Постройки с очагами внутри и двойными стенами встречались при раскопках поселения Нида в Литве [25, S.262]. Строения достигали длины 7-10 метров, их ширина в среднем была 4-5 метров. Жилища имели несколько помещений. Остатки жилищ удлиненной формы выявлены в Восточной Литве на поселении Жямайтишке 2 [2, с.88-89].

На побережье Балтики жилища столбовой конструкции с углубленным полом известны довольно широко. В Северо-Западной Ютландии на стоянке культуры одиночных погребений Мортенс-Санде 2 выявлена конструкция с двухрядным расположением столбов [16, S.102]. Возможно, углы у постройки имели округленную форму. На поздне-неолитическом поселении Тастум исследованы жилища прямоугольной формы с центральными столбами по оси постройки [27, S.83]. В Северной Ютландии подобные постройки выявлены на поселении Мирхой [27, S.87]. В Швеции жилища сходной конструкции обнаружены в Мальмё, но здесь постройки имели более крупные размеры [9, S.230-231]. На острове Борнхольм на поселении Лименсгард встречались конструкции, длина которых была более 40 метров [19, S.107-108]. Они имели четырехскатную крышу, округлый торец, двойные ряды ямок. Все эти постройки являются более поздними по отношению к жилищам в Прибрежном. Более ранние жилые структуры, выявленные на поселениях среднего неолита Грудберггард и Лименсгард, имели вытянутую прямоугольную форму и длину 16,5-21,5 м. Их ширина – 6-7 м. Столбы для поддержания крыши были расположены в одном метре от

стен, внутри жилища находился ещё один ряд опорных столбов – конструктивные особенности, в Прибрежном неизвестные [20, S.69-70].

Традиция возводить постройки столбовой конструкции в Восточной и Юго-Восточной Прибалтике получила широкое распространение с приходом племён культуры шнуровой керамики (далее КШК). Отдельные элементы конструкции жилищ в Прибрежном не имеют полных аналогий среди построек поселений поморской культуры. Это касается, прежде всего, овальной формы заглубленной части жилища. Возможно, близкой по форме могла быть единственная постройка с овальными в плане углами на поселении Нида. Длина этого строения – 12 м, ширина – 3-4 м [25, S.262].

Трапециевидные постройки со стенами, образованными двумя рядами параллельных друг другу столбов, известны в люповской группе культуры воронковидных кубков (далее КВК). Многие конструктивные особенности этих жилищ близки тем, что получили распространение в Прибрежном (наличие центральных столбов для поддержания кровли, разделение на отдельные помещения, расположение жилищ параллельно друг другу) [30, S.193-198]. Велика вероятность того, что это сходство неслучайно.

Посуда, обнаруженная в жилищах, а также в межжилищном пространстве, отличается выработанностью формы, устойчивостью и своеобразием орнамента. Явно существовал неопределённый по продолжительности отрезок времени, когда эти древности ещё только начинали складываться.

Использовались два способа изготовления сосудов: в стык и методом соединения зауженных краёв лент. В тесте преобладает примесь дресвы. Все сосуды имеют плавные очертания, венчик чаще всего выражен слабо. На многих сосудах имелись различной формы ушки, которые крепились с помощью шунтов. Орнамент обычно наносился лишь на верхнюю часть сосуда и состоял из несложных композиций, основой которых чаще всего были горизонтальные отпечатки шнура. Совсем неорнаментированных сосудов – 51,36%. Нарезной орнамент для поселения не характерен, преобладают различные варианты шнутового орнамента в виде горизонтальных отпечатков шнура с треугольниками, обращенными вершиной вниз, что является одной из особенностей керамики поселения (15,35%). Подобный вид орнамента наносился на все типы посуды без исключения. Керамика, украшенная лишь горизонтальными отпечатками шнура составляет 6,31%. Горизонтальными линиями в сочетании с полуovalами украшалось 4,58% посуды. Ямками различной формы покрыты 7,8 % сосудов, более редкими являются штампы, состоящие из рядов столбиков (1,48%); 1,86% сосудов орнаментированы зигзагом или волной, 3,09% сосудов украшались простейшим орнаментом в виде пальцевых вдавлений.

По форме посуда подразделяется на шесть типов: амфоры и амфорообразные сосуды, кубки, широкогорлые горшки, горшки средних размеров, миски и ванночки.

Амфоры и амфорообразные сосуды - широко распространённый тип посуды в Прибрежном. Для него характерны короткая шейка, примесь в тесте дресвы, средняя толщина стенок, в верхней или центральной части расположены две ручки небольших размеров. Тулово иногда имеет заметно выраженные плечики, но чаще встречаются сосуды с более покатыми плечиками. Оригинальный облик амфорам и амфорообразным сосудам придаёт овальная форма горлышка, что является своеобразной чертой этого типа (рис. 3:10; 5:1-3). Орнамент не отличается особым разнообразием - горизонтальные отписки шнура, треугольники, волна или полуovalы в верхней части.

Фрагменты кубков сравнительно немногочисленны. К достаточно редким формам можно отнести кубки с S-образной профилировкой шейки и хорошо выраженными плечиками, широко распространённые на других поселениях поморской культуры. Для поселения Прибрежное наиболее характерны слабопрофилированные кубки среднего размера с почти прямыми венчиками (рис. 5:7,8). Встречаются кубки, близкие к воронковидной форме (рис. 5:4,5,6). Поверхность кубков тщательно заглажена, в глиняной массе примесь очень мелкой дресвы. Сосуды украшались горизонтальными отписками шнура, треугольниками, а также ямками. Кубки могли украшаться и миниатюрными ушками.

Широкогорлые горшки открытого типа - наиболее значительная часть керамического комплекса на памятнике. Диаметр дна у этих сосудов в 2,5-3 раза меньше горловины. Широкогорлые горшки подразделяются на шесть групп.

Сосуды группы 1 характеризуются крупными размерами, невыразительной и короткой шейкой, округлое тулово в средней части плавно изгибается к маленькому дну (рис. 6:1-4).

Для сосудов группы 2 характерны более вытянутые пропорции тулова. Шейка относительно хорошо профилирована и отогнута наружу (рис. 6:5-7). Плавный изгиб тулова рядом с дном отличает большинство групп широкогорлых горшков.

Горшки группы 3 отличаются от двух предыдущих групп большей выпуклостью стенок в верхней части и туловом, близким к яйцеобразной форме. Шейка выражена слабо (рис. 3:15,16).

Горшки группы 4 приземисты (соотношение диаметра верхней части и высоты сосуда - 1,5 × 1), шейка отсутствует (рис. 7:1,2).

Группа 5 представлена горшками с туловом, близким к округлой форме (рис. 7:3-5).

К особому типу относятся горшки группы 6, имеющие удлиненную форму, прямой или слегка отогнутый венчик и плавно сужающееся к

днищу тулово, часто украшенное ушками и разнообразным орнаментом (рис. 3:11).

Горшки средних размеров (диаметр венчика 12-25 см) во многом повторяют формы крупных широкогорлых горшков, отличаясь в основном соотношением между шириной верхней части сосуда и днищем (рис. 8:1-4). Шейка выражена незначительно, а в некоторых случаях полностью отсутствует. Горшки орнаментированы горизонтальными отгисками шнура и треугольниками, часто встречаются «перловы» отгиски.

Округлые миски подразделяются на четыре группы: глубокие с S-образным или прямым венчиком, полуглубокие с прямым венчиком, в форме полусферы (рис.8:5-8; 3:5) и воронковидные миски с внутренней орнаментацией (рис.9:1-3). Для первых трёх типов характерно разнообразие орнаментов.

Миски вытянутой формы, или ванночки, делятся на две группы: вытянутой формы с округленными и тупыми концами и овальной формы со слегка вогнутыми стенками. Изредка они украшались снаружи или изнутри отгисками шнура.

На поселении, ближе к кромке заболоченного берега наряду со шнуровой керамикой, также встречались в небольшом количестве фрагменты типичной для нарвской культуры пористой керамики с преобладанием органики в тесте (всего 18 фрагментов). Сосуды имели I-образную и S-образную шейки (рис. 10:1-5). Как известно, песчаные почвы могут способствовать смешению культурных отложений. Скорее всего стоянка нарвской культуры небольших размеров существовала здесь ещё до появления носителей культуры шнуровой керамики.

Сопоставление керамики поселения Прибрежное с керамическими комплексами поселений западной и северо-восточной групп поморской культуры выявляет не только многочисленные черты сходства между ними, но и существенные различия. В составе керамического комплекса в Прибрежном не представлены одни из самых характерных форм посуды поморской культуры. Практически полностью отсутствуют широкогорлые горшки с налепными валиками, являющиеся важной составляющей керамических комплексов прибрежных поселений. Декорированные налепными валиками сосуды были распространены от Швейцарии до Финляндии и связываются с общеевропейским горизонтом. К общеевропейскому горизонту относятся кубки с S-образной профилировкой шейки и амфоры тюрингского типа, широко известные от Швейцарии до Дании. На побережье Гданьского залива материалы с типичными особенностями общеевропейского горизонта шнуровой керамики встречаются достаточно часто [18, S.128]. Отсюда такими близкими кажутся многие формы посуды, бытовавшие как на поселениях Жуцево и Сухач в Прибалтике, так и на приозёрных поселениях в Швейцарии [28, S.72-73]. В Прибрежном A-амфоры, однако,

не получили распространения. Не зафиксированы здесь и крупные широкогорлые горшки воронковидной формы, входящие в состав керамических комплексов на ряде поселений поморской культуры. Крайне редок нарезной орнамент на сосудах и орнамент с сочетаниями горизонтальных оттисков шнура и ямок. Кубки обнаружены в незначительном количестве - всего 3,8% от общего количества сосудов на поселении, в противоположность широкогорлым горшкам открытого типа, число которых составляет 41,2%.

При сравнении с конкретными памятниками поморской культуры различия становятся еще нагляднее, но в то же время проявляется несомненное родство в ряде специфических форм посуды.

К раннему этапу относится существовавшее до максимума литориновой трансгрессии поселение северо-восточной группы поморской культуры Швянтойи-1А (4100 ± 100 br). Формирование этого памятника, несомненно, связано с западными влияниями. В керамике преобладают черты, типичные для общеевропейского горизонта: кубки с S-овидной профилировкой шейки и орнаментированные горизонтальными оттисками шнура и рядами наколов, широкогорлые горшки с налипными валиками [23, S.53-62]. Была обнаружена и А-амфора [23, S.61]. Следует также отметить, что в составе керамического комплекса Швянтойи 1А преобладают кубки (70 %), что резко отличает памятник от Прибрежного. Лишь глубокие миски с прямым венчиком подобны тем, что встречаются в Прибрежном [23, S.55].

Ещё более ранним памятником КШК является поселение Шарняле в Западной Литве (его дата – 4260 ± 90 br), керамический комплекс которого обнаруживает ряд редких, но сходных черт с керамикой анализируемого поселения. Выражается это, прежде всего, в формах слабопрофилированных кубков, орнаментированных горизонтальными оттисками шнура (таковых 56 %) [10, S.184-187]. В целом они аналогичны обнаруженным в Прибрежном, причём и здесь, и там в тесте преобладает примесь дресвы.

Поселение Нида, датируемое уже последним столетием третьего тыс. до н.э. (4070 ± 50 br), характеризуется очень разнообразным керамическим комплексом, в котором также представлены сосуды, ведущие своё происхождение от общеевропейского горизонта, что нашло своё выражение в ряде форм кубков и горшков с налипными валиками (в процентном отношении валиковые узоры занимают третье место) [4, с.37-38]. Много горшков воронковидной формы [24, рав. 52,53,55,72,83-85]. В орнаментике преобладают чередующиеся горизонтальные оттиски шнура и ямки различной формы и иные комбинированные узоры, встречаются заштрихованные треугольники [24, рав. 74;9,75:1-4;97,98]. Нередок орнамент в виде горизонтальных полос, имитирующих шнур [24, рав. 102].

Среди широкогорлых горшков выделяется группа, вероятней всего, совершенно аналогичная группам 1-3 в Прибрежном [24, раv. 73:2,5,7;74:1,6,9;75:1,3-7;76:1,6,7;77:1-4;78:1,3,4]. Часто они имеют тот же декор – обращённые вершиной вниз треугольники и горизонтальные отгиски шнура [24, раv. 73:5;74:6;75:1,3,5,7]. Эти сосуды декорированы ушками в форме подковы, которые имели, правда, более узкую форму [24, раv. 82:7,11]. Прослеживается явное соответствие между мисками группы 1-3 в Прибрежном и аналогичными мисками групп 1,2,4 с поселения Нида, хотя украшаться они могли иначе [24, раv.88,91,93]. По мнению доктора Р. Римантене, - это ранние формы [24, S.143]. Общие черты прослеживаются в специфической технике орнаментации, называемой перловыми полосками или «бисером» [24, S.162-163, раv. 104]. В Прибрежном такой способ орнаментации посуды встречается чаще и имеет более богатые формы (рис.6:2). Есть основание предполагать наличие на поселении амфорообразных сосудов с овальной формой венчика [24, S.113].

Среди древностей, обнаруженных в довоенное время на Куршской косе в районе Юодкранте (бывш. Шварцпорт), выявляются всё те же аналогии. Со стоянки южнее Юодкранте происходит округлой формы миска, аналогичная миске из жилища 3 в Прибрежном. Отличается лишь орнамент. В том же районе обнаружены фрагменты широкогорлых горшков групп 1-3 [13, Abb.80,82,84,94, S.25,28]. Некоторые образцы имели ушки в форме подковы. В целом большая часть керамики из довоенных раскопок на Куршской косе находит большинство соответствий на поселении Нида, но не в Прибрежном, что естественно. Если и существуют на Куршской косе памятники, близкородственные Прибрежному, то они до сих пор совершенно не исследованы.

Опубликованный керамический материал с поселений Цедмар А и Д, касающийся шнуровой керамики, незначителен в количественном отношении. На поселении Цедмар А-сосуды имеют S-овидный профиль и орнамент в виде комбинированных шнуровых узоров или ямок [14, taf.X; 13, Abb.78]. Возможно, этот слой, залегающий над слоями собственно цедмарской культуры, является более поздним, чем в Прибрежном.

В географическом отношении наиболее близкие к Прибрежному крупные поселения поморской культуры расположены на юго-восточном побережье Вислинского залива.

Особый интерес вызывает керамический комплекс поселения Сухач, судя по всему довольно ранний, где, как уже указывалось выше, были обнаружены остатки домов столбовой конструкции. Сопоставление орнаментики и форм сосудов позволяет констатировать существование ряда сходных черт. Однако все они имеют ограниченный характер. Как и на многих других памятниках, здесь присутствуют все важнейшие элементы общеевропейского горизонта. Мы можем отметить А–

амфоры, широкогорлые горшки и кубки с налпными валиками, А-кубки [14, taf.I:1-4; taf.V:18, taf.VII:30,31; taf.VIII:35-36, taf.XXIV:147-148]. Те амфоры, что орнаментированы шнуром, - округлой формы, и это сближает их с амфорами поселения Нида, но не Прибрежное [14, taf.II:5-8; taf.III:9,12]. Некоторые миски, как и на поселении Нида, имели по бокам ручки [14, taf.XV:91]. В Прибрежном подобные миски неизвестны. Горшки воронковидной формы встречаются на поселениях Сухач и Нида, но только не в Прибрежном [14, taf.XVII:103-104; taf.XX:125; taf.XXI:132; taf.XXII:140,143]. Генетическая связь между керамикой поселений Прибрежное и Сухач прослеживается всё в тех же формах, что и на поселении Нида. По-прежнему общим элементом являются горшки группы 1-3 [14, taf.XVIII:105-109,111-114; taf.XIX:115-123; taf.XX:124-125; taf.XXI:133,135,137; taf.XXII:142]. Некоторые из них украшались треугольниками, полуovalами или волной [14, taf.XVIII:111,112; taf.XIX:115-118]. Присутствуют здесь, по-видимому, и амфорообразные сосуды, но с горловиной обычной формы [14, taf.IX:43-44]. Миски, орнаментированные волной или рядами ямок, безусловно, являются близкородственными формами, причём это те же типы, что и в Нида [14, taf.XV:88,90; taf.XVI:95].

Керамика с поселения Толькмишко (Толькемит), представленная в работах Берендта, Гэрте, Килиана, Штурмса, имеет намного меньше параллелей. Но и здесь использовались широкогорлые горшки группы 1-3 [13, S.25, Abb.79; S.29, Abb.99; S.33, Abb.116; 29, taf.94:1; 8, S.122-123]. Отдельные сосуды орнаментировались ямками, образующими горизонтальные и вертикальные ряды, подобно тому, как украшались сосуды в Прибрежном [13, S.13, Abb.28; S.15, Abb.43-44].

В Жупево, наряду с преобладанием керамики, имеющей прямые аналогии в древностях общеевропейского горизонта и культуры одиночных погребений, встречаются формы, близкие широкогорлым горшкам и мискам группы 1-3 [31, tabl.II:2,5,7; tabl.VII:2-5,7,15].

Таким образом, и в северо-восточной группе и в западной, в особенности на поселениях юго-восточной части Вислинского залива, выявляется комплекс общих соответствий в керамическом материале, причем ограниченных в основном широкогорлыми сосудами группы 1-3 и мисками группы 1-3. В орнаментации сходство выражается шире, имеется ряд общих мотивов, таких, как обращённые вершиной вниз треугольники, волна, полуovalы, горизонтальные и вертикальные ряды ямок и наколов различной конфигурации. Но этим сходство и исчерпывается. Отличительной особенностью керамических комплексов перечисленных выше поселений является господство форм посуды и орнаментов, связанных своим происхождением с западными импульсами, и прежде всего с общеевропейским горизонтом шнуровой керамики. Ни с одним из этих памятников Прибрежное полностью соотносить нельзя.

Естественно, вызывает недоумение почти полное отсутствие этих элементов в Прибрежном, учитывая, что поселение возникло очень рано и существовало не одно столетие. Устойчивое их неприятие в Прибрежном выглядело бы довольно странно на фоне большинства остальных поселений поморской культуры, если бы не находки на весьма отдаленном от Прибрежного неолитическом поселении Рева в юго-восточной части Кашубского побережья. В целом керамический материал из Ревы близок комплексу Прибрежное по всем основным параметрам [12, рис.7:a-d,f,g,i; рис.8:a-m]. Почти идентичны все представленные формы широкогорлых горшков (группы 1-3), глубоких мисок, кубков. Одним из важнейших показателей родства можно назвать миски, орнаментированные изнутри шнуром, аналогичные тем, что обнаружены в Прибрежном. Структура орнаментальных традиций близка той, что сформировалась в Прибрежном, хотя есть и небольшие отличия, выразившиеся в большей распространенности вертикальных отрисков шнура, что, как считается, указывает уже на чуть более позднюю фазу, чем в Прибрежном [12, S.67, рис.7:f,g]. Впрочем, это можно считать и локальными особенностями.

Близкой к характеризованному материалу можно считать керамику со стоянки Пененжно, расположенной в 32 км от юго-восточной оконечности Вислинского залива. Почти все представленные здесь сосуды имеют признаки, обнаруживаемые в керамике поселения Прибрежное (широкогорлые горшки группы 1-3) [17, S.171,172,175, рис.7-9]. Причем один из сосудов, видимо, относится к группе 6 [17, S.175, рис.9]. Декор на сосудах представляет одну с Прибрежным традицию – обращенные вершиной вниз треугольники различных видов и полуovalы [17, S.172, 175, рис.8-9].

Аналогичные характеристики имеют материалы с поселения Свенты-Камень, расположенного неподалеку от Тольмицко. Формы и пропорции горшков, элементы орнамента здесь подобны тем, что найдены в Реве и Пененжно [11, Abb.5-7; 29, taf.90:3; 14, taf.XXI:138; 13, S.26, Abb.85,87]. Можно отметить большую долю ямочных орнаментов [11, Abb.3,4,7,8].

В 1999 году, благодаря активной деятельности краеведа А.В. Пурихова, в посёлке Крылово (бывш. Норденбург) Правдинского района, вблизи границы с Польшей, были обнаружены следы неизвестного ранее поздне-неолитического поселения. От Вислинского залива его отделяют более 100 км. Памятник находится на берегу небольшой речки Путиловка, впадающей уже на польской территории в оз.Освин. В культурном отношении поселение явно относится к той же культурной группе, что и Прибрежное (рис.11:1-3). Собранные фрагменты керамики, все с отпечатками шнура и с примесью дресвы в тесте, соответствуют горшкам открытого типа группы 3. В орнаментике заметны следы сильного влияния КША (рис.11:2). Вся керамика толсто-

стенная, некоторые горшки имели очень крупные размеры, и, следовательно, поселение могло быть долговременным (рис.11:3). Ранее считалось, что поселения поморской культуры, имеющие долговременный характер, концентрировались исключительно на побережье.

Культурный слой поселения частично перекрыт построенной в XV веке кирхой. В 1705 году после сильного пожара здание было перестроено [7, S.80]. К сожалению, при неоднократной застройке слои памятника могли быть серьёзно нарушены.

Ещё один новый памятник поморской культуры был выявлен автором в районе посёлка Ушаково (бывш. Бранденбург), в месте, где река Прохладная впадает в Вислинский залив (в 7 км от Прибрежного). Здесь были обнаружены специфические для поморской культуры миски-ванночки и фрагменты сосудов средних размеров, все с примесью в тесте дресвы (рис.11:4-7). Формы сосудов аналогичны тем, что известны в Прибрежном.

Можно предположить, что все эти керамические комплексы отражают единую линию развития. Многие принципиальные особенности в орнаментике, формах посуды, изделиях из камня указывают на очевидную генетическую связь между этими памятниками.

Отдельные, но очень важные черты связывают поселение Прибрежное с люпавской группой КВК, занимавшей в 2700-2300 гг. до н.э. территорию Западного Поморья. Влияние культурной традиции люпавской группы отразилось, прежде всего, в существовании как в Прибрежном, так и в Реве мисок с внутренней орнаментацией и имеющих форму близкую к воронковидной. В люпавской группе подобной формы миски - не редкость [30, S.67, рис.27:8,11,19; S.157, рис.49:3,9]. Распространённые в Прибрежном орнаментальные схемы, включающие в себя различные виды ямок, составляющие различные горизонтальные и вертикальные ряды, иногда вместе, иногда порознь, с большой долей вероятности связаны с традициями орнаментики люпавской группы [30, S.87,89,91,117,121,123]. Практика украшать сосуды орнаментом в виде бисера или псевдошнура могла возникнуть в Прибрежном под влиянием указанной группы, хотя там есть свои особенности [30, S.87]. В составе орнаментальных схем люпавской группы также имеются шнуровые узоры, образующие горизонтальные оттиски шнура и полуovalы. Есть орнаменты, где горизонтальные линии разделяются вертикальными. Все это известно в Прибрежном. Общим элементом является волна, образованная шнуром [30, S.75,77]. Однако подобные орнаменты слишком широко распространены, причем в различных по происхождению культурах. С влияниями КВК в более широком смысле можно связать амфоры поселения Прибрежное. Протообразом могли послужить амфоры баальбергской культуры [22, taf.25,26,41,44,45]. Кстати, амфоры подобной формы имеются в культуре КВК в области Мекленбург [26, Abb.13:d].

В целом можно утверждать, что в Прибрежном, с учетом принципов домостроительства, как и в памятниках подобного ему типа, ощущается влияние культурных традиций люповской группы КВК, а может быть, и некоторых других культурных групп воронковидных кубков. Однако не они были определяющими на начальном этапе сложения поморской культуры, и в частности памятников типа Прибрежное.

Некоторые особенности формы и орнаментации посуды исследуемого памятника находят ряд параллелей в КША. К ним могут принадлежать широкогорлые горшки группы 5, орнаментированные полуовалами. Орнамент, состоящий из рядов столбиков, образующих горизонтальные и ломаные линии (составляет всего 1,48 %), скорее всего связан своим происхождением с КША (хотя встречается и в люповской группе КВК).

Возможные связи с традициями культур лесного неолита прослеживаются в ряде ямочных орнаментов. В связи с этим особого внимания заслуживают плоскодонные горшки открытого типа в цедмарской культуре [6, с.277, рис.3в]. Не исключено, что широкогорлые горшки цедмарского типа могли послужить прототипами для горшков первой и второй групп, являющихся наиболее распространёнными формами в Прибрежном (рис.6:1-7).

Традиционно считается, что направляющим вектором в становлении поморской культуры был общеевропейский горизонт шнуровой керамики, очень быстро распространившийся по побережью Балтийского моря. В последние годы древности, относящиеся к общеевропейскому горизонту, выявлены в Западной Белоруссии [15, S.167-173]. В микрорегионе, к которому относится Прибрежное, элементы общеевропейского горизонта известны из материалов стоянки поморской культуры Светлое (Циммербуде), расположенной в пределах видимости исследуемого поселения [14, S.242].

В таком случае, что за явление представляет собой поселение Прибрежное и ряд родственных ему памятников, материалы которых, будучи довольно ранними, принципиально отличаются от древностей общеевропейского горизонта? Выражают ли они собой особый путь развития, очень слабо связанный с общеевропейским горизонтом шнуровой керамики, когда группы населения, имеющие в культурном и этническом плане четкие различия, проживали чересполосно, или это можно объяснить как-то иначе? Не странно ли, что на поселениях с элементами общеевропейского горизонта в керамике одновременно существует посуда, типичная для Прибрежного, в то время как в Прибрежном связи с общеевропейским горизонтом минимальны. Нельзя ли считать поселение Прибрежное и другие сходные с ним памятники не просто относящимся к особой культурной группе, но, как бы это не казалось маловероятным, той основой, из которой первоначально развилась собственно поморская культура, вобрав в себя элементы

КВК, КША, лесных культур и ранней шнуровой керамики, не имеющей прямых контактов с общеевропейским горизонтом. Это первоначальное ядро уже на самом раннем этапе столкнулось с иными этнокультурными импульсами, идущими с запада. Прибалтику захлестнула волна общеевропейского горизонта, и лишь в отдельных районах сохранились группы населения, продолжающие развивать собственные культурные традиции.

Анализ материалов поселения Прибрежное показывает, что здесь переплелось несколько культурных традиций. По-видимому, влияние КВК и КША, а также, возможно, нарвской культуры наложило отпечаток на особенности формы и орнаментации посуды памятника, которые развивались весьма своеобразным путём, хотя определяющим началом стала группа культуры шнуровой керамики, в наименьшей степени связанная с общеевропейским горизонтом. В целом специфические черты домостроительства, каменного инвентаря, керамики поселения Прибрежное и открытых недавно новых памятников характеризуют особенности развития поморской культуры в восточной части занимаемой этой культурой территории.

В заключение хотелось бы выразить признательность руководителю отдела каменного века ИИМК РАН кандидату исторических наук В.И. Тимофееву, д-ру хаб. Р.Римантене, д-ру хаб. А. Гирининкасу, д-ру Т. Остраускасу, д-ру Бразайтису Д. (Институт истории Литвы), д-ру хаб., профессору Ал. Кошко, д-ру Б. Юзвяку, д-ру хаб. Я. Чебрещукку (Институт праистории УАМ), д-ру хаб. М.Шмит (Восточный институт УАМ), д-ру Д. Принке (Музей археологии в Познани), д-ру Я. Собераю (Музей Вармии и Мазур в Ольштыне), советы и поддержка которых стимулировали исследования в Прибрежном.

Список литературы:

1. Ванкина Л.В. Шнуровая керамика на территории Латвии // Из древнейшей истории балтских народов. Рига, 1980. С.47-58.
2. Гирининкас А. Крятьуонас. Средний и поздний неолит // Lietuvos Archeologija. 1990. №7.
3. Лозе П.А. Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига, 1979.
4. Римантене Р.К. Культура шнуровой керамики в Прибалтике // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1981. С. 34-40.
5. Тимофеев В. П. Новые данные по хронологии неолита Юго-Восточной Прибалтики // Памятники эпохи неолита. КСИА. Вып. 153. М., 1978. С. 34-37.
6. Тимофеев В.П. Цедмарская культура в неолите Восточной Прибалтики // Тверской археологический сборник. Тверь, 1998. Вып.3. С.273-280.
7. Bachtin A. Doliesien G. Vergessene Kultur: Kirchen in Nord-Ostpreussen. Husum, 2000.
8. Berendt G. Altpreussische Küchenabfälle am Frischen Haff. // SPÖG. 16. 1875. S.117-126.

9. *Björhem N.* Senneolitiska hus i Malmö // Stridsyxekultur i Sydskandinavien. Rapport från det andra nordiska symposiet om Stridsyxetid i Sydskandinavien 31.X – 2.XI.1988. University of Lund. Institute of archaeology. Report series № 36. 1989. S. 227-242.
10. *Butrimas A.* Šarnelės neolito gyvenvietė // Lietuvos Archeologija, 14. Vilnius, 1986. S.174-191.
11. *Ehrlich B.* Das neolithische Dorf bei Wieck–Luisenthal (Kr. Elbing) am Frischen Haff // Prussia, 1923. № 24. S.115-142.
12. *Felczak O.* Wyniki badań wykopaliskowych na osadzie kultury rzucewskiej w Rewie, gm. Kosakowo, woj. Gdańsk // Sprawozdania Archeologiczne. T. XXXV, 1983. T. XXXV. S.51-68.
13. *Gaerte W.* Die steinzeitliche Keramik Ostpreußens. Königsberg, 1927.
14. *Kilian L.* Haffküstenkultur und Ursprung der Balten. Bonn, 1955.
15. *Kryvalsevich M. Kalechys A.* Some “A-Horizon” components of the early corded ware culture in western Belarus // Lietuvos Archeologija 19. Vilnius, 2000. S.167-174.
16. *Liversage D.* Mortens Sande 2 – A Single Grave Camp Site in Northwest Jutland // Acta Archaeologica . København, 1997. Vol.48. S.101-124.
17. *Łowiński G.* Badania archeologiczne na stanowisku kultury rzucewskiej w Pieńcznie, woj. Elbląskie // Badania archeologiczne w woj. Elbląskim w latach 1980-83. Malbork, 1987. S.165-176.
18. *Machnik J.* “Rzucewo Culture” and the Early Horizon of the Corded Ware // The Built Environment of Coast Areas during the Stone Age. Gdańsk, 1997. S.128-134.
19. *Nielsen F.O. Nielsen P.O.* Middle and Late Neolithic Houses at Limensgård, Bornholm. A Preliminary Report // Journal of Danish Archaeology. 1985. Vol.4. P.101-114.
20. *Nielsen F.O. Nielsen P.O.* The Funnel Beaker Culture on Bornholm. Some results from recent excavations // Die Trichterbecherkultur. Neue Forschungen und Gypothesen. Teil 1. Poznań, 1990. S. 55-71.
21. *Okulicz Y.* Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu do VII w.n.e. Olsztyn, 1973.
22. *Preuss J.* Die Baalberger Gruppe in Mitteldeutschland. Berlin, 1966.
23. *Rimantiene R.* Šventoji. Pamariu kultūros gyvenvietės. Vilnius, 1980.
24. *Rimantiene R.* Nida. Senųjų baltų gyvenvietė. Vilnius, 1989.
25. *Rimantiene R.* Akmens amžius Lietuvoje. Vilnius, 1996.
26. *Schuldt E.* Steinzeitliche Keramik aus Mecklenburg. Schwerin, 1972.
27. *Simonsen J.* A Late Neolithic House Site at Tastum, Northwestern Jutland // Journal of Danish Archaeology . 1983. Vol.2. P.81-89.
28. *Strahlm C.* Die Gliederung der schnurkeramischen Kultur in der Schweiz // Acta Bernensia, Bern, 1971, №6.
29. *Šturms E.* Die steinzeitlichen kulturen des Baltikums. Bonn, 1970.
30. *Wierzbicki J.* Łupawski mikroregion osadniczu ludności kultury pucharow lejkwatych. Poznań, 1999.
31. *Żurek J.* Osada z młodszej epoki kamiennej w Rzucewie, pow. Wejherowski, i kultura rzucewska // Fontes Archaeologici Posnaniensis 1953. Poznań, 1954. №4. S. 1- 42.

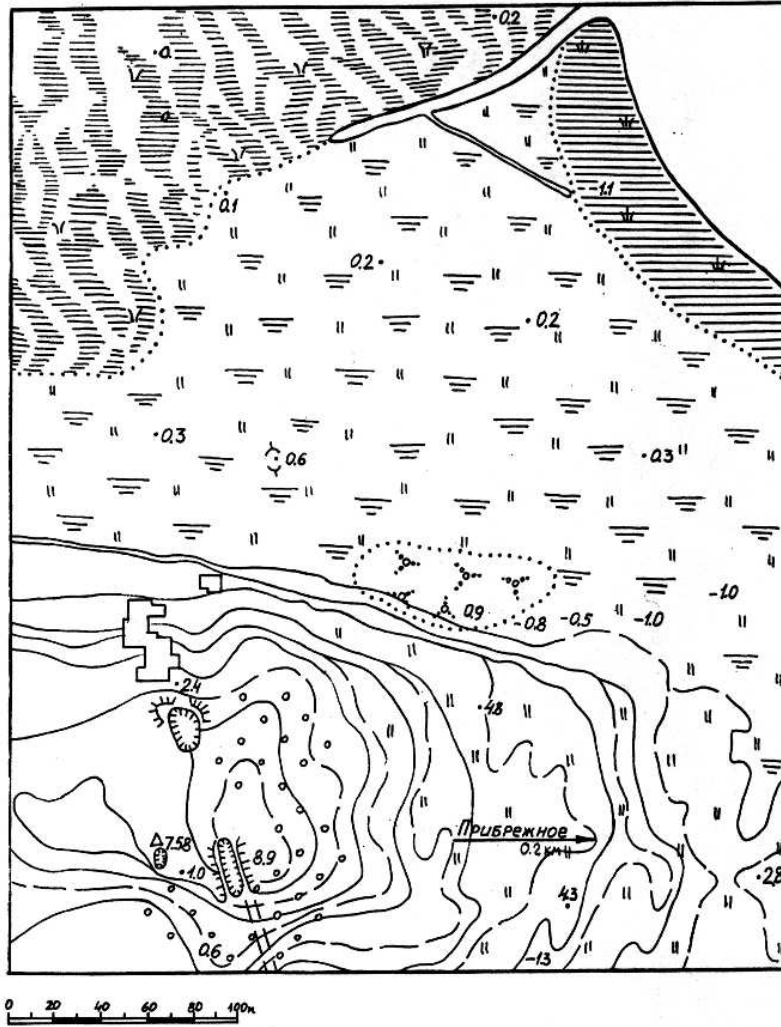

Рис. 1. Ситуационный план поселения Прибрежное с указанием раскопов

НЕТ ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ РИСУНКА

Рис. 2. Поселение Прибрежное. План жилища 2

НЕТ ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ РИСУНКА

Рис. 3. Поселение Прибрежное. Жилище 2 (1-6, 10, 11, 13, 15-17 – керамика;
7-9, 12, 18, - изделия из камня; 14 – янтарная подвеска).

НЕТ ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ РИСУНКА

*Рис. 4. Поселение Прибрежное. Жилище 2
(Реконструкция Зальцмана Э.Б., Борсученко Т.А.)*

НЕТ ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ РИСУНКА

Рис. 5. Поселение Прибрежное. Амфоры
и амфорообразные сосуды: 1-3; кубки: 4-8

НЕТ ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ РИСУНКА

*Рис. 6. Поселение Прибрежное. Широкогорлые горшки группы 1: 1 – 4;
широкогорлые горшки группы 2: 5 -7*

НЕТ ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ РИСУНКА

*Рис. 7. Поселение Прибрежное. Широкогорлые горшки группы 4:
1,2; широкогорлые горшки группы 5: 3-5*

НЕТ ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ РИСУНКА

Рис. 8. Поселение Прибрежное. Горшки средних размеров:
1-4; глубокие миски: 5-8

НЕТ ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ РИСУНКА

Рис. 9. Поселение Прибрежное. Миски воронковидной формы

НЕТ ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ РИСУНКА

Рис. 10. Поселение Прибрежное. Фрагменты пористой
(с органическими примесями) керамики

НЕТ ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ РИСУНКА

Рис. 11. Керамика с поселений Крылово (1-3) и Ушаково (4-7).

**WSCHODNIOEUROPEJSKA ODNOGA W SYSTEMIE
SZLAKÓW BURSZTYNOWYCH W PÓŻNEJ EPOCE BRĄZU
W ŚWIETLE NAJNOWSZYCH ODKRYĆ W STREFIE
PÓLNOCNEGO PONTU**

W rozważaniach nad istotą kontaktów między społeczeństwami pradziejowymi szczególne miejsce zajmują studia nad problemem wymiany, jej skalą i organizacją. W zakres tych dociekań wpisują się próby identyfikacji dóbr wymiany oraz przebiegu ich wędrówki między grupami ludzkimi. Bursztyn, obok rud metali, soli, surowców kamiennych i krzemiennych itp., należy do substancji o szczególnym znaczeniu. Z racji jego właściwości jak i ograniczonego terytorialnie występowania rozważania nad bursztynem włączone zostały do studiów nad relacjami socjo-ekonomicznymi grup ludzkich w wymiarze funkcjonowania dalekosiężnych dróg powiązań między społecznościami pradziejowymi. Bursztyn był wymieniany już od okresu neolitu, jednakże wykształcenie się w miarę stabilnych sieci obrotu nim może być postulowane dopiero wraz z początkiem epoki brązu. Problem funkcjonowania środkowoeuropejskich szlaków bursztynowych prowadzących do jutlandzkich i pomorsko-sambijskich wychodni wspomnianego surowca jest przedmiotem szerokiej dyskusji, której przebiegu w poniższym studium nie będę przytaczać w całości [por. 6; 7; 8; 14 – tam dalsza literatura].

Dla dalszych rozważań istotna kwestia definicji żywicy kopalnej jaką jest bursztyn. Termin «bursztyn» jest w poniższym studium używany w znaczeniu jednego tylko rodzaju żywicy – sukcyntu. Drogą identyfikacji surowca, a tym samym jego pochodzenia, są metody fizykochemiczne. Najbardziej pomocną w identyfikacji materiału jest spektrofotometria absorpcyjna w podczerwieni. Jej wynik jest w dużej mierze zależny od stopnia oksydacji próbki. Bursztyn jest substancją bardzo wrażliwą na utlenianie. W przypadku zabytków archeologicznych z tej substancji mamy do czynienia z daleko posuniętą oksydacją, co w wielu przypadkach utrudnia lub wręcz uniemożliwia określenie składu surowca. Ponadto ograniczeniem użyteczności tej metody dla identyfikacji złożeń mogą być spostrzeżenia poczynione przez S. Savkevicha: jedno złożenie zawiera przynajmniej dwa minerały; identyczne minerały mogą występować w różnych rejonach geograficznych pod warunkiem, że podlegały one tym samym procesom geologicznym [15, p.48].

W badaniach nad rozbudową szlaków bursztynowych zazwyczaj wskazuje się na nadmorskie, a właściwie morskie wychodnie sukcyntu – zachodnie wybrzeże Jutlandii i Półwysep Sambijski. W strefie tej dostępność surowca jest

---

¹ *Слюсарска Катажжина* – magister, сотрудник Института прансторини университета им. Адама Мицкевича (Познань, Польша).

bardzo duża. Jednakże występowanie tego mineralu nie ogranicza się do wybrzeża Bałtyku. W grę wchodzić mogą także rozległe złoża śródlądowe obecne również na terenie Ukrainy. Złoża bursztynonośne występują w górnym biegu Bohu, zachodniej części dorzecza Prypeci i środkowego Dniepru (rys.1).

Złoża śródlądowe uwzględniane są jako wyjściowe dla przedmiotów z kontekstów archeologicznych, bardzo rzadko. Jednakże głębokość zalegania złóż bursztynonośnych («piaski glaukonitowe») jest bardzo zróżnicowana. Do odkrycia złoża mogło więc dochodzić całkowicie przypadkowo – np. podczas kopania jam grobowych [11]. Złoża wołyńskie są pod względem zalegania uprzywilejowane. Kopalniana eksploatacja złóż krzemienia wołyńskiego czy złóż miedzi sugerowałaby, że odkrycie bursztynu mogło na tym terenie nastąpić stosunkowo wcześniej. Dane etnograficzne wskazują także na pozyskiwanie bursztynu na podmokłych łąkach intensywnie spaszanych przez bydło [13, s.26-31]. Również obsunięcia gruntu po roztopach czy ulewach stanowiły czynnik ułatwiający dostęp do złóż bursztynonośnych. W jakim stopniu metody te były znane ludności epoki brązu nie da się ustalić archeologicznie. Nie można jednak takiej możliwości wykluczać.

Odrzucenie hipotezy wydobyciu surowca także poza strefą nadmorską implikuje pytanie o formę, w jakiej był na tereny śródlądowe on sprowadzany – jako surowiec, półprodukty czy gotowe wytwory. W tym przypadku również nie można odrzucić niezależnego zaistnienia wszystkich trzech sytuacji. Wyniki eksperymentów przeprowadzonych przez R. Mazurowskiego [12, s.25-30] wykazały, że obróbka bursztynu nie wymaga specjalistycznych narzędzi. Podział surowca może się odbywać przy pomocy włókien roślinnych lub ścięgien zwierzęcych, do szlifowania zaś mogły być używane płytki z piaskowca lub kwarcytu. Polerowanie wymagało materiału drobnoziarnistego, np. gliny, pyłu bursztynowego lub kredy. Ostatnim etapem obróbki było nabłyszczanie przy pomocy skóry zwierzęcej. Otwór wykonywano przy pomocy kościanego przekłuwacza [12, s.25-30] lub też wytapiano przy pomocy metalowej sztabki.

Odkrycie w latach 1986-1989 stanowiska kurhanowego koło miejscowości Hordeevka (Gordijewka) (raj. Trostianec, obw. Winnytsa, Ukraina) w rejonie środkowego dorzecza Bohu, na którym zarejestrowano około 1502 przedmiotów z bursztynu oraz szereg wyrobów brązowych o analogiach wschodniosródziemnomorskich i środkowoeuropejskich [3; 10], skłania do reanalizy hipotez dotyczących przebiegu transkontynentalnych szlaków wymiany.

Cmentarzysko kurhanowe z Hordeevki funkcjonujące w okresie odpowiadającym fazom BC/BD – HB [16, s.70-72] stanowi unikalny zespół pod kątem bogactwa inwentarza i zróżnicowania obrządku pogrzebowego. Kwestia jego przynależności kulturowej jest przedmiotem dyskusji [3; 10; 16]. Wydaje się, że stan obserwowany w Hordeevce odzwierciedla stan syntezy wzorców ze środowiska stepowych (kultura białozerska) i lasostepowych (kultura

białogrudowska) późnobrażowych ugrupowań kulturowych Północnego Pontu [16].

Na cmentarzysku zarejestrowano obecność 1502 przedmiotów z bursztynu. Jest to tym samym największy zespół przedmiotów z tego surowca w kontaktach ugrupowań kulturowych epoki brązu Północnego Nadczarnomorza. Przedstawiona poniżej typologia oparta jest na podziale wypracowanym w monografii stanowiska autorstwa S.S. Berezanskiej i V.I. Klochko [3, S.14]. Do schematu tego pozwoliłam sobie wnieść pewne zmiany.

1. Grupa I – paciorki w przybliżeniu dyskoidalne, małe i średnie, o proporcjach – grubość:średnica <1 i średnica <1.5cm.
2. Grupa II – paciorki dyskoidalne o proporcjach – grubość:średnica <1 i średnica >1.5 cm.
3. Grupa III – paciorki dwustożkowate o proporcjach – grubość:średnica ≥ 1 .
4. Grupa IV – paciorki rurkowate o przekroju okrągłym lub wielokątnym.
5. Grupa V – paciorki cylindryczne z żeberkiem (typu Tiryns).
6. Grupa VI – paciorki rurkowate, żłobkowane ([16; 17] (ryc.3)

Największy udział w zestawie form (ok. 45%) ma grupa I, odpowiadająca grupom IA i IB wg E. Sprincza i C. Becka (1981). W grupie tej znalazły się formy niewielkie, dość powierzchownie opracowane, często bez dbałości o nadanie im konkretnego kształtu. Są to formy «nieczule» chronologicznie, trudno dla nich także poszukiwać ścisłych analogii.

Grupa II posiada analogie w typach V, IXA-B wg E. Sprincza i C. Becka. Poza Kotliną Karpacką spotykane są na szerokim terytorium Europy Środkowej oraz Wschodniego Śródziemnomorza (Grecja Łądowa, Rodos, Kreta, Cypr, Północna Italia, Sycylia, Egipt?). Na terenie Europy Środkowej datowana na środkowy i późny okres epoki brązu. We Wschodnim Śródziemnomorzu największa ich ilość przypada na LHIII A-C [9, p.159-170]. Paciorki tej grupy stanowią około 6% wszystkich form.

Drugą co do wielkości grupę (ok. 34%) stanowią paciorki dwustożkowe (grupa III). Znajdują one analogie w typach IXC-D wg E. Sprincza i C. Becka. Są to formy o bardzo szerokim rozpowszechnieniu i długim trwaniu. Rejestrowane są w dużych ilościach w zespołach z Kotliny Karpackiej, terenów południowej Słowacji, południowych Niemiec, Śląska oraz Jutlandii. Na terenie Europy Środkowej pojawiają się już u schyłku wczesnego okresu brązu, najbardziej charakterystyczne są jednak dla środkowego i późnego okresu brązu. Występują także na terenie Wschodniego Śródziemnomorza wraz z paciorkami grupy II.

Trzecią co do frekwencji jest grupa IV (12%). Zaliczone zostały tu paciorki cylindryczne oraz formy o przekroju wielokątnym (głównie trój- i czworokątnym). Najbliższe analogie dla tych form znajdujacie w inwentarzach kultury białozerskiej. Rejestrowane były na stanowiskach: Shyroke, Sovkhoz Stepnoy, Zapovitye, kurhan Lukyanovka koło miejscowości Kakhovka [19, s.46-49,

ryc.1,3]. Również autorzy monografii wskazują na bliskość form z Hordeevki i egzemplarzy pochodzących z kontekstów kultury białozerskiej [3, S.14].

Najistotniejszą z punktu widzenia topogenezy form, choć najmniej liczną grupę stanowią paciorki typu Tiryns (V) i egzemplarze zaliczone do grupy VI. Paciorki typu Tiryns są praktycznie jedyną formą pozwalającą na precyzyjne datowanie – XII-XI wiek BC (LHIIIC i okres submykeński). Na terenach Italii znajdowane są w kontekstach protovillanowskich, natomiast w Bośni w zespołach datowanych na HA-B [9, p.155] (ryc.2). Obecność paciorków tego typu w Hordeevce, wskazuje na powiązania terenów nadbużańskich ze Wschodnim Śródziemnomorzem. Ponadto pozwala na datowanie zespołów, w których wystąpiły na późną fazę funkcjonowania stanowiska, którą można synchronizować z HA-B [16]. Datowanie na XI-X wiek B.C. wspiera także współwystępowanie tego typu paciorków i bimetalicznego noża w kurhanie 38. Nóż ten pod względem formy nawiązuje do noży z Ialisos (Rodos) i Enkomi (Cypr). Także dla paciorków z grupy VI można odnaleźć analogie w późnobrązowych zespołach z terenów Italii.

Obecność tak licznego i zróżnicowanego zbioru przedmiotów bursztynowych wymaga rozważenia pod kątem jego auto- lub allochtonicznej proveniencji. Według V. Klochko ilość i różnorodność oraz wschodnio-śródziemnomorskie analogie paciorków bursztynowych w Hordeevce świadczą nie tylko o lokalnej produkcji bursztyniarskiej, ale przede wszystkim o lokalizacji nekropolii w pobliżu drogi wymiany biegnącej wzdłuż Bohu [10, s.131].

Wykonane dwie niezależne analizy (V. Katinasa z Instytutu Geologii w Wilnie i C. W. Becka z Vassar College, Amber research Laboratory Department of Chemistry, New York) wykazały, że paciorki wykonane były z bursztynu bałtyckiego – sukcyntu. Określenie paciorków z nekropolii Hordeevka jako wykonanych z bursztynu bałtyckiego pozostawia jednak kwestię pochodzenia surowca otwartą. Zgodnie z zastrzeżeniami poczynionymi powyżej bursztyn mógł pochodzić zarówno ze złóż wolińskich jak i nadmorskich. Próbie określenia roli terenów nadbohskich w wymianie bursztynem komplikuje niska frekwencja przedmiotów z tego surowca w późnobrązowych kontekstach Ukrainy. Bursztyn pojawia się głównie w zespołach funeralnych, brak natomiast znalezisk nieobrobionego surowca i półproduktów, które wskazywałyby na lokalne wydobycie i obróbkę bursztynu. Jednakże brak poświadczeń źródłowych dla tego typu działalności nie musi być jej jednoznacznym wykluczeniem. Bursztyn, jak było stwierdzone powyżej jest substancją bardzo wrażliwą na utlenienie, ponadto cytowane doświadczenia R.F. Mazurowskiego wskazują, że wobec prostoty procesu obróbki wytwórczość bursztyniarska na małą skalę może być słabo czytelna w kontekstach archeologicznych. Dodatkowym ograniczeniem może być także stan rozpoznania archeologicznego.

Obecność na stanowisku w Hordeevce licznych paciorków o analogiach wschodniośródziemnomorskich (w tym paciorków typu Tiryns) przydaje temu stanowisku szczególny wymiar. Jednakże hipoteza zakładająca udział terenów

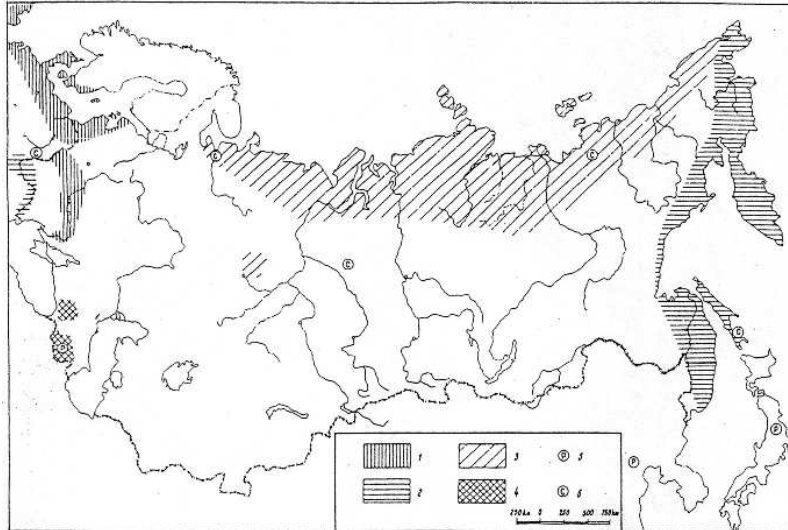
nadczarzomorskich w transmisji bursztynu funkcjonuje już w literaturze jako propozycja alternatywna do tradycyjnej drogi wiodącej ku złożom jutlandzkim i pomorsko-sambijskim [1, p.206-211; 2, p.170; 4]. Zgodnie z koncepcją M. Gimbutas potencjalne szlaki bursztynowe wiodące przez tereny Północnego Pontu mogły przebiegać na linii Dniepr-Prypeć-Bug-Wisła oraz Dniestr-Bug-Wisła (ryc. 4). W propozycji O. Vangorodskiej rolę głównej arterii przekazu bursztynu na terenie Północnego Nadczarzomorza miał pełnić szlak dnierprzański funkcjonujący już od okresu eneolitu [19]. Stabilność funkcjonowania tej drogi także w późnej epoce brązu wydaje się potwierdzać dyspersja stanowisk kultury białozerskiej z bursztynem. Wyniki badań na stanowisku w Hordeevce skłaniają do przyjęcia hipotezy, że wzmiankowany szlak nie był jedynym wiodącym przez tereny Północnego Pontu. Należy założyć także możliwość funkcjonowania w późnym okresie epoki brązu także odnogi bohsko-bużańskiej. Słuszność powyższych spostrzeżeń potwierdzą przyszłe badania.

Bibliografia

1. Beck C. Analysis and provenience of Minoan and Mycenaean amber I // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1966. №7. P.191-211.
2. Beck C. The provenience of Amber in bronze age Greece // Harding A., Hughes-Brock H. Amber in the Mykenaeen World // Annals of the British School of Archaeology at Athens. 1974. №69. P.145-172, appendix. P.170-172.
3. Berezanskaja S., Klochko W. Das Gräberfeld von Hordeevka. Randen/Westfalen, 1998.
4. Bloedow E. The Trojan War and Late Helladic III C // Prähistorische Zeitschrift. 1988. №63-1. P.23-3-53.
5. Bouzek J. The Aegean, Anatolia and Europe: cultural interrelation in the second millennium B. C. Praga, 1985.
6. Bouzek J. The shift of the amber route // Amber in Archaeology. Praga, 1993. P.141-145.
7. Dąbrowski J. Amber trade in the lusatian culture // Ibid. P.110-116.
8. Gimbutas M. Bronze age cultures in central and eastern Europe. Paris, Hague, London, 1965.
9. Harding A., Hughes-Brock H. Amber in the Mykenaeen World // Annals of the British School of Archaeology at Athens. 1974. №69. P.145-172.
10. Klochko W. Novije aspekty sviazey Seviernego Prichernomorja z Vostochnym Sredziemnomorjem // Mir Olbii. Pamiatnik issledovatielu i issledovanie pamiatnika. Materialy jubileinyh chtienij posviashchenykh 90-lietiju so dnia rozhdenia Professora L.M. Slavina. Kiev, 1996. S.129-131 [Клочко В. Новые аспекты связей Северного Причерноморья с Восточным Средиземноморьем // Мир Ольвии: Памятник исследователю и исследование памятника. Материалы юбилейных чтений, посвящённых 90-летию со дня рождения профессора Л.М.Славина. Киев, 1996. С. 129-131].
11. Mazurowski R. Bursztyn w erocze kamienia na ziemiach polskich // Materialy Starozytne. 1983. №5. S. 7-134.
12. Mazurowski R. History, state and further directions of research on amber working in the stone and early bronze in Europe // Światowit. 1984. №35. S.7-34.
13. Pietrzak T. Eksploatacja bursztynu // Kosmoska-Ceranowicz B., Pietrzak T. Znaleziska i dawne kopalnie bursztynu w Polsce. Warszawa, 1982. S.26-41
14. Rottländer C. Der Bernstein und seine Bedeutung in der Ur- und Frühgeschichte // Acta Praehistorica et Archaeologica. 1973. №4. S.11-32.

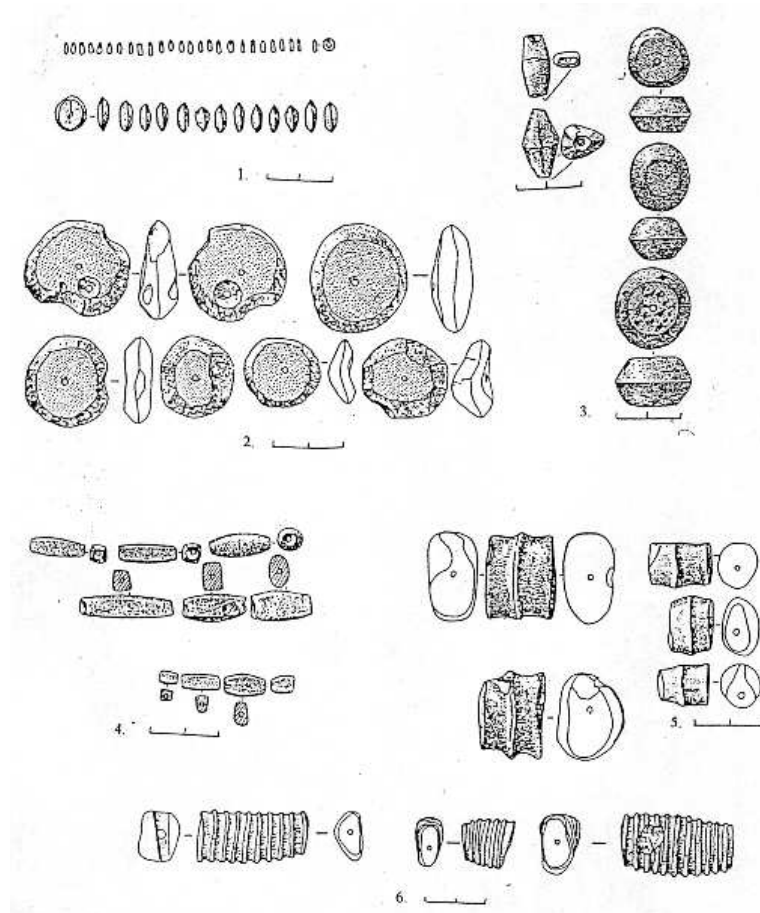
15. *Sankovich S.* Amber-like fossil resins of Asia and the problems of their identification in archaeological context // *Amber in Archaeology*. Praga, 1993. P.48-50.
16. *Ślusarska K.* Gordijewska odnoga w systemie szlaków kandlowych w 2 poł. II tysiąclecia BC. (Maszynopis pracy magisterskiej). Poznań, 2000.
17. *Ślusarska K.* Problem «wschodnioeuropejskiej korekty» w systemie szlaków bursztynowych w świetle odkryć w strefie Północnego Nadczarnomorza (2 poł. II tys. B. C.) (w druku, 2001).
18. *Spincz E., Beck C.* Classification of the Hungarian Bronze Age // *Journal of Field Archaeology*. 1981. №4-8. P.469-485.
19. *Vangorodska O.* Viroby z yantariu w khaturach eneolita i bronzii Ukrainy // *Archeologiya*. 1985. №50. S.44-49.

Rycina 1. Schemat lokalizacji żywic lokalnych w Europie I Azji:
1 - Sukcynit; 2 - Rumanit; 3 - Retinit; 4 - Kopal; 5 - Pojedyncze znaleziska rumanitu; 6 - Pojedyncze znaleziska sukcyntu (wg [15])

Rycina 2. Dystrybucja paciorków typu Tiryns (wg [6]). H - Hordeevka

Rycina 3. Typologia paciorków burczytnowych z Hordeevki.
1 - grupa I; 2 - grupa II; 3 - grupa III; 4 - grupa IV; 5 - grupa V; 6 - grupa VI

Rycina 4. Sieć transkontynentalnych szlaków wymiany w ujęciu M. Gimbyta [8]:
1 - główne nadmorskie złoża bursztynu; 2 - przebieg hipotetycznych szlaków bursztynowych

РАЗДЕЛ 2

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

В.И. Кулаков¹
(Москва, Россия)

СКАНДИНАВСКОЕ ЯЗЫЧЕСТВО ЭПОХИ ВИКИНГОВ НА ВОСТОКЕ БАЛТИИ

Конец I тыс. н.э. ознаменован последним серьёзным потрясением основ европейской цивилизации до- и раннегосударственного периода. В науке этот сложный процесс, казавшийся средневековым европейцам катастрофическим, именуется «движением викингов».

Принято считать, что во второй половине I тыс. н.э. на берегах Балтийского моря экономика различных племён характеризуется преобладанием пахотного земледелия, широким развитием железоделательного производства, подъёмом тяглового транспорта [14, S.18-19]. Эти аспекты воспринимаются как предпосылки будущего процесса образования государств на северной и восточной окраинах Европы. Часть североевропейского общества, не найдя своего места в обозначенной выше новой исторической реальности, инициировала движение викингов [15, S.160,169]. В этом ракурсе данное историческое явление выглядит как романтический и весьма кровавый сюжет на полотне истории континента. Наиболее чётко этапы движения викингов на севере Европы в отечественной историографии определены Г.С.Лебедевым [8, с.45-46]. Начало этого процесса отнесено к 8 июня 793 г. – дате нападения скандинавов на монастырь Св. Кутберта, располагавшийся на английском острове Линдисфарн (побережье Нортумберленда). Длившийся до 891 г. (поражение, понесённое скандинавами от рыцарских войск Саксонии и Баварии при Лёвене) ранний период движения викингов характеризуется стихийным созданием воинских дружин. Первоначально эти отряды собирались, как и у германцев эпохи Юлия Цезаря, лишь для одного похода. На раннем этапе движения формируется развитая воинская организация (древнеисл. *drytts*). По мнению Х. Ловмянского, «настоящая развитая дружина была отрядом, остающимся под крышей и на содержании вождя» [10, с.47-48]. Множество этих дружин, члены

---

¹ Кулаков Владимир Иванович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела славяно-русской археологии Института археологии РАН. С 1974 г. руководит Балтийской археологической экспедицией ИА РАН.

которых клятвой были связаны со своим вождём и подчинялись лишь ему, наводило ужас на самые разные уголки Западной Европы. Скандинавские саги именуют дружинников этой эпохи *holdr* («воитель», «герой»), *drengr* – молодёжь, добывающая себе славу и богатство далеко от родного дома. В социальном отношении члены дружин отличались от земледельцев-общинников Скандинавии (древнеисл. *bond*) и противостояли им. Племенные ополчения (древнеисл. *leidangr*), возглавлявшиеся родовыми вождями – херсирами и хёвдингами, – редко удалялись в своих походах от родных берегов [9, с.63-65]. В этот исторический период скандинавы (в первую очередь – викинги) именуются жителями континентальной Европы этнонимом «норманны».

Средний этап движения викингов датируется 890-980 гг. В процессе его развития в Скандинавии начинается сложение государственных образований. 891 г. традиционно считается датой возникновения датской династической традиции. Установление в Норвегии власти конунга Харальда Харфагра (до 940 г.) привлекло на запад Скандинавии значительное число дружин викингов, спешивших получить свою долю власти и богатства. Напротив, сотни бондов покинули родные берега, спасаясь от мечей королевских дружин (древнеисл. *hirð*) в Исландии, открытой около 874 г. Входящие в состав дружин конунга воины, нередко – бывшие викинги, именовались *húskarlar* и, повторяя структурные принципы отрядов викингов, подчинялись лишь королю. Задачей этих дружин были уже не походы в заморские земли, а действия, направленные на укрепление власти конунга. Распространявшаяся на часть Скандинавского полуострова эта власть поддерживалась мечами королевских дружинников и (в имущественном отношении) опиралась на сбор дани с подвластного населения.

Заключительный этап движения – от 980-х гг. до 14 октября 1066 г. Обладая достаточной долей условности, последняя дата соответствует победе рыцарского войска Вильгельма Завоевателя в битве при Гастингсе над последним англо-саксонским конунгом Англии Харальдом, в значительной степени придерживавшимся традиций викингов (во всяком случае – в военном деле). Активность викингов, подвергавшихся жёсткому прессингу со стороны королевской власти, заметно снизилась уже в 1000-1025 гг. На среднем и поздне-м этапе своей деятельности вольные воины, бороздившие Балтийское море, именовались *væringr* (от древнеисл. *vær* «клятва»), т.е. «воин, связанный со своим вождём клятвой верности». Отсюда происходят обозначавшие пришельцев с севера Европы термины «варяг» (Древняя Русь) и «фаранг» (Византия). Как справедливо отмечает Г.С. Лебедев, предводители варяжских дружин, поправшие в своих кровавых деяниях все традиционные нормы нравственности, служили альтернативой созидательной политике первых скандинавских королей [8, с.49]. Эти короли, в сущности, выиграли историческое противостояние с охваченными жаждой наживы дружинами воинов-мореплавателей. Такая социальная поляризация сыграла

не последнего роль в процессе развития североевропейской государственности. После середины XII в. движение викингов, уже не встречавшее поддержки, было обречено на гибель. Однако, как показывают данные многолетних археологических исследований, жажда грабежа и поиски воинственной молодёжью лучшей доли не были единственными причинами движения. У его истоков стояли специфические контакты этносов Балтии и их торговые интересы.

В середине I тыс. н.э. Европа в духовном отношении представляла собой фактически два макрорегиона различных цивилизаций. Их составляли исповедовавшие христианство и сохранявшие остатки поздне-римских традиций (дополненных влиянием Византии) государства западных германцев и разноплеменный языческий мир. Граница между цивилизациями (термин условен) проходила от Ютландского полуострова на северо-западе до устья реки Дунай на юго-востоке. В восточной части ареала, затронутого в IX – начале XI вв. движением викингов, суровые воители Севера контактировали с племенами славян, балтов и финно-угров, находившихся на приблизительно равной стадии культурного и социального развития. Данный феномен послужил главной причиной преимущественно мирного образа межэтнических контактов на широких просторах, лежавших к востоку от Балтики. В частности, это воплотилось во взаимопроникновении элементов духовной культуры в обществах разноплеменных участников движения викингов, благодаря чему можно с уверенностью реконструировать, скажем, основные элементы мифологии древних скандинавов и людей негерманских этносов, принимавших участие в деятельности варяжских дружин в восточной части Балтии и будущей России.

Иначе складывалась ситуация в западной части Северной Европы, где реализовался атлантический вариант движения викингов. Сложившиеся в материковой части Западной Европы государства не были готовы к мирным контактам с «варварами» Севера. Их внедрение имело военный характер (служба наёмниками и набеги) [5, с.200]. При этом часть скандинавов могла покидать свои острова ввиду заселения их балтами. Таким образом, атлантический вариант из-за противостояния христианской и языческой цивилизаций с самого начала приобрёл черты вооружённого конфликта. В самом деле, здесь викингами были завоёваны Бретань, восточная часть Англии (область Дэнло), Оркнейские, Фарерские и Шетландские острова. Исчезали в огне пожарниц церкви и монастыри, население грабилось и подвергалось обложению непосильной данью. Параллельно в этой части Европы шло заселение отдельных регионов скандинавскими бондами, нашедшими здесь самое дорогое для них сокровище – пахотную землю. Конструктивной роли в строительстве местных государственных структур (кроме Нормандии и Сицилии), не говоря уже о стабильном участии в мирной торговле, скандинавы на западноевропейской арене не сыграли. В этом – главное различие атлантического и восточного вариантов движения викингов.

Эпоха викингов, хорошо известная благодаря большому числу археологических находок на севере и востоке Европы, была последним, но весьма ярким явлением в развитии языческой культуры Европы. Парадокс её в том, что веровавшие в отеческих богов викинги закладывали основы государств (в том числе на Руси), ведущей идеологией которых стало христианство. Иными словами, язычники собственными руками готовили закат отеческой духовной культуры. Этот парадокс объясняется просто. Многие государства севера и востока Европы складывались в рамках стабилизации торговых путей и упорядочивания сбора дани с подвластного населения. Этот процесс был логичным продолжением деятельности викингов. Однако правители молодых государств, стремясь контролировать умы своих подданных, не могли опираться на язычество. Нехристианские культы, реально признававшие равенство всех без исключения людей перед богами, не могли обосновать и освящать имущественное и социальное неравенство – основу государства. В Балтии только Литва создала в начале XIII в. языческое государство. Несмотря на этот исключительный исторический факт, следует с сожалением отметить, что светлые идеалы североевропейского язычества ни в Скандинавии, ни в Балтии так и не смогли стать государственной религией. Объяснение этому лежит в самой сущности верований последних язычников Европы. Их мир богов, прекрасно представленный для отечественного читателя в работах известного русского лингвиста Е.М. Мелетинского [11, с.241-243; 12, с.284-292], выглядит таким образом.

Царь богов-асов, именовавшийся древними германцами именем Водан, у скандинавов эпохи викингов зовётся «Один». Это божество, облечённое магической силой, считалось покровителем воинов и их вождей – конунгов. Некоторые косвенные данные позволяют предполагать, что Водан-Один – довольно поздний персонаж в древнегерманском пантеоне и появляется в верованиях северных европейцев в эпоху Великого переселения народов (V-VII вв.). В то бурное и кровавое время только прямая военная сила считалась достойной внимания при решении самых различных проблем, возникавших в языческом обществе. В связи с этим и образ Водана, пришедшего в Скандинавию извне и олицетворявший волшебство, дарующее непререкаемую победу в бою, занял тогда в пантеоне германцев подобающее место. Они считали, что свою волшебную силу Один получил, принеся себя самого в жертву (интересно – кому, не себе ли?), повесившись на мировом древе, – ясене Иггдрасиль. Провисев там девять дней, бог приобрёл все свои эксклюзивные качества, среди которых немалое место занимало обретение рун (знаков, обычно вырезавшихся на дереве и обладавших магическими свойствами). Они были получены после того, как Один, сойдя с древа, выпил «мёд поэзии». Этот бог считался властителем Вальхаллы – местопребывания воинов, погибших в бою героической смертью. Каждое утро, пробуждаемые волшебным криком «Петушка Золотого Гребешка» (Гулликамби), павшие в земных боях воины, именовавшиеся «эйнхе-

ринг», восставали в Вальхалле для кровавого боя между собой и валялись замертво к концу дня. На следующее утро всё повторялось снова, и так – из века в век. Для каждого викинга высочайшей честью считалась героическая гибель в земной битве и описанная выше загробная жизнь. Благодаря этому верованию варяги, не зная пощады, сами не уклонялись в битве от вражеских ударов, зачастую пренебрегая даже самым примитивным оборонительным вооружением. Один почитался ими в виде одноглазого странника в широкополой шляпе и с длинным волшебным копьём в руках. Спутниками царя богов считались волки, а также его неперемненные вестники – вороны Хугин и Мунин, а передвигался Один верхом на восьминогом коне Слейпнире. Вороны приносили Одину вести из мира Людей Мидгарда и сообщали жителям страны богов Асгарда повеления царя небожителей. Образы Одина и его верных крылатых вестников отражены как в скандинавском декоративном искусстве (начиная с V в. н.э.) [3, с.67], так и в изделиях мастеров Юго-Восточной Балтии, активно воспринимавших в эпоху викингов североευропейские мифологические мотивы [7, с.82, 83].

Полной смысловой противоположностью Водану-Одину был его сын Донар-Тор. Правда, как показывают данные археологии, Тор почитался скандинавами ещё в эпоху бронзы (примерно 5 тыс. лет тому назад). В эпоху викингов он – бог-повелитель молний и грома. Германцами Тор изображался в виде осанистого мужчины с кудрявыми рыжими волосами, чьи пряди напоминали лучи солнца или всполохи молний [2, с.125]. Оружием Тора считался молот Мьёльгнир, обладавший волшебной способностью после каждого броска возвращаться к хозяину. Восточные викинги, а также балты и славяне считали оружием бога молний (в Восточной Европе носившего имя Перкуно-Перун) топор [2, с.121]. Викинги, происходившие из самых разных племён, населявших берега Балтики, верили, что гроза является результатом передвижения по небесам разгневанного чем-то Тора, защитника Асгарда. Он странствовал в колеснице, запряжённой волшебными животными – козлами Тангниостр и Тангриснир. Одно из их непостижимых качеств заключалось в том, что, будучи ежевечерне освежаваны и съедены своим хозяином, наутро они представляли пред очами Тора невредимыми. Тор не был объектом особого почитания викингов, они полагали, что это божество покровительствует бондам – скандинавским земледельцам, которых они презирали.

Третьим из высочайших богов был Фрейр – покровитель посевов, божество весны и цветения. В отличие от остальных богов, он происходил из рода ванов, считавшихся древними германцами божествами воды. Спутники Фрейра – конь и вепрь, они же были жертвенными животными при отправлении посвящённых ему культовых церемоний. Судя по тому, что в записанных в эпоху раннего средневековья древнескандинавских мифах («Старшая Эдда», «Круг земной» Снорри Стурлусона) упоминания о Фрейре довольно скудны, следует предположить, что это боже-

ство является древнейшим в триаде богов. К IX-X вв. Фрейр был уже не актуален для викингов, полагавшихся не на плодородие полей, а на остроту клинков. В последней битве богов, именованной «Рагнарёк», Фрейр погибает в схватке с великаном Суртом, олицетворением враждебного людям подземного жара. В этом великом сражении на исходе существования мира Тор поражает молотом мирового змея Ёрмунганда, но затем падает под ударами прочих олицетворений злых сил, Один гибнет в ожесточённой схватке с чудовищным волком Фенриром; сын Одина Видар мстит за отца и остаётся на опустевшей земле, покровительствуя единственным выжившим представителям рода человеческого – Лив и Ливтрасир.

Для познания мира богов древних скандинавов интересным является изучение символики эпохи викингов. Тогда дохристианское искусство Северной Европы достигло пика своего развития. Краткий период его существования отразил сложнейшую нравственную ситуацию – изменения в сознании викингов, на рубеже тысячелетий превращавшихся из буйных пенителей моря в богобоязненных князей и дружинников.

Благодатнейший материал для изучения языческих воззрений дают мечи викингов. Известный литовский археолог Витаутас Казакавичюс писал: «Факт, что двулезвийные мечи никогда не были массовым оружием не только на землях балтских племён, но и на других территориях, позволяет почувствовать их значимость не столько в военном, сколько в социальном аспекте» [1, с.118]. Символический, истинно культовый смысл сакрально-социальной роли меча обеспечивался священным орнаментом, который, как верили викинги, приносил владельцу удачу в бою и бессмертную славу. Мечу отведено достойное место в древне-скандинавской культовой поэзии, где он именуется «огнём Одина» [13, с.153].

Меч являлся универсальным оружием пехотинцев и конников. Его клинок не только рубил и колол врага, но и своей тяжестью ломал кости под кольчугой. Пущенный умелой рукой, меч мог поразить противника на расстоянии. Таким образом, он стал своеобразным «вождём оружия». Высокая стоимость меча, производившегося нередко в течение многих месяцев, только увеличивала его славу. В Западной Европе, бывшей центром в IX-XI вв. изготовления обоюдоострых мечей, делались преимущественно клинки. Развозимые купцами по разным уголкам континента, свои рукояти они получали уже в мастерских различных племён и народов. Несмотря на относительное единообразие клинков, мечи всё же приобретали индивидуальные черты, присущие конкретным культурам.

Значительная часть мечей была лишена каких-либо украшений. Всё это подчёркивало сугубо практическое значение оружия, сопровождавшего своего владельца – рядового викинга. Наиболее ранние мечи викингов, относящиеся к IX в., нередко украшались серебряным листом. Затем навершие и рукоять инкрустировались бронзовыми пласти-

нами. Их края представляли весьма стилизованные головки животных, мистически оберегавших владельца меча. Уже в IX в. клинки этих мечей нередко несли на себе инкрустированное железом имя владельца мастерской (в частности + ULFBERHT+), нанесённое христианским ремесленником в низовьях Рейна. Незнакомые с латинским алфавитом викинги могли воспринимать эти буквы как волшебные руны жреческих заклинаний, служившие дополнительными оберегами. Несомненно, уже на начальном этапе эпохи викингов меченосцы не пренебрегали ритуальными возможностями увеличения мощи и неуязвимости меча.

Более поздние мечи (X в.) нередко украшались так называемым «ковровым» орнаментом, ровно покрывавшим поверхность всех частей оружия, тем самым подчёркивая их неразрывное единство. Как и ранее, такой орнамент наносился методом плакировки (попеременное проковывание серебряных и бронзовых элементов декора на железной основе). Многие мечи X в. покрывались орнаментом, состоящим из отдельных плетёных фигур в стиле Еллинг. Эти «плетёнки» в скандинавском искусстве ещё с VI в. символизировали неизмеримую силу богов и благополучие человека. Думается, последняя характеристика данных орнаментальных деталей особенно привлекла владельца. Вороны, спутники царя богов Одина, считались символами мудрости и предвещали победу в кровавом бою. Эти волшебные птицы представлены на оружии викингов Самбии и на первом в мире гербе – щитовидной эмблеме дружинников Янтарного берега конца X – начала XI в. [6, с.219]. Таким образом, на оружии викингов впервые в древностях Европы появляется символ социальной принадлежности – знак воина. В частности, меч из Блистовита (Черниговская область Украины) (не позднее первой половины XI в.) украшает спаренное изображение головок воронов. Между ними виднеется замысловатая плетёная фигура. Следует полагать, что вся композиция является завершающей стадией развития языческой «иконь», представляющей царя германских богов Одина и его верных вестников – Хугина и Мунина. Тем самым меч и его владелец (князь?) облакались, как тогда считалось, высшей сакральной защитой.

Раскопки, проведённые отечественными археологами в юго-восточной Балтии на грунтовом могильнике Ирзекапинис (Зеленоградский р-н Калининградской обл.) в 1978 г., вскрыли погребение 16, датировавшееся серединой XI в. и содержавшее останки, возможно, последнего викинга Балтики. Его меч, рукоять которого была сплошь покрыта серебром, украшало непонятное переплетение змееобразных линий [4, рис.2]. Возможно, в эпоху «декаданса» движения викингов на берегах Восточной Балтики вошло в моду отображение в орнаментике последней битвы богов, которая окончилась для них неудачно. Так и последние викинги предчувствовали свой неумолимый уход с исторической сцены. Мечи вольных воинов конца XI в., контролировавших последние свободные от королевской власти части Балтийского бас-

сейна и осуществлявшие для местных жрецов сбор дани с окрестных племён, вполне утилитарны. Эпоха пышной орнаментики прошла.

Как показывают материалы прусской археологии, крушение политического и культового могущества викингов отразилось не только в декоративном искусстве севера Европы, но и Юго-Восточной Балтии. Причиной тому были не только (скорее – не столько) плотные культурные связи западных балтов и скандинавов в раннем средневековье, но и непосредственное присутствие суровых воителей Севера на Янтарном берегу, ставшем последним бастионом германского язычества. Его адепты, терявшие силы под ударами христианских конунгов, нашли свой последний приют в Самбии, свободной в то время и от власти папского креста, и от притязаний скандинавских королей.

Список литературы

1. *Казакявичюс В.* Оружие балтских племён II-VIII веков на территории Литвы. Вильнюс, 1988.
2. *Кулаков В.П.* Культовое оружие балтов и славян X-XII вв. // *Slavia Antiqua*. 1991/1992. Т. 33.
3. *Кулаков В.П.* Варианты иконографии Одина и Тора V-XI вв. // *Древняя Русь: новые исследования. Славяно-русские древности*. СПб., 1995. Вып. 2.
4. *Кулаков В.П.* Воинская магия мечей викингов // *Арт-квадрат*. Калининград, 1996. № 1.
5. *Кулаков В.П.* Балтийский акцент в движении викингов (этнические диффузии и традиции искусства) // *Archaeologia Lituana*. Vilnius, 1999. Vol. 1.
6. *Кулаков В.П.* Ирзекапинис // *Stratum plus*. СПб.; Кишинёв; Одесса, 1999. №5.
7. *Кулаков В.П., Пов О.В.* Наконечники ножен меча из кургана 174 могильника Кауп и с городища Франополь // *Краткие сообщения Института археологии РАН*. 2001. Вып. 211.
8. *Лебедев Г.С.* Конунги-викинги (к характеристике типа раннесредневекового деятеля в Скандинавии) // *Политические деятели античности, средневековья и Нового времени*. Л., 1983.
9. *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1988.
10. *Ловмянский Х.* Русь и норманны. М., 1985.
11. *Мелетинский Е.М.* Один // *Мифы народов мира*. М., 1982. Т. 2.
12. *Мелетинский Е.М., Гуревич А.Я.* Германо-скандинавская мифология // *Мифы народов мира*. М., 1982. Т. 1.
13. *Младшая Эдда*. Л., 1970
14. *Herrmann J.* Slawen und Wikinger in der Frühgeschichte der Ostsee-Völker // *Wikinger und Slawen*. Berlin, 1982.
15. *Wilson D.* Die Wikinger // *Kulturen im Norden*. München, 1980.

М.Г. Гусаков¹ (Москва, Россия)

***ХОЗЯЙСТВО ДРЕВНИХ ПРУССОВ X-XIII ВВ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИИ)***

История изучения древностей пруссов насчитывает не одно столетие. Во второй половине XIX в. к этому процессу подключились немецкие учёные, со временем создавшие прусскую археологическую школу. Однако основной упор в её деятельности сводился к раскопкам могильников. О быте и нравах древних пруссов достаточно много написано, но чёткого представления о характере их хозяйственной деятельности до сих пор не сложилось [29, S.146-211]. Немецкие археологи не интересовались ни поселениями, ни городищами. Все научные изыскания относительно хозяйственной деятельности древних пруссов лежали в области лингвистики, фольклора и балтийской мифологии, к тому же многое из того, что было написано в конце XIX – начале XX в., безнадежно устарело. Ярким образчиком положения дел в этой области служит фундаментальная работа Отто Хайна [29], в которой можно отметить несколько очевидных погрешностей, наложивших негативный отпечаток на последующие исследования. Во-первых, наличие в прусском языке слов, относящихся к сельскохозяйственной лексике, например *плат*, *морген* (земельный участок), *пшеница*, *рожь*, *вика* и т.д., вовсе не означает, что пруссы использовали пашенное земледелие. Во-вторых, известные древним пруссам виды зерновых культур заведомо не отражают характер земледелия как пашенного, эти культуры использовались и при «подсеке» или «перелог», в данной ситуации важнее было бы дать термины сорняков, сопровождающих культурные злаки. К сожалению, уровень знаний того времени не позволял этого сделать, да и такой задачи тогда никто не ставил. Поэтому опираться на немецкие исследования по интересующей нас проблеме вряд ли возможно.

Здесь говорится только об археологических исследованиях древностей пруссов на территории Калининградской области. Количество исследованных памятников «поселенческой» археологии удивительно мало, да и раскопаны они небольшими площадями, так что составить о них более или менее чёткое представление трудно. Справедливости ради надо отметить, что при помощи археологических разведок на карту Калининградской области поставлено много старых и новых памят-

---

¹ *Гусаков Михаил Георгиевич* – научный сотрудник Деснинской экспедиции Института археологии РАН.

ников. К настоящему времени известно около 200 городищ и поселений.

Письменные источники также немногословны. Краткие сведения о «мирных занятиях» пруссов «кочуют» от времён Римской империи до орденских хроник (I-XIII/XIV вв.). Как правило, на первом месте в письменных источниках стоит упоминание занятия пруссов и орденских рыцарей охотой. Обилие лесных массивов, мягкий влажный климат, короткая и бесснежная зима, многочисленные реки и озера и протяжённая береговая линия Балтийского моря создали благоприятные условия для адаптации и размножения многочисленных видов дикой фауны. Естественно, что об охоте, особенно на животных, наиболее поразивших воображение крестоносцев, – лося, зубра, пушного зверя, так много пишут орденские хроники. Наравне с охотой, особенно у жителей морского побережья, не последнюю роль играло рыболовство и добыча морского зверя: тюленей (балтийских эндемиков), лосося, осетровых и утря [10; 22] (это подтверждается археологическим инвентарём: гарпунами, рыболовными крючками, грузилами и пешнями).

О **скотоводстве** пруссов известно немного. Археологический материал эпохи раннего средневековья даёт полный спектр костных останков домашних животных. Однако весь он получен из погребений, что, безусловно, сужает источниковедческую базу. Мы ничего не можем сказать о динамике развития животноводства от первых веков нашей эры до прихода крестоносцев; можно говорить уверенно только о развитии коневодства, сообщения о котором относятся к концу IX в. (путешествие Вульфстана в Пруссию). Сообщение посвящено ритуальным скачкам по случаю похорон прусского «короля» [5, с.271-279]. Также в письменных источниках сообщается о том, что «богатые» пруссы предпочитают пить кобылье молоко и мёд, а не пиво. У Петра из Дусбурга есть ещё сообщение о «нарочитом утомлении» коней перед свершением погребальных церемоний с их участием [20, с.52]. Вот, собственно, и всё, что нам известно о «коневодстве» из письменных источников. К сожалению, немногочисленные и не совсем ясные фрагменты породили «вольные» трактовки. В археологической литературе появились довольно устойчивые утверждения, которые можно свести к двум точкам зрения. Во-первых, в Пруссии лошадь местной породы активно использовалась под верховую езду. Во-вторых, прусская лошадь, ведущая свою родословную от дикой лошади – тарпана, – стала основой для разведения в середине XVIII в. знаменитой лошади траккененской породы. Что можно возразить на это? Начну с того, что полноценной остеологической информации о параметрах прусских лошадей в нашем распоряжении нет. В 1977 г. остеолог В.П. Данильченко провела экспертизу костных останков около 20 коней из погребений могильника Ирзекапинис (раскопки В.И.Кулакова). Все погребённые лошади были не старше 1-1,5 лет [12, с.39]. Годовалые и полуторагодовалые жеребята никак не могли использоваться под

верх. Кроме того, по экспертизе можно заключить, что высота в холке лошадей из погребений пруссов вполне укладывается в параметры останков, обнаруженных на территории Германии в эпоху переселения народов (средний стандарт 1,3 м), в Новгороде в XII-XIII вв. и в Москве для XIV-XVI вв. (в интервале 1,28-1,36 м) [27, S.110-111; 26, с.92-93]. Вывод достаточно прост – лошади древних пруссов были малорослые, непригодные для длительной верховой езды. На основе анализа остеологического материала останков из погребений пруссов можно констатировать, что разведение лошадей в Пруссии носило мясо-молочное направление, лошадь заменила крупный рогатый скот, что не исключает употребление её под выючное или упряжное использование. Примеров тому достаточно: в Шотландии, Ирландии, на островах Северного моря и Балтики (Готланд) для такой работы использовались пони (высота в холке – 80-140 см). Утверждение о том, что прусская лошадь послужила основой для выведения траккененской породы лошадей, принадлежит к области недоразумений. Между прусской лошадью и «траккененом» такая же дистанция, как между царём Иваном Грозным и Рюриком, – «огромного размера» [4, с.14-16, 18, с.122-124].

Коневодство как специализированная деятельность по воспроизводству новых пород лошадей подразумевает как минимум два условия: первое – наличие широкого спектра исходного материала, т.е. необходима представленность в племенном составе нескольких разных по происхождению видов (пород) лошадей. Это позволяет избежать инбридинга, т.е. деградации породы. Второе условие – ведение системного тренинга, постоянного усовершенствования характеристик по экстерьеру, резвости и выносливости лошадей. Не сомневаюсь, что если бы у пруссов проводилась такая работа, письменные источники непременно отметили бы это. Так, римляне, обладавшие высоким уровнем зоотехники, отмечали высокие качества галльских лошадей и искусство верховой езды галлов [25, с.186]. Правда, у нас есть «вероятный» намёк на элементы тренинга (конные ристалища у пруссов в сообщении Вульфстана) по случаю похорон. В условиях этой процедуры, как я отмечал [5, с.271-279], можно усматривать некоторые зачатки племенной работы.

Об особой роли «коня» в мифологии пруссов написано достаточно [8]. Археологический материал также красноречиво свидетельствует в пользу ведущей роли «культы коня» в погребальной обрядности [11; 12; 13; 14]. Число погребений увеличивается от первых веков н.э. ко времени прихода крестоносцев [13, с.104, 149-154]. По-видимому, правы археологи, считающие, что использование коня в погребальной обрядности носит исключительно «символический» характер; он выступает не только как «небесный» символ, но и как жертвенная пища. Снаряжение коня атрибутами верховой езды (узды, стремяна, шпоры, седло) может означать только, что его владелец принадлежит к «корпорации воинов» – всадников или возникающему сословию «всадников». Я не

исключаю того, что боевые лошади вообще не погребались; остаётся констатировать, что пока в распоряжении археологов отсутствуют остеологические материалы из раскопанных поселений и городищ, все размышления на эту тему будут носить всего лишь гипотетический характер.

Земледелие пруссов. К сожалению, о способах обработки земли у пруссов мы ничего вразумительного почерпнуть из письменных источников не можем [29]. Однако, по косвенным данным, можно составить представление о способах земледелия. Здесь мнения археологов весьма различны. В частности, В.В. Седов утверждает, что пруссы уже использовали пашенное земледелие, в качестве доказательства приводится находка железного лемеха (одного!) из городища Грачёвка [23, с.402]. Прямо скажем, довод сомнительный. В.И. Кулаков и П.И. Кушнер полагают, что у пруссов было подсечное земледелие [13, с.106; 17, с.24]. Кушнер при этом ссылается на наличие в погребениях серпов и топоров. Чтобы понять, кто из исследователей ближе к истине, необходимо разобраться в сути двух различных способов обработки земли. Начнём с подсеки, а точнее – подсечно-огневой обработки.

Подсечно-огневое земледелие (ПОЗ) – наиболее древняя форма в условиях лесной зоны, на протяжении нескольких тысячелетий господствовавшая в Восточной Европе. Ещё в конце XIX и даже начале XX в. ПОЗ преобладало в некоторых районах севера Европейской России, в Прибалтике, Прикарпатье, Полесье, Поволжье. Подсека – не специфическое явление, она представляет всеобщую форму земледелия лесных областей, что связано с определённым этапом в истории общественно-производства [16, с.8-23]. Ещё Цезарь и Тацит сообщали о том, что германцы культивировали подсеку (I в. до н. э. – I в. н.э.). В средние века ПОЗ повсеместно в Центральной, Западной и Северной Европе. Отличие подсеки от пашенного земледелия заключается не только в том, что в последнем используются различные орудия для обработки почвы, но и в том, что при подсеке после двух-трёх лет (на севере – одного-двух) использования земля забрасывается на длительный срок 20-40 лет. Бывало и так, что тот, кто начинал участок, так и не возвращался к нему. Для устройства подсеки годятся не все участки. Подсека требует:

а) соединения двух рек, где устраивалось «ловище» для рыбы. Предпочтение отдавалось участкам по берегам рек и озёр, в особенности – мысам или полуостровам, расположенным высоко над низиной. Река – дорога как зимой, так и летом. В условиях равнинного рельефа участки в лесу часто заболачивались. На высотках, увалах, холмах температурный режим был выше, чем в низине. Маленькие участки в лесу непригодны, они «морозобойные» [24, с.148-149]. В Европе умеренного пояса устройство участков в низинах рек, особенно вблизи от леса, было невозможно, так как приводило к вымораживанию посевов;

б) выбора леса. Желательно, чтобы его составляли дуб, граб, бук, берёза, липа. В липовых рощах добывали мёд и лыко, в последнего очередь актуальны были еловые и сосновые леса;

в) при подсеке состав почв играет второстепенную роль. Важно количество золы после пожара;

г) надо, чтобы участок хорошо продувался и освещался солнцем.

Началу подсеки предшествовало «прочерчивание» деревьев. Для этой работы использовали топоры, ножи, долота, скобели. Например, у финнов и шведов для подсекания деревьев использовались ножи с крючковатым концом наподобие мачете. Пни не корчевали, камни не выбирали. Участок окружали защитной полосой или оградой, чтобы огонь не пошел дальше. Поваленный лес раскладывали равномерно по участку, затем его со всех сторон поджигали, следя лишь за тем, чтобы огонь не перекинулся за границу участка. Часть леса шла на хозяйственные нужды: для построек, на растопку и т.д. После пожара проводили сев в ещё теплую землю, иногда предварительно обработанную бороной-суковаткой. Был способ пожара перекачиванием горящих бревен. Пожог проводили в середине апреля, как только сошел снег. Обработка подсеки в 1 га занимала 50-70 трудодней [24, с.149]. Главными посевными культурами в условиях подсечно-огневой системы были ячмень, рожь, пшеница, лён, репа. Урожайность при подсеке во много раз превышала показатели при пашенном земледелии: типичные показатели – сам-20, сам-45, а в благоприятные годы до сам-80 (при пашенном земледелии урожайность колеблется в пределах сам-5, сам-7). При подсеке не нужен навоз, нет необходимости в специализированном скотоводстве. Судя по данным остеологии, животноводство носило скорее «стихийный» характер. Разводили животных, которые меньше всего нуждались в человеческой опеке, например свиней и лошадей. Здесь необходимо отметить, что подсека не являлась доминирующим видом хозяйства, наряду с ней не утрачивали своего значения охота, рыболовство и скотоводство. Хозяйство эпохи железного века можно назвать многоукладным, что делало общество гибким и способным адаптироваться к сложным природным и географическим условиям лесной полосы Восточной Европы. Подсека появилась ещё в эпоху неолита и быстро распространилась. «Кочующее» из года в год поле среди леса – начальная форма земледелия. Археологически проследить такие поля чрезвычайно трудно, однако палеоботаника здесь может дать ответы на интересующие археологов вопросы. В анализе развития подсеки необходимо учитывать ряд непеременимых условий.

1. В недрах археологических культур возникает постепенное накопление населения. Естественный прирост в древности был равен 0,4% в год, т. е. удвоение за 250 лет [2, с.72-73].

2. Поколение в среднем – 20 лет [1, с.184-186].

3. Локальная группа – от 50 до 100 человек (Ю.И. Семёнов).

Избыточное население не может жить в пределах одного ареала обитания. Оно должно уйти за пределы старой «кормовой базы». Вся система отношений внутри человеческого коллектива покоилась на определённом ограничении численности населения, пределы которого нельзя было превысить, не подвергая опасности самих условий существования. Наиболее яркий пример – вынужденная «эмиграция» греков за пределы родины и освоение ими периферии античного мира. Не исключено, что факт «вынужденной эмиграции» прусских дружин, состоявшихся из молодых людей, которым не нашлось места на родине, вызван теми же причинами, и это находит подтверждение в археологическом материале [13, с.146-160]. Но молодым эмигрантам не хватает не только земли, но и «свободных» женщин. Институт многожёнства – явление не уникальное для эпохи раннего средневековья, достаточно вспомнить описание славян у Нестора-летописца [21, с.147]. Другая важная причина эмиграции – бурный рост городов в Европе. С конца IX в. процесс роста городов, возникавших на основных торговых коммуникациях или рядом с ними, стал набирать обороты и окончательно оформился в самостоятельную социальную структуру к началу XIII в. [3, с.89-103; 7, с.123-126]. Древняя Русь, хоть и находящаяся на периферии европейского мира, тоже была втянута в этот процесс. Город стал магнитом не только как объект грабежа, но для «укрытия» безземельных крестьян и ремесленников. Нарождающаяся «каста воинов» также могла предложить свои услуги «по охране» города. В результате археологических изысканий окажется, что среди «варягов» были прусские воины [15, с.200].

Для железного века характерны два вида поселения: укрепленное – городище и неукрепленное – селище (открытое поселение). Археологически селище имеет размытые границы, которые не всегда поддаются определению и измерению. Городища, напротив, четко обозначены валами и частоколом. Некоторые археологические культуры железного века имеют в качестве поселений только городища. В Восточной Пруссии зафиксировано около 200 городищ. В археологической литературе с довоенной поры существует устойчивое мнение, что городища служили в качестве укрепленных поселений, что-то вроде «замков», или «протогородов». Однако это мнение весьма спорно. В конце 1980-х гг. я предложил гипотезу о религиозной функции городищ, их роли как культово-обрядовых родовых центров [6, с.132-149; 28]. Здесь нет места для дискуссии, однако отмечу, что помимо обрядовых действий на городище производили счет времени, что давало возможность вести календарь при помощи простейших механизмов наподобие солнечных часов [6]. В условиях действия подсеки, при сложных погодных режимах нужда в точно составленном календаре чрезвычайна, так как любая ошибка в выборе сроков порубки леса, сева, жатвы приводит к непоправимым последствиям: потере урожая, вынужденной миграции, а подчас и гибели.

Вокруг городища должны располагаться участки подсеки, ровно столько, сколько необходимо для прокорма нескольких семей. Если исходить из представлений археологов, эта цифра будет выражаться в 5-8 семей из расчёта 5-10 человек в одной семье, в итоге от 40 до 60 человек. Площадь участков, удовлетворяющих нуждам такого количества людей, – от 7 до 12 га, из расчёта 1-2 га на 1 семью. Надо сказать, что это приблизительные расчёты, я привожу их только для того, чтобы дать изначальное представление о материале. Но вернёмся к теме. Итак, опираясь на исторический и этнографический материал, представим, как всё, о чём сказано выше, могло выглядеть в действительности.

Допустим, что некая группа людей, сообразуясь требованиям к подсеке, выбрала участок (У1). Через 3-5 лет в результате хозяйственной деятельности он приходит в упадок. Заметим, что на втором-третьем году жизни на У1 идет поиск новых участков. Возможность их разведывания предоставляет охота в лесу. На последнем году жизни на У1 группа, собрав последний урожай и нехитрые пожитки, разобрав свои дома и превратив их в плоты, отправляется в путь к новому месту обитания.

Это переселение оправдано при условии, что У2 отстоит от У1 на расстоянии от 5 до 10 км. Таким образом, следующие 3-5 лет насельники проживут на У2. И так продолжается в течение 20-30 лет, за это время группа сменит от 5 до 8 участков. К этому времени первый участок зарастёт лесом и можно снова возвращаться к нему. Итак, можно сделать вывод, что за 100 лет У1 использовался около 20 лет. За 1000 лет он был в обороте 200 лет. Естественно, это усреднённые цифры. Подобная ситуация возможна при условии, что не происходит ничего экстраординарного, если никто и ничто не нарушает привычный ход событий. Речь идет о вооруженных столкновениях, эпизоотиях, пандемиях и прочих катаклизмах, которые могут привести к фатальному исходу. Несмотря на возможность подобного хода событий, в нашем распоряжении есть археологический материал, который позволяет выделить мало изменившиеся за 1000 и более лет культуры, например днепродвинскую, дьяковскую, штрихованной керамики и другие эпохи железного века в Восточной Европе. В пользу использования подсеки можно привести ряд аргументов. Во-первых, это топография памятников, расположение вдоль рек (больших и малых). Отсутствие в культурном слое железных наральников, которые связаны с использованием плугов или сох. При подсеке могли использоваться плуги (легкого типа) и сохи [10, с. 98-114], только не на первом этапе освоения участка, а после многократной обработки земли по третьему, четвертому и далее кругу. Правда, эта стадия уже стоит ближе к лесному перелому, что является дальнейшим этапом развития земледелия в лесной полосе. Лесной перелом забрасывался на более короткий срок, чем подсека (10-15 лет). Основные инструменты подсеки – топор, коса-горбуша и нож с горбатой спинкой.

Но подсечное земледелие по своей природе – экстенсивная форма ведения хозяйства, всё время нуждающаяся в увеличении земельных угодий. В какой-то момент ресурсы иссякают. Назревает проблема перехода к новым, «интенсивным», формам земледелия, вначале – перелогу, от него к стационарным формам: двуполью и трехполью, земледелию с парами. К этому часто ведут «непредвиденные» обстоятельства. Одним из таких обстоятельств может быть изменение сроков «залежи» земли: в одни годы зарастание участков происходит быстро, в другие – медленнее. Если участок зарастает быстрее, его «залежь» может быть сокращена и составлять 10-15 лет. Подобная практика близка к «переходной» форме – перелогу. Интенсификация земледельческого процесса быстрее истощает участок и увеличивает количество самих участков. Важно то, что, во-первых, возможно сочетание двух форм ведения хозяйства – подсеки и перелога – в одно и то же время, в течение жизни одного поколения; во-вторых, возможно увеличение количества земли, пущенной в хозяйственный оборот, что, естественно, ведёт к росту количества «поселений» в археологическом смысле.

Причин, вызывающих подобное явление, может быть несколько: увеличение числа обитателей данной популяции, для «прокорма» которой необходим больший «задел» земли; быстрое зарастание участков вследствие благоприятной климатической ситуации (увеличение летних температур, увлажнение и т.д.); появление в среде обитания старого населения и новой, пришлой группы насельников, что приводит к вынужденному сокращению сроков «залежи» участков и освоению новых. Не исключён факт, что пришлое население уже прошло первую стадию развития подсеки, используя участки только «пожогом», и перешло к промежуточной форме – перелогу с использованием плужных орудий (с непременно увеличением доли животноводства в системе хозяйства). Продукты животноводства (экскременты) идут на удобрение поля и его рекультивацию.

Для полноты картины необходимо сказать о пашенном, точнее «стационарном», земледелии. Суть различий между способами обработки земли состояла в том, что подсечные земледельцы вынуждены были покидать свои участки через два-три года, тогда как «пашенные» оставались на месте и оставляли поля под паром, «в залежь». Поле обрабатывалось не коллективом, а индивидуальной семьёй и выступало как форма владения, институционально закрепляясь на длительный срок. При подсеке деревни (хозяйства) разбросаны хозяином, тогда как при стационарном земледелии деревня есть средоточие хозяйств, все жилые постройки и подсобные участки (огороды) собраны в одном месте. Деревня – не только хозяйственная, но прежде всего административно-религиозная единица данной округи. Жильё при пашенном земледелии соединяется со скотным двором (для зимнего содержания скота) и подсобным хозяйством в единый комплекс. Жилище вырастает в размерах и становится больше похожим на усадьбу. Топография по-

левых угодий представляет собой плотную, сложную и многоэлементную структуру, где все элементы связаны общим хозяйственным циклом со скотоводством, роль которого возрастает не только для получения мясо-молочных продуктов, но и для получения необходимого объёма навоза для рекультивации полей.

Одним из признаков действия стационарных форм земледелия становится появление искусственных границ между участками: каменные или деревянные ограды угодий. При стационарном земледелии охота как форма дополнительного промысла продуктов питания уходит в прошлое. В остеологическом материале резко снижается процент представителей дикой фауны. Увеличивается количество костей, принадлежащих волам и лошадям, с характерными признаками использования их в качестве тягловых животных. В археологическом инвентаре появляются серпы с большей крутизной режущего края, почти современных форм, что косвенно свидетельствует о кучном, плотном севе семян в борозде. Перечисленные признаки стационарного земледелия характерны для его развитой формы, использующей пашенные орудия тяжёлого типа, которая окончательно оформилась только в эпоху средневековья (рубеж XIII-XIV вв.). По многим признакам пруссы находились на переходной стадии развития, однако окончательный ответ можно будет дать после крупномасштабных раскопок прусских поселений.

Подведём краткий итог. Городища эпохи железного века и раннего средневековья выполняли прежде всего организующую роль – использовались для культово-обрядовой деятельности [28] и в последнюю очередь для обороны. Все попытки пруссов применить их в качестве оборонительных мест окончились для них плачевно, о чём красноречиво рассказывают немецкие хроники. Пётр из Дусбурга много раз свидетельствует о том, что крестоносцы брали их в течение одного дня.

Наиболее вероятной формой земледелия было подсечно-огневое с переходом к перелогу, о чём свидетельствуют орудия труда: топоры, серпы, косы-горбуши, ножи с горбатой спинкой и ручные зернотёрки. Наличие городищ тоже можно рассматривать как признак господства подсеки, подобная картина наблюдается по всей Восточной Европе начала I тыс. Вынужденная эмиграция прусских дружин есть следствие этих причин: им не было места в узких рамках подсеки. Господство касты жрецов – свидетельство консервации общественных отношений в прусском обществе накануне прихода крестоносцев.

В первой половине XIII в. рыцари Тевтонского ордена начали экспансию в Восточной Пруссии. При несомненном преимуществе в боевом снаряжении, в тактике ведения военных действий рыцари вдобавок получили богатый опыт в Палестине. Помимо этого крестоносцы (колонисты) давно использовали «стационарные» формы земледелия, выразившиеся в применении двупольной и трёхпольной системы земледелия, с парами, постоянной рекультивацией использованных участков

земли (вывоз навоза на поля) и так далее. Колонисты проводили вспашку полей при помощи тяжёлых плугов на конной или воловьей тяге [9, с.245-275]. По мере продвижения крестоносцев сокращался земельный фонд пруссов и, естественно, сужалась «кормовая база», что не могло не сказаться на эффективности их сопротивления. В связи с торговой блокадой прусского побережья (запретом ввоза оружия, железа и соли [19, с.94]) пруссы были лишены источников основного сырья и экономического пространства. Процесс их покорения стал делом времени.

Итак, до тех пор, пока в нашем распоряжении не окажутся полноценные археологические материалы, извлечённые из поселений древних пруссов, на большом – почти в 1000 лет – историческом отрезке, все наши рассуждения о роли и характере хозяйства древних пруссов будут носить исключительно гипотетический характер.

Список литературы

1. Алексеев В.П. Человек, эволюция и таксономия. М., 1985.
2. Бессмертный Ю.Л. Жизнь и смерть в средние века: Очерки демографической истории Франции. М., 1991.
3. Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв. М., 1992. Т. 3.
4. Виль Э.В. Надёжный помощник конь. СПб., 1996.
5. Гуляков М.Г. Об одном фрагменте сообщения Вульфстана «о похоронах древних пруссов» (Некоторые заметки по поводу статьи В.Н. Топорова) // Балто-славянские исследования 1997. М., 1998.
6. Гуляков М.Г. Днепровские городища-святилища лесной полосы (опыт археоастрономии) // Практика и теория археологических исследований. М., 2001.
7. Дьяконов И.М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. М., 1994.
8. Иванов В.В., Топоров В.Н. Балтийская мифология // Мифы народов мира. М., 1980. Т.1.
9. История крестьянства в Европе. М., 1985. Т. 1.
10. Клифк Г. Доисторическая Европа. М., 1953.
11. Куляков В.И. Поселенческая ситуация в Самбии II-XIII вв. // Проблемы изучения древних поселений в археологии (социологический аспект). М., 1990.
12. Куляков В.И. Древности пруссов VI-XIII вв. Свод археологических источников. М., 1990.
13. Куляков В.И. Прусы (V-XIII вв.). М., 1994.
14. Куляков В.И. Ирзеканинис // Stratum plus. СПб.; Кишинёв; Одесса, 1999. №5.
15. Куляков В.И. Балтийский акцент в движении викингов (этнические диффузии и традиции искусства) // Archaeologia Lituana. Vilnius, 1999. Т. 1.
16. Куркина А.В. Славянские термины подсечного земледелия на индоевропейском фоне // Балто-славянские исследования. М., 2000.
17. Кушнер П.П. Этническое прошлое Юго-Восточной Прибалтики // Опыт исторического изучения этнической территории. Вильнюс, 1991.
18. Моисеенко Н.А. Служит людям добрый конь. М., 1988.
19. Паушто В.Т. Образование Литовского государства. М., 1959.
20. Пётр из Дусбурга. Хроника земли Прусской. М., 1997.
21. Повесть временных лет. М., 1996.
22. Сабанев А.П. Рыбы России. М., 1993. Т.1-2.
23. Седов В.В. Финно-угры и балты в эпоху средневековья // Западнобалтийские племена. Прусы. М., 1997.

24. Семёнов С.А. Происхождение земледелия. Л., 1974.
25. Страбон. География. М., 1994. Кн. 4. Гл. 4.
26. Цалкин В.И. Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси // Материалы Института археологии. М., 1956. № 51.
27. *Die Germanen*. Berlin, 1983. Band 2. Kapitel 5. Grundlagen der wirtschaftlichen Entwicklung.
28. Gusaков M.G., Kulakov V.I. Heiligtümer im südlichen Ostseegebiet aus dem I. Jt. u. Z. // *Jahresschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte*. 1991. Bd. 74.
29. Hein O. Altpreuussische Wirtschaftsgeschichte bis zur Ordenszeit // *Zeitschrift für Ethnologie*. Berlin, 1890. I. Teil. S. 146-167. II. Teil. S. 173-216.

А.А. Валуев¹ (Калининград, Россия)

**ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА
АЛЬТ-ВЕЛАУ**

Памятник впервые обнаружен автором зимой 1992 г. при осмотре строительного котлована на пахотном поле фермерского хозяйства. Могильник находится на второй надпойменной террасе правого берега реки Преголи, в 1,5 км к северу от пос. Знаменск Гвардейского района (бывший город Велау), и своё название получил от наименования посёлка Альт-Велау, разрушенного в ходе Второй мировой войны.

Начало функционирования могильника можно определить 1255 г., когда в ходе покорения прусских земель Тевтонским орденом была захвачена Самбия (территория Калининградского полуострова). Чтобы предотвратить продвижение крестоносцев на восток Пруссии, местные пруссы и надравы, а также прибывшие с востока скальвы и ятвяги основали в 1255 г. в месте слияния рек Алле и Прегель крепость Виллов (Велува), окружённую земляным валом. Гарнизон крепости составляли надравские ополченцы во главе с «благородным» нобилем Тирско и его сыном Мандело. При подходе войск Ордена после переговоров Виллов был сдан без боя. Гарнизон вместе с военачальниками принял христианство и принёс присягу на верность ордену. В последующие годы гарнизон крепости, превращённой в небольшой замок Альт-Велау, неоднократно отражал набеги ещё не покоренных ятвягов, а позже – литовских князей.

К югу от замка Альт-Велау был основан орденский замок Велау (1268 г.), вокруг которого сформировалось поселение, в 1336 г. получившее права города. Альт-Велау постепенно потерял стратегическое значение как крепость и был известен как посёлок с кирхой (1361 г.) и водяной мельницей. Кирха (по размерам скорее часовня), построенная на месте более раннего языческого кладбища, просуществовала до середины XVII в., а затем разобрана на кирпич. С XVIII в. Альт-Велау – хозяйственная усадьба со своей водяной мельницей – находится в составе земельного управления Инстербурга. В сохранившейся документации Кёнигсбергского музея «Пруссия» 1930-1940-х гг. (архив музея до- и протостории в г. Берлине) зафиксированы сведения об археологи-

---

¹ Валуев Анатолий Алексеевич – старший научный сотрудник Калининградского областного историко-художественного музея, заведующий сектором археологии. Начальник Калининградского отряда БАЭ ИА РАН.

ческих находках у Альт-Велау, датируемых эпохой поздней бронзы, раннего железа, римским временем, эпохой викингов. Сведений о находках позднесредневековых древностей в Альт-Велау в архивах довоенного времени не выявлено.

В процессе исследований, проведённых Калининградским отрядом БАЭ в 1993, 1996-2001 гг., в окрестностях Альт-Велау обнаружены местонахождения разрушенного поселения и курганного могильника эпохи поздней бронзы, двух поселений и грунтового могильника раннего железного века, грунтового могильника римского времени (разрушенного гравийным карьером), возможного нахождения могильника эпохи викингов, крепости и поселения XIV в. [1]. Основные работы проводились на месте остатков фундаментов кирхи и в пределах наибольшей концентрации захоронений грунтового могильника XIII – середины XVII в.

Наибольший интерес представляют захоронения XIII-XV вв., в которых наряду с христианскими традициями чётко прослеживаются элементы языческого погребального обряда. Большое количество (296) погребений имеет западную ориентировку, 35 – восточную, 32 – юго-западную, 8 – северо-западную, 1 – юго-восточную.

Для большинства женских погребений XIII – начала XIV в. характерно наличие в инвентаре шейных бронзовых гривен, свитых из трёх дротов и насчитывающих до 8 витков. Под многими гривнами сохранились пропитанные окислами меди фрагменты одежды из шерстяных и льняных тканей, кожи (фрагменты шерстяного тканого головного венчика и накидки типа «Виллайне» из льняной ткани с орнаментом в виде свастики и её сегментов в погребении №253 (а)). Под гривнами также находились ожерелья из мелких стекляннопастовых бусин жёлтого, тёмно-зеленого и тёмно-синего цвета с подвесками – бронзовыми двухчастными паяными или литыми бубенчиками, дисковидными цинковыми или крестообразными железными подвесками (рис. 1), а также раковинами «каури». Данный тип гривен под названием «тотенкроне» (корона мертвеца) известен по довоенным публикациям и характерен в основном для позднесредневековых захоронений прусских земель – Надровии и Бартии (например, могильник «Киндерхоф» – пос. Железнодорожный, Правдинский р-н) [5]. Отдельные находки гривен этого типа известны на Самбии – Варген (п. Котельниково) и Меденау (п. Логвино, Зеленоградский р-н). После войны данные гривны обнаружены на территории Польши – могильник Рувнина Дольна [4]. Спиральные гривны из Альт-Велау подразделяются по формам на несколько разновидностей, большинство из которых ранее нигде не встречалось. Гривны имели ритуальный характер, их одевали, вероятнее всего, два раза в жизни: в день свадьбы и при погребении. К концевикам некоторых гривен привешивались шумящие подвески-обереги (парные трапецевидные или в виде бубенчиков). В значительной части женских захоронений этого периода на уровне левого (иногда правого) пред-

плеча обнаружены одиночные бронзовые подковообразные или пластинчатые фибулы общебалтских типов. В массиве фибул наибольший интерес представляют четыре серебряные подковообразные фибулы (три из них имеют дугу со сложным плетением из нескольких дротов, одна – из тордированного дрота). Концевики их в виде стилизованной головы козла (традиционно в Пруссии посвящавшегося богу Перкуно) (рис. 2).

Кроме того, в погребениях обнаружено от одного до четырёх перстней из серебра или бронзы – плетёных, пластинчатых или рубчатых, с заходящими концами. В нескольких могилах на уровне пояса находились миниатюрные ножи с остатками кожаных ножен. В погребении №311 на уровне стопы обеих ног найдены остатки ремней с подвесками в виде парных бронзовых бубенчиков. Большая часть захоронений – с остатками гробовины. Мужские захоронения XIII – нач. XIV в. – малоинвентарные и до 50% находились в ямах без гробовин. Инвентарь – от одного до трех копий или копья и дротик (наконечники с пером ромбического сечения, втулки круглые или гранёные). В нескольких могилах встречены черепковые дротики (сулицы). Копья находились в 90% случаев в ногах и лишь в нескольких могилах – у изголовья. В четырёх захоронениях знатных воинов (нобилей) найдены мечи с бронзовым навершием рукояти (тип VI) [2] и трёхчастным навершием рукояти (тип II) (рис. 3). В женских погребениях XIV – нач. XV в. прослеживаются следующие изменения. Постепенно исчезают спиральные гривны. Из украшений встречены: гривны из одного дрота с застёжкой в виде петли и крючка с ромбовидными подвесками; ожерелья из стеклянных или пастовых бусин, а в погребении № 86 – из янтарных бусин шаровидной формы.

Практически исчезают подковообразные фибулы, а наряду с пластинчатыми дисковидными фибулами появляются кольцевидные, звездчатые и ажурные застёжки из бронзы и серебра, украшенные прорезным геометрическим орнаментом. Перстни в основном пластинчатые, рубчатые и с плетёной площадкой. В более чем 15% захоронений имеются детали поясов (кожаных или тканых); в виде пряжек в ряде случаев использовались дисковидные пластинчатые или ажурные фибулы. В 15% женских и мужских захоронений данного периода имелись «навершия жезлов» – бронзовые проволочные спирали, фрагменты браслетов, перстней или колец с остатками деревянных стержней. В женских погребениях большая часть «навершия жезлов» обнаружена на уровне правого (иногда левого) предплечий, а в мужских захоронениях – на уровне ступней ног. Наличие данных жезлов является признаком высокого социального статуса погребённых, что подтверждается и набором погребального инвентаря. Около 5% женских захоронений (от общего массива женских захоронений XIV – нач. XV в.) на уровне правого бедра содержат миниатюрные ножи в кожаных ножнах с бронзовыми «шумящими» подвесками различной формы (бубенчики, трапе-

цевидные или спиралевидные подвески и др.). К ножнам отдельно прицепивались амулеты-обереги «медвежий коготь» с трапецевидными парными подвесками (рис. 4,5). Кроме того, как в женских, так и в мужских захоронениях обнаружены фрагменты кожаных кошельков с мелкими монетами Тевтонского ордена XIV – нач. XV в. (1-3 брактеата, редко 1 фирхен). Такой обряд известен ещё с античности – «обол Харона» (плата за перевоз, пропуск в «царство мёртвых»). Иногда брактеаты помещались на глазницы захораниваемых (рис. 5 (5); рис.6 (2-6)).

С XIV в. значительно меняется набор погребального инвентаря в мужских погребениях. До 60% из них содержат предметы вооружения – наконечники копий с пером ромбического сечения и гранёной втулкой (тип G1) и (тип V1) [3] с узким пером квадратного сечения. Кроме того, на уровне пояса находятся ножи, двулезвийные кресала и кремни к ним, складные бритвы, детали кошельков с мелкими орденскими монетами. В воинских могилах обычно имеются детали пояса – железные пряжки (круглые, овальные или сложнопрофилированные) и соединительные кольца. Реже встречаются, дополнительно к поясу, детали портупей для ножен меча или боевого ножа. Из общей массы выделяются захоронения знатных воинов, в которых, кроме наверхий жезлов, мог находиться инвентарь, соответствующий их статусу (рис. 6-9). В ряде погребений встречены детали парадных «рыцарских» поясов – с железными сложнопрофилированными пряжками с удлинённой обоймицей и железными накладками. Железные детали поясов плакированы серебром, бронзой и медью с орнаментами в виде геометрических узоров, креста, розеток и других символов. На пряжках в центральном медальоне – стилизованное изображение козла – символа бога Перкуно. Данные пояса не только являются шедеврами древнепрусского искусства, но и демонстрируют высокое социальное положение их владельцев в орденском государстве. В захоронении №312 найдена булава (тип II) [2], изготовленная из биллона (ранговый жезл) (рис. 7 (3)). Выделяется погребение №278, в котором на уровне предплечья обнаружен в роли жезла каменный молот с железным гвоздем для крепления к рукояти. Второй каменный молот с фасетированными краями происходит из разрушенного погребения и также имеет железный гвоздь для крепления к рукояти. Топоры-молоты характерны для времени позднего неолита – ранней бронзы, и их находка в могилах XIV в. – также яркий пример, доказывающий длительное сохранение местным населением древних языческих традиций (рис. 7 (4-5)).

В ряде воинских погребений предметы вооружения были специально подвергнуты ритуальной порче (наконечники копий и дротиков согнуты или сломааны) (рис. 7 (1)). До 10% погребений (как мужских, так и женских) имели в своем заполнении следы заупокойной тризны. С конца XV в. резко падает число инвентарных погребений. Из инвентаря в женских захоронениях обычно встречаются бронзовые пластинчатые перстни со спаянными концами, в мужских – железные поясные пряжки, ино-

гда ножи с остатками деревянных рукоятей. До 40% захоронений содержит следы находившихся там орденских брактеатов из низкопробного серебра или меди (обычно разлагаются в органической среде). Лишь в нескольких могилах встречены польские полутроши Яна Ольбрахта (1492-1501) (рис. 9 (4)) и в одной – биллоновый солид Георга Вильгельма (1625 г.). Уменьшение количества инвентаря в захоронениях показывает ослабление языческих традиций в процессе ассимиляции прусского населения.

Всего в 1993-2001 гг. изучено около 1500 м² площади могильника, обнаружено 372 погребения XIII-XVII вв. Общее количество находок – 1500 единиц. Выявлено значительное количество типов украшений, деталей одежды, вооружения, впервые встреченных на территории Калининградской области. Достаточно полно изучены особенности погребального обряда XIII-XVII вв., характерные для данного района Пруссии.

Список литературы

1. *Валуев А.А.* Отчёты о раскопках грунтового могильника Альт-Велду Калининградским отрядом БАЭ Института археологии РАН за 1993 и 1996-2001 гг.
2. *Древняя Русь. Город, замок, село* // Археология СССР. М., 1985.
3. *Кулаков В.И.* Древности пруссов VI-XIII вв. М., 1990.
4. *Одой Р.* Отчёт об археологических раскопках 1956-57 гг. могильника Рувнина-Дольна Кентшинского повята // Rocznik Olsztynski. Olsztyn, 1958. T.1. S. 48-54.

5. *Hennig A.* Das Gräberfeld bei Gerdaun // Zeitschrift für Ethnologie. 1879. Bd. 11.

Рис. 1. Ожерелье из стеклянно-пастовых бусин с шаровидными и крестообразными подвесками (железо). XIII в. (Грунтовой могильник Альт-Велду, П.-313)

НЕТ ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ РИСУНКА

*Рис. 2. Грунтовой могильник Альт-Веллау.
Инвентарь из женских захоронений
XIII-XIV вв. Фибулы и перстни.
1, 2, 3, 6, 10 – бронза, 4, 5, 7-9 – серебро*

НЕТ ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ РИСУНКА

Рис. 3. Грунтовой могильник Альт-Велау.
1 – инвентарь захоронения знатного воина XIII в. П-94
2 - наконечник ножен меча XII в. Р.-15, кв. 4

НЕТ ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ РИСУНКА

*Рис. 4. Грунтовой могильник Альт-Велау.
Инвентарь женских погребений XIV-XV вв.
1, 2, 4-7, 12 – перстни; 3, 8-11, 13-15 – фибулы.
1, 4-15 – бронза; 2 – серебро; 3 – серебро, позолота*

НЕТ ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ РИСУНКА

Рис. 5. Грунтовой могильник Альт-Велау.
Инвентарь женских погребений XIV-XV вв.
1 – головной венчик. Бронза, кожа; 2 – перстень. Бронза;
3 – браслет. Бронза; 4 – амулет-подвеска «Медвежий коготь». Бронза;
5 – брагграт Немецкого ордена. Серебро;
6 – навершие жезла. Бронза, дерево

НЕТ ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ РИСУНКА

Рис. 6. Грунтовой могильник Альт-Веллау.
А. План и профиль погребения знатного воина XIV в. № 225.
1-11 – инвентарь погребения №225.
1 – бритва. Железо; 2-6 – брактеаты Немецкого ордена. Серебро;
7, 8, 10 – пряжки. Железо; 9 – фрагмент венчика сосуда. Керамика;
11 – боевой нож в кожаных ножнах с бронзовой оковкой

НЕТ ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ РИСУНКА

*Рис. 7. Грунтовой могильник Альт-Велау.
Инвентарь мужских погребений XIV-XV вв.
1 – копье. Железо; 2 – пряжка. Бронза; 3 – булава. Биллон, дерево;
4-5 – топоры-молоты. Камень, железо*

НЕТ ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ РИСУНКА

Рис. 8. Грунтовой могильник Альт-Велу.

Инвентарь мужского захоронения XIV в. №102.

*1 – пряжка. Железо; 2 – кресало. Железо; 3-4 – точильные камни. Шифер;
5 – нож. Железо; 6 – бритва. Железо; 7 – пила. Железо; 8 – нож. Железо*

НЕТ ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ РИСУНКА

Рис.9. Грунтовой могильник Альт-Веллау.

Инвентарь мужских погребений XIV-XV вв.

- 1 – нож в кожаных ножнах с бронзовыми обкладками; 2 – копье. Железо;
3 – кресало. Железо;
5 – полупрош. Королевство Польша. Ян Ольбрахт. 1492-1501 гг. Серебро

А.А. Ефремов¹
(Калининград, Россия)

ПРУССКАЯ ЛЕПНАЯ ПОГРЕБАЛЬНАЯ КЕРАМИКА

Процедура описания, классификации и сравнения керамики является одной из самых изучаемых при анализе как могильников, так и поселений. Г.Ф. Никитина указывает, что «развитие приёмов анализа за последние десятилетия протекает в трёх направлениях: изучение древних технологических приёмов, разработка типологий керамики различных археологических культур, создание кода по описанию керамики» [6, с. 7].

Обработка прусской погребальной керамики развивается в рамках второго направления, которое в последнее время подвергается острой критике [6, с. 6-7; 1, с. 21-25]. Среди авторов, касавшихся этой темы, можно назвать О. Тишлера, Х. Хейма, К. Фойгтманна, Р. Дорра, Ф.Д. Гуревич, М. Качинского, В. Новаковского, А. Битнер-Врублевскую, В.И. Кулакова, И.Р. Цимермане [16; 13; 17; 11; 4; 14; 15; 10; 5; 7].

В настоящей работе предлагается один из возможных подходов для анализа целых керамических сосудов, который мы назвали типологической классификацией. Основное внимание в ней уделяется форме. «Форма, конструкция предмета, число и взаиморасположение его конструктивных частей оказываются различными признаками первостепенного значения, т.е. признаками существенными. В каждом конкретном случае, фиксируя изменения в форме конструктивных элементов, можно установить, на что было направлено внимание, найти причину, побуждавшую вносить изменения, оценить степень свободы творчества и степень ее ограничений, понять направление и характер эволюционных процессов» [8, с. 28].

Профиль любого сосуда разбивается на простые элементы (используется методика О.И. Горюновой [4, с. 117-119] и В.Ф. Генинга [3, с. 115-116]). Типологическая классификация состоит из нескольких ступеней. Покажем результаты первых трёх.

Первая ступень. Выделение типов (см. рис. 1). Все сосуды можно разделить на: *простые* (профиль представлен тремя геометрическими элементами – типы I, II, III), *сложные* (профиль состоит из двух геометрических элементов (простая форма + простая форма), являющийся комбинацией трех типов простых сосудов – IV, V, VI, VII, VIII типы), *фигурные* (профиль состоит из трех конструктивных элементов (простая форма + простая форма + горло или шейка), т. е. к комбинации двух элементов

---

¹ Ефремов Леонид Александрович – ассистент кафедры истории Балтийского региона Калининградского государственного университета.

Сложных сосудов добавляется шейка или горло – IX, X, XI, XII, XIII типы). В результате типологическая классификация, предназначенная для анализа массового материала, состоит из 13 типов.

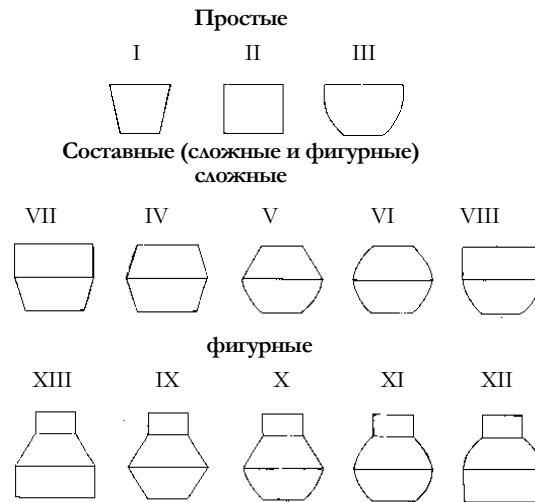

Рис. 1. Типологическая классификация керамики

Вторая ступень. Выделение подтипов. Основным критерием выделения подтипа является пропорциональное отношение высоты к максимальному расширению тулова (Н/Дт). По пропорциональному указателю могут быть выделены следующие подтипы: тарелка (1/15-1/5), чаша (1/5-1/3), миска (1/2), горшок (1/2-1,5), горшок-кувшин (1,5-2), кувшин (2-3), кувшин-бутылка (3-4), бутылка (б. 4). У сосудов I, II, III типов дополнительно выделяются следующие подтипы: миска-горшок (более 1/2), кубок (1/1), бокал-кубок, имеющий ножку со стилом, чашечка-кубок с ручкой. Числовые интервалы заимствованы у западноевропейских ученых [9; 12].

Третья ступень. Выделение вариантов. У сосудов бывают элементы, которые мы рассматриваем как декоративные, несмотря на их функциональную нагрузку: отогнутый венчик (его длина должна быть не более 2 см, иначе это горло или шейка), ножка, ручка, крышечка. Их соответственно обозначим буквами – А, Б, В, Г, а комбинацию – сочетанием букв.

Эффективность первых трёх ступеней типологической классификации опробована на прусской лепной погребальной керамике. Под пруссами понимается население, проживавшее между Неманом и Вислой. Для анализа использованы 603 сосуда, найденных на 61 могильнике, объединённых в три культурные группы – самбийско-натангийскую, суда-

скую и мазурскую. Количество сосудов с разных памятников отражено в табл. 2. Ниже приводятся общие результаты анализа керамики по форме.

Вся прусская погребальная керамика представлена 11 типами. Как видно по процентам, типы I (1%), II (2,5%), V (2,7%), VII (0,17%), VIII (0,17%) являются редкими, типы III (6%), VI (9,3%) и X (12,6%) представлены в незначительном количестве, типы IV (18,1%), IX (26%) и XI (21,5%) доминируют в прусской погребальной керамике (датировки типов см. в табл. 3). При этом в судавской группе преобладают сосуды IV типа, в мазурской – XI, в самбийско-натангийской – IX.

В типах выделены подтипы: тарелка (0,8%), чаша (2,3%), миска (6%), миска-горшок (4,7%), горшок (81%), который доминирует в погребальной керамике, кувшин-горшок (5,2%).

В подтипах выделены варианты. Их оказалось немного – семь: 1) сосуды с прямым венчиком (52%), 2) с отогнутым венчиком (40%), 3) с прямым венчиком и ножкой (2,8%), 4) с прямым венчиком и ручкой (0,8%), 5) с отогнутым венчиком и ножкой (3,8%), 6) с отогнутым венчиком и ручкой (0,7%), 7) с отогнутым венчиком, ножкой и ручкой (0,2%). Можно сделать вывод, что более половины сосудов имеют прямой венчик. Данные о том, какие варианты выделяются в подтипах и какова их доля, представлены в табл. 1.

В результате различных сочетаний формы сосудов (типов) с соотношением их высоты и максимального диаметра – Н/Дт – (подтипы) и наличия декоративных элементов (венчик, ножка, ручка...) – вся прусская лепная погребальная керамика представлена 64 формами (данные о количестве форм см. в табл. 4).

Таблица 1

Доля вариантов в подтипах

Подтип	Вариант, %						
	1	2	3	4	5	6	7
Тарелка	100,0	–	–	–	–	–	–
Чаша	93,0	–	–	7,0	–	–	–
Миска	32,0	46,0	5,40	2,9	13,7	–	–
Миска-горшок	85,7	7,1	3,6	3,6	–	–	–
Горшок	51,6	39,8	2,9	0,7	3,8	0,9	0,3
Кувшин-горшок	75,0	25,0	–	–	–	–	–

Таблица 2

Количество сосудов с прусских могильников

Могильник	Количество сосудов	Могильник	Количество сосудов
Бильвиново	48	Ленче	8
Старый Бодвишкен	3	Мингфен I	25
Новый Бодвишкен	4	Мингфен II	4
Конрадсвальде	6	Логвино II	15
Гоголевское	12	Нетта	13
Доброе	35	Осова	14

Окончание табл. 2

Могильник	Количество сосудов	Могильник	Количество сосудов
Тумяны	12	Прудзишки	44
Корклины I	12	Бывш. Пройссенорт	11
Корклины II	2	Бывш. Рехенберг I	7
Коврово	55	Бывш. Рехенберг II	2
Сиренево	6	Шойфельсдорф	2
Бывш. Грайбау	6	Шурпила I	6
Бывш. Хохшнакайкен	5	Шурпила II	6
Ирзекапинис	11	Швайцария	5
Юкнаитшен	4	Бывш. Тенген	10
Келлары	14	Лазовское	2
Гурьевск	11	Елановка	4
Косево I	3	Первомайское	10
Косево III	1	Лермонтово	3
Кшивулька	8	Воловня	23
Большое Исаково	7	Суворово	71
Новинка	1	Вулька	3
Бывш. Баргланксхоф	1	Ижевское	7
Якуновкен	1	Бывш. Зильберберг	1
Грунайкен	1	Бывш. Гребитен	4
Мазуры	14	Поваровка	2
Гоншор II	3	Некрасово	1
Гоншор I	3	Кляйн Пупшельн	1
Бывш. Зигесдикен	1	Лелескен	1
Бывш. Пройсши-Холланд	2	Бывш. Бенкенштайн	4
Емилистем	1		

Таблица 3

Датировки типов

Тип	Культурная группа			Общая датировка
	Самбийско-натынтийская	Судов-ская	Мазурская	
I	III-VI	V-VII	–	III-VII
II	V-VI	III-VII	1-я пол. VI	III-VII
III	IV-X	V-VII	ЭПН	IV-X
IV	III-VIII	III-VII	VI-XI	III-XI
V	V-VIII; XI-XIII	III-VII	ЭПН	III-VIII; XI-XIII
VI	IV-XIV	III-VII	III-VIII	III-XIV
VII	–	–	ЭПН	ЭПН
VIII	–	V-VII	–	V-VII
IX	V-XIII	III-VII	VII-IX	III-XIII
X	V-IX	V-VII	VII-XI	V-XI
XI	III-IX	III-VII	VI-XI	III-XI

Примечание. ЭПН – Эпоха переселения народов.

Количество сосудов различных форм

Номер формы	Кол-во	Номер формы	Кол-во	Номер формы	Кол-во	Номер формы	Кол-во
1	1	17	1	33	2	49	32
2	1	18	1	34	2	50	1
3	3	19	1	35	10	51	1
4	2	20	1	36	1	52	2
5	3	21	15	37	1	53	5
6	8	22	1	38	2	54	3
7	1	23	1	39	1	55	6
8	2	24	2	40	1	56	1
9	4	25	2	41	1	57	1
10	1	26	1	42	1	58	1
11	1	27	33	43	1	59	1
12	1	28	2	44	89	60	18
13	1	29	11	45	39	61	3
14	7	30	54	46	79	62	3
15	17	31	9	47	37	63	4
16	1	32	32	48	29	64	4

Примечание: номер формы – на рис. 2.

На рис. 2 формы изображены по их мере усложнения. Если их расположить хронологически (табл. 5), то получим информацию о существовании различных форм керамики во времени (собственно типологию).

Вероятно, многие из выделенных форм представлены и в эпоху римского влияния, но это выходит за рамки нашего исследования. Интересно отметить формы 53 и 63, возможно, два периода их бытования связаны с недостатком материала, или здесь мы имеем дело с «рецидивами», т.е. исчезнувшими и вновь ожившими формами сосудов.

С помощью типологической классификации удалось выделить типичные для разных культурных групп и редкие формы керамики, представленные незначительным количеством экземпляров, появление которых необходимо выяснить в дальнейшем: либо это чужеродное воздействие, либо пережитки предшествующей эпохи или просто-напросто «производственный брак».

Таблица 5

Хронологические рамки бытования основных форм прусской
лепной погребальной керамики

Номер формы	Век											
	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV
22,24,25,34	X	X	X									
8, 16, 18, 20, 58	X	X	X	X								
55	X	X	X	X	X							
29	X	X	X	X	X	X						
27, 46, 49	X	X	X	X	X	X	X	X	X			
31	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	
35	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X
11, 50	-	X	X									
32	-	X	X	X	X	X	X	X	X			
9, 13, 14, 38, 40, 42, 52, 59	-	-	X	X								
1, 3, 4, 5, 6, 7, 10, 19, 21, 26, 28, 33, 39, 42	-	-	X	X	X							
36, 47, 54, 60, 61, 64	-	-	X	X	X	X						
48	-	-	X	X	X	X	X					
15, 44	-	-	X	X	X	X	X	X				
30, 45	-	-	X	X	X	X	X	X	X			
2, 57	-	-	-	X								
51, 56, 62					X	X						
43							X					

Примечание. - - возможно, бытовали и в более ранний период

Помимо этого, в прусской погребальной керамике имеются нестандартные формы: так называемые двойные сосуды, обнаруженные в количестве трёх единиц на могильниках Суворово (погр. 264), Гоголевское (погр. 8) и бывшем Кордоммен. Возможно, они имели культовое назначение. Также упомянем три импортных кувшина, выполненных на гончарном круге, из погребений 30, 31 и 61 могильника Первомайское.

Если проследить в хронологическом порядке исчезновение форм из употребления, то в гончарном деле пруссов можно выделить два периода: V-IX и X-XIV вв. В первом пик приходится на VI-VII вв., когда из употребления вышло 32 керамические формы. Возможно, это связано с окончанием эпохи римского влияния. Во втором периоде пиком стал XI в. (окончание эпохи викингов), когда разнообразие керамических форм обеднело на шесть единиц. Можно сделать вывод, что в эти два периода происходят настолько глубокие изменения в материальной культуре, что была затронута самая устойчивая её часть – керамика. К сожалению, складывается неполная картина, так как неизвестно, сколь-

ко новых форм появилось в это время. Так, например, с полной уверенностью можно сказать, что в VII-VIII вв. появились формы 51, 56, 62.

Попробуем оценить культурное влияние одних археологических групп на другие. Всего обмен между ними составил 32 керамические формы. Примем это число за 100%. Тогда получается следующая картина: самое интенсивное воздействие на соседние культуры имела самбийско-нотангитская группа, причем степень этого воздействия была примерно одинаковой – на судавскую группу 28% и на мазурскую – 22%. На втором месте по степени воздействия находится судавская группа – 16% на самбийско-нотангитскую и столько же на мазурскую. Самое слабое влияние у мазурской группы: как оказывается, она больше «принимала», чем «отдавала». Степень её воздействия на самбийско-нотангитскую группу составляет 6%, а на судавскую – 4%.

В дальнейшем необходимо охарактеризовать формы по параметрам, выделить в вариантах группы (по параметрам и пропорциональным отношениям), определить их назначения в погребениях, датировать и локализовать, выявить специфику керамического комплекса различных территорий, где проживали пруссы, исследовать орнамент.

Список литературы

1. Виноградов А.В. Интуитивная типология таптыгской керамики (гунно-сарматское время в Южной в Сибири) // *Клейн А.С. Археологическая типология.* Л., 1991.
2. Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // *Советская археология.* 1973. №1.
3. Горюнова О.И., Савельев Н.А. Опыт разработки понятий для описания форм сосудов неолитической и раннебронзовой керамики Восточной Сибири // *Описание и анализ археологических источников.* Иркутск, 1981.
4. Гуревич Ф.А. Из истории юго-восточной Прибалтики в I тыс. н. э.: По материалам Калининградской области // *Древности северо-западных областей РСФСР в первом тысячелетии н. э.: МИА.* М.; Л., 1960. Т. 76.
5. Кулаков В.И. Древности пруссов VI-XIII вв. М., 1990.
6. Никитина Г.Ф. Анализ археологических источников могильника черняховской культуры у села Оселивка. М., 1995.
7. Циммермане П.Р. Керамика I тыс. н. э. как источник для исследования этнической истории и культурных взаимоотношений на территории Латвии // *Из древнейшей истории балтских народов.* Рига, 1980.
8. Шапова А.Ю. Естественнонаучные методы в археологии. М., 1988.
9. Bauer I., Endres W., Kerckhoff-Hader B., Koch R., Stephan H. Leitfaden zur Keramikbeschreibung (Mittelalter-Neuzeit). Kallmünz, 1993. Beiheft 2.
10. Bitner-Wróblewska A. Z badań nad ceramiką zachodniobałtyjską w okresie wędrowek ludów. Problem tzw. kultury sudowskiej // *Barbaricum.* Warszawa, 1994. Т.3.
11. Dorr R. Die nachchristliche vorgeschichtliche Keramik der Elbinger Gegend (Pogesanien) bis zum Jahre 800 n. Chr. // *Mitteilungen des Copernicus-Vereins für Wissenschaft und Kunst zu Thorn.* 1914. H.22.

12. *Erdmann W., Kühn H., Lüdtke H., Ring E., Wessel W.* Rahmenterminologie zur mittelalterlichen Keramik in Norddeutschland // Archäologisches Korrespondenzblatt. 1984. №14.
13. *Heym H.* Das Gräberfeld Zohpen. Ein Beitrag zur Volks- und Kulturgeschichte des nördlichen ostpreußischen Binnenlandes von 400 n. Ztrw. bis zur Ordenszeit // Biblioteka Muzeum Archeologicznego w Poznaniu. №9177.
14. *Kaczyński M.* Cmentarzysko kurchanowe z V-VI wieku w miejscowości Bilwinowo, pow. Suwalki // Rocznik Białostocki. 1961. T. 2.
15. *Nowakowski W.* Studia nad ceramiką zachodniobałtyjską, z okresu wędrówek ludów. Problem tzw. pucharów na pustych nóżkach // Barbaricum. Warszawa, 1989. T.1.
16. *Tischler O.* Ostpreussische Gräberfelder III // Schriften für Physikalisch-Ökonomischen Gesellschaft zu Königsberg. 1879. T.19.
17. *Voigtmann K.* Die Westmasurische «Loch- und Fensterurnen» // Altpreußen. 1941. H.3.

НЕТ ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ РИСУНКА

Рис. 2. Типы, подтипы и варианты прусской лепной погребальной керамики

НЕТ ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ РИСУНКА

Рис. 2 (продолжение)

НЕТ ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ РИСУНКА

Рис. 2 (продолжение)

НЕТ ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ РИСУНКА

Рис. 2 (окончание)

А.И.Сакса, С.В.Бельский, А.В.Курбатов, Н.Ю. Полякова¹
(Санкт-Петербург, Россия)

ВЫБОРГ – ПЕРВЫЕ ВЕКА ИСТОРИИ
(НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ 1998-2001 гг.)

Выборг находится в западной части Карельского перешейка при впадении западного, ныне практически пересохшего русла Вуоксы в Выборгский залив. Город является центром самого северо-западного граничащего с Финляндией района Ленинградской области. Земли эти издавна были заселены карелами (корела русских летописей), давшими название всему перешейку между Финским заливом и Ладожским озером [8; 9; 19].

До 1917 г. Выборг входил в Российскую империю в составе Великого княжества Финляндского; после 1917 г. он становится вторым по величине городом независимой Финляндии и неформальной столицей Финской Карелии. В 1944 г. в итоге так называемой войны-продолжения город переходит к СССР. Ныне Выборг переживает не лучшие времена, однако восстановление «генетической памяти», стабилизация властных структур и активная и конструктивная позиция общественности вполне реально могут остановить процесс разрушения города и хотя бы отчасти вернуть ему былую славу.

Археологические исследования 1998-2000 гг. на территории Старого города

Новый этап изучения города экспедицией Института истории материальной культуры РАН (бывший ЛОИА АН СССР) под руководством А.И.Саксы начался в 1998 г. и был связан со спасательными работами у Ратушной башни и на примыкающем к ней участке средневековой городской стены, переданном катакомбной церкви для устройства в башне церкви, а у стены «катакомбы-пещеры» своеобразного алтаря. Деньги на исследование уже открытого к тому времени участка стены 1470-х гг. и основания башни срочно нашлись в Финляндии, в Фонде содействия

---

¹ *Сакса Александр Иванович* – кандидат исторических наук, PhD, старший научный сотрудник ИИМК РАН, доцент университета Йюенсуу (Финляндия). Автор более 100 научных публикаций по археологии Карелии, в том числе монографии «Карелия в железном веке» (Йюенсуу, 1998, на финском языке).

Бельский Станислав Викторович – аспирант Института Российской истории (ИРИ) РАН.

Курбатов Александр Валентинович – кандидат исторических наук, научный сотрудник ИИМК РАН.

Полякова Надежда Юрьевна – студентка 5-го курса кафедры археологии исторического факультета СПбГУ.

изучению карельской культуры (г. Йоенсуу). Дальнейшие исследования Выборга также финансировались упомянутым фондом. В 1998 г. была произведена лишь зачистка вскрытого участка стены. Собственно же раскопки на этом участке продолжались два следующих сезона. Раскопки были заложены как с внутренней, обращённой к городу, стороны стены, так и с наружной, у основания башни. В ходе работ выявились интересные детали, связанные со строительством городской стены во второй половине XV в. и её позднейшим состоянием. При том, что башня и стена строились одновременно, нижние три ряда камней в городской стене уложены «впритык» к башне, и лишь более верхние ряды вмурованы в неё. Сохранившаяся высота стены на этом участке достигала 3 м, а первоначальная (у башни) 5,2 м. Ширина её составляла лишь 2 м. При строительстве, по-видимому, постоянно ощущалась нехватка известкового раствора, и поэтому пространство внутри стены между наружной кладкой было заполнено большим, чем принято было, количеством достаточно крупных камней, скрепленных незначительным его количеством. Это делало стену уязвимой для артиллерии и влияния погодных условий. Процесс разрушения пытался уже в 1580-х гг. остановить король Юхан III, по указу которого следовало укрепить стену башнями – заполненными землей и камнями бревенчатыми клетями. При раскопках 1999-2000 гг. выявлены как следы разрушения городской стены на разных горизонтах, так и остатки конструкций защиты наружной её части от разрушения, которые не в полной мере соответствовали классическим башням. Однако указ короля, пусть формально, был выполнен. С наружной стороны стены в нижней части культурных напластований выявлен мощный слой пожара. Наиболее вероятно, что это следы осады города русскими войсками в 1495 г.

При раскопках прослежены некоторые «уловки» строителей в связи со сложностями рельефа территории города. Так, чтобы получить горизонтальную поверхность, под основание стены в случае углублений в скале укладывались более крупные камни, а при наклоне поверхности скалы использовались заполненные землей и строительным мусором бревенчатые клетки. И лишь на полученную таким образом ровную поверхность укладывались камни. Длина стены составляла около 2 км. По её периметру возвышалось не менее девяти башен [10, с.43-48; 20, S.6-9]. В 2000 г. был изучен также участок стены по улице Титова вблизи несохранившейся башни св. Андреаса.

Исследование городских слоёв в 2000 г.

Раскопки на углу улиц Титова и Сторожевой башни в Выборге в 2000-2001 гг. также следует назвать спасательными, поскольку они были связаны со строительством жилого дома. Котлован первой очереди уже уничтожил часть культурного слоя. Прежде всего были зачищены и задокументированы юго-западная и юго-восточная стенки котлована, на которых было видно, что в этой части средневековый культурный слой сохранился лишь на скальной поверхности и его мощность составляет

около 40 см. На противоположной, северной стороне скала у улицы Сторожевой башни выходит на поверхность, в то время как на месте зачистки она залегает на глубине 2,3 м от современной дневной поверхности. Ширина котлована 15 м. На непо потревоженной части строительной площадки были заложены два раскопа площадью 32 м² (№ 5) и 24 м² (№ 4). В раскопе 5, разбитом в 3 м к югу от котлована, прослеживалось лишь два строительных горизонта. Первый, наиболее мощный, представляет собой слой гумуса со строительным мусором, кирпичами и скоплениями камней. В сущности, весь слой до самого нижнего предматерикового горизонта – результат перекопов XIX–XX вв. Остатки средневековых слоев выявлены лишь на поверхности скалы. В южном углу раскопа на поверхности скалы была расчищена средневековая мощёная камнем улица шириной 2,1 м. Она вела от Доминиканского монастыря к башне св. Андреаса. С севера к ней примыкает каменный фундамент постройки размерами 3 x 2,2 м.

Раскоп 4 стал эталонным с точки зрения стратиграфии средневекового культурного слоя города и его строительной истории. Он был заложен в 22 м к юго-востоку от раскопа 5, между ним и каменной городской стеной. Уже в верхних горизонтах сохранились непо потревоженными слои XIX в., а именно – участок искусно вымощенной мостовой. Ниже под планировочными слоями и слоем гумуса с примесью строительного мусора прослежены остатки деревянного сооружения в виде лежащего в центральной части по линии ЮЗ – СВ двучастного бревна, перекрытого поперечными досками. В центральной части находился вертикально стоявший столб диаметром 30 см, сохранившийся на высоту 40 см. Значительную часть северной половины раскопа занимала яма округлой формы, по-видимому, мусорная, заполнение которой изобилует фрагментами кожаной обуви и кусками кожи. В ней также найден берестяной лапоть. Рассмотренное сооружение в соответствии со стратиграфией и планировкой этой части средневекового города не может относиться ко времени ранее второй половины XVI в. или даже петровского. Оно вписывается в план уже регулярной застройки города. Ещё ниже, на глубине около 1,3 м, зафиксированы нижние части двух деревянных построек – пола из досок и бревенчатой мостовой. С рассматриваемым комплексом связана одна конструктивная, имеющая хронологическое значение особенность. В отличие от предыдущих горизонтов, постройка и мостовая этого слоя ориентированы в направлении запад – восток по диагонали к линии улиц времени регулярной застройки города. Это фактически одна из последних построек, соответствующих ещё сложившейся в Средневековье системе застройки. Лежащий ниже горизонт представлен бревенчатым основанием наглядно читаемой постройки в северной части раскопа и набросом уже ранее бывших в употреблении брёвен в южной. В самой нижней части культурного слоя, у поверхности скалы, на глубине около 1,8 м вскрыта угловая часть сруба со скоплением обгоревших в огне кам-

ней. Два спиля из брёвен постройки и соответствующего ей горизонта датированы дендрохронологически (лаборатория университета Йюенсуу, Финляндия). Полученные даты, 1476 и 1480 гг., совпадают со строительством городской стены Выборга. При расчистке северо-западной части раскопа выявилось необычное сооружение – сложной и одновременно эффективной конструкции водосток в виде сходящихся под углом двух покрытых берестяными листами желобов, один из которых вел от рассматриваемой постройки, а другой уходил под северо-восточный угол раскопа, возможно, к соседней постройке. Соединившись, они сливались в один жёлоб. Ширина желобов 40 см, длина полностью видимого южного жёлоба 2 м. Постройка интерпретируется как баня. К северу от неё была сделана интересная находка – своего рода склад листов бересты со стандартными размерами, в среднем 25 x 25 см. Между скалой и постройкой залегал слой тёмно-коричневого гумуса с большим содержанием щепы и навоза. В южном углу раскопа наблюдается падение скалы, заполненное гравийным песком.

Стратиграфия культурных напластований города, выявленная в раскопе 4, даёт основание для надежды получить полный разрез культурных слоёв Выборга с момента застройки исследуемого участка (уровня скальной поверхности) до времени последней войны, когда деревянные дома квартала сгорели.

Комплекс находок 1998-2001 гг.

Металлические изделия. Среди разнообразных находок из вскрытого участка культурного слоя выделяется достаточно большая серия металлических изделий. Наиболее часто встречающейся находкой являются ножи, что вполне естественно для слоёв средневекового города. Серия ножей очень небольшая – всего за три года раскопок обнаружено 27 предметов. Тем не менее ряд деталей характеризует специфику выборгских находок. Обращает на себя внимание отсутствие изделий с клеймами, что нехарактерно для европейского материала (например, Medieval finds from excavation in London, Knives and Scabbards). Техника производства ножей рассчитана именно на выпуск массовой продукции. Все они сделаны из чистого железа без следов наварки стали. Их твёрдость достигалась путем проковки и мгновенной закалки. Вероятно, ножи, найденные в Выборге, в нем же и производились. Такая техника активно развивается в России и Европе с XIV в., а в XV-XVII вв. преобладает. Таким образом, производство ножей в Выборге находилось в общеевропейском контексте развития кузнечного ремесла. Формы изделий разнообразны, однако для построения дробной типологии серия предметов мала. Встречаются ножи как с узким, так и с широким лезвием. Длина лезвий колеблется от 5 до 13 см. Из общей массы предметов можно выделить особенные. Например, нож с длинным – 13 см и узким – 1 см лезвием. Такие формы встречаются в европейском материале на протяжении всей эпохи средневековья. Существуют разные мнения о

назначении таких изделий: основное – хирургический инструмент, скальпель.

Среди других любопытных находок отметим перстень с печаткой в виде буквы «N». Подобные изделия широко распространены по всей Северной Европе. Примечателен бронзовый краник с клеймом в виде ладони. Аналогичные предметы найдены в Амстердаме и Любеке [18].

Монеты. Монеты, найденные при раскопках периода 1999-2001 гг., представляют все эпохи государственной принадлежности Выборга: советский период, время Финляндской республики, Российской империи, Шведского королевства². С точки зрения динамики денежного обращения в Выборге в XVI-XVII вв. наиболее интересными являются монеты Шведского королевства. Хотя их находки – достаточно обычное явление для города на Балтике в XVI-XVII вв., они интересны тем, что происходят из стратифицированных культурных слоёв, которые могут быть датированы с помощью других методов, в первую очередь дендрохронологии. На настоящий момент сложно уверенно говорить о динамике распространения и выпадения монет этого времени в городской слой, однако очевиден относительно короткий период их обращения в Выборге. Это археологически подтверждает очевидный исторический факт интенсивных торговых связей города в средневековье, несмотря на относительно провинциальное положение по отношению к собственно Швеции. Всего найдено 11 монет: три Юхана III, шесть Кристины и три Карла XI.

Наиболее интересной и самой ранней из монет, найденной при раскопках 2001 г., является артип Дерптского епископства Андрея Пепера (1468-1473) [11, с.31]. Л.С. – между двумя звёздами меч. Круговая надпись: ANDREA.E, O.C. Герб епископства – скрещённые меч и ключ. Круговая надпись: MO - - A.T (MONETA TARBAT).

На настоящий момент это единственная монета такого типа из известных в Выборге и его окрестностях. Находка демонстрирует очевидное направление торговых связей города в XV в. и их интенсивность. Связи города с Прибалтикой – по археологическим данным пока еще не разработанная и очень перспективная тема. Важен и сам археологический контекст находки: монета находилась в слое городской застройки конца XV – начала XVI в., примыкавшей к оборонительной стене. До работ экспедиции было неясно, разрезала ли стена застройку Выборга в данном районе или же была возведена на месте, где между жилыми кварталами оставалось пустое пространство. Археологический материал, в том числе и находка данной монеты, подтверждает второе предположение. Таким образом, поиск границ города в XIV – первой половине XV в. – тема будущих исследований.

² Выражаем особую благодарность старшему научному сотруднику Государственного Эрмитажа *Н.А.Зайцеву* за помощь в определении монет и подготовке данной работы.

Керамика. Керамический материал, собранный за годы раскопок на территории города, чётко разделяется на две большие группы: керамика местного производства и импортная.

Местная керамика включает в себя грапены, тарелки разных типов и кухонные горшки. Грапены (от нем. *Graben*) – трёхножные сосуды шарообразной формы с тремя вылепленными на донце ножками, которые обжигали при температуре 800-900°, обычно орнаментированные горизонтально прочерченными линиями в верхней части, появляются в XIII – начале XIV в. В Германии и Скандинавии трёхножные неглазурованные горшки начинают использоваться в XII в., со второй половины XIII в. их покрывают глазурью с внутренней стороны. Этот тип керамики встречается в слоях практически всех средневековых европейских городов Германии, Скандинавии, стран Балтии, России и т. д. Выборг не стал исключением. В городских слоях при раскопках было обнаружено большое число (примерно 35 фрагментов венчиков, 15 носиков, 30 ножек) грапенов. Все они покрыты глазурью с внутренней стороны (иногда и с внешней) и датируются XVI-XVII вв. по стратиграфии и форме.

При раскопках было обнаружено большое количество керамики, которую условно можно назвать «горшки местного производства». Это посуда грубой выделки без какого-либо орнамента, глазури, лощения. Аналоги ей найдены на Северо-Западе России (Орешек, Псков и т. д.), где она появляется в конце XV – начале XVI в.; можно предположить, что традиции изготовления приходят в Выборг именно оттуда. Посуда включает в себя в основном белостенную керамику со своеобразно оформленным венчиком – сильно отогнут наружу, по срезу прочерчена глубокая бороздка. Глиняное тесто плохого качества с большим количеством отощителя: трава, крупные куски дресвы, слюда. Обжиг неравномерный (большое количество темных пятен в изломе черепков и на внешней поверхности сосудов). На внутренней стороне видны следы от нагара. Диаметр – от 18 до 22 см. Следов орнамента нет. Только на одном фрагменте под венчиком прочерчены три горизонтальные линии – единственный пример орнамента на сосудах этой группы. Датировать этот тип керамики по аналогии с находками в других городах можно XVI-XVII вв.

Импортная керамика в основном представлена так называемой немецкой каменной посудой. Сосуды, изготовленные в Рейнской области в Германии (Кёльн, Фрехен, Вестервальд, Зигбург и т. д.), отличались своим качеством и внешним видом. В мастерских Кёльна производили так называемые *Bartmannskrüge* (кувшины с изображением бородатых мужчин) с изречениями, гербами, человеческими лицами в медальонах и выполненными рельефно сценами. В Выборге было найдено несколько фрагментов таких сосудов, один – № 174 (раскоп 4). Венчик «кувшина с бородатым человеком», диаметром 6 см. Покрыт свинцовой глазурью с внутренней и внешней сторон. Цвет глазури светло-корич-

невый. Сохранилась правая верхняя часть лица человека. Был изготовлен примерно в 1540-х гг. в одной из мастерских Кёльна [12, с.48; 13].

Вестервальдские сосуды также представлены в материалах Выборга. Это керамика серого цвета с кобальтовой глазурью («блауверк») – и рельефным орнаментом (чередование серого-синего). Такая посуда производилась в Вестервальде с середины XVI в. до XVIII в. [1, с.160].

Следующая группа импортной керамики – тарелки с надписью, с широким бортом, диаметром 22 см, с уступом по краю. С внутренней стороны они покрыты непрозрачной глазурью с тонкими трещинками. Всего в слоях Выборга было найдено три фрагмента такого рода посуды. На двух из них на плоском борту надпись латинскими буквами. Под ней нарисована птичка в окружении стилизованных цветов. На третьем фрагменте по борту идет волнистая линия зеленого цвета, на дне – стилизованные изображения тольпанов. Тарелки такого рода производились в большом количестве с 1660-х до конца XVIII в. в Восточной Саксонии (Лаузитц) [7, с.16,20].

Фрагменты керамики, обнаруженные в Выборге, свидетельствуют о его значительной роли среди других балтийских торговых центров – Таллина, Турку, Ивангорода, Стокгольма, Амстердама и др. По набору керамики Выборг представляется типичным позднесредневековым ремесленно-торговым западноевропейским городом. Местная керамика свидетельствует о тесном контакте с русским государством.

Кожевенное производство. При раскопках 2000-2001 гг. на пересечении улиц Сторожевой Башни и Титова собрано более 2500 предметов, связанных с кожевным производством (раскопы 1 и 4/ 2000 г. – 997 единиц, раскоп 6/ 2001 г. – 1682 единицы). Кроме собственно кожаных изделий, отдельных деталей и обрезков сюда отнесены деревянные каблуки и войлок (вероятные стельки и обрезки).

Кожаные предметы распределяются в площади раскопов неравномерно. Наибольшее число находок встречено возле построек или внутри них, и значительно меньше – на мощёной улице (раскоп 6). Последнее, а также скопление кожаных предметов у стен деревянных строений, видимо, указывает на существовавшую практику поддержания чистоты улиц – с одной стороны, и выбрасывания отходов и негодных бытовых изделий в площади дворовых участков в определенных местах. Встречено и захоронение бытовых отходов кожаных изделий в яме (раскоп 4). Среднее количество находок не превышает 10-15 предметов на 1 м², а на значительной площади – даже меньше. Такая концентрация соответствует обычному «фоновому» распределению кожаных предметов в слое средневекового города [4, с.277 и сл.].

Особенность коллекции – малое число обрезков от раскроя новых кож в сравнении с целыми изделиями, их отдельными деталями, обрезками и обрывками деталей. Можно предполагать отсутствие на изученной территории специализированных мастерских по пошиву кожаных изделий. Встреченные обрезки скорее всего свидетельствуют о произ-

водстве ремонта самими жителями, а также использовании ими изношенной обуви при изготовлении различных хозяйственных предметов.

Основную массу кожаных предметов представляют детали и фрагменты обуви. Немногочисленны целые модели, изношенные и выброшенные за ненадобностью. Кроме обуви выделены основные категории предметов, известных по многим средневековым городам. Это детали рукавиц – голиц, разнообразные поясные мешпочки и кошельки, большие сумки или мешки, поясные и другие ремни, чехлы для ножей, петли и усиленные накладки разного назначения, обшивки краёв каких-то крупных изделий, заплаты и завязки, в том числе с узлами, деталь прювого мяча (1 предмет), а также детали и обрезки предметов, неопределимые по назначению. Безусловно, этот набор не отражает всей широты использования кожи в средневековом обществе.

Встреченные детали и полные модели принадлежат почти исключительно формам низкой обуви. Простейшие по конструкции – поршни – однодетальная обувь, с раскройкой трапецевидной формы, расширенной в носке. Для них использовалась, как правило, относительно толстая кожа из шкур крупного рогатого скота. Особенность выборгских находок – в их конструктивном и стилевом однообразии, что предполагает наличие местной мастерской по пошиву поршней, имевшую свои традиции в их изготовлении. Наиболее близки к выборгским многочисленные находки поршней в Ивангороде [3, с.71-72, рис.1].

Туфли и башмаки – основные формы выборгской обуви в коллекции. Они представляют как ранговую конструкцию, так и обувь с мягкой подошвой. Ранг, в виде узкой полосы кожи, соединяет верх с подошвой и обеспечивает механическую прочность и водонепроницаемость швов. Верх в большинстве моделей состоит из двух основных деталей – головки и задника. Дополнительно пришивается карман задника с берестяными вкладышами, поднаряд в носок и узкая обшивка по верхнему краю обуви. Имеются и однодетальные раскройки верха с длинными «крыльями», охватывающими («обёртывающими») стопу. В некоторых моделях длинные «крылья» сшивались на пятке, но одно из них кроилось отдельно.

Низкая обувь различается по моделировке верха и подошвы. Подошвы кроились асимметричные или прямые, разных фасонов. В женской обуви подошвы более узкие и сильно зауженные в области свода стопы. Головки обуви отражают разнообразие в оформлении – фасоны. Встречаются открытые – с более или менее глубоким вырезом – и закрытые башмаки, полностью прикрывающие подъём. Для крепления обуви на ноге используются кожаные завязки в виде узкой полосы кожи, иногда сложенной вдвое, расширенным концом пришитые изнутри на головке. Имеются и модели, где края разреза на подъёме усилены полосой кожи. Иногда такой разрез закрывался специальной деталью подтреугольной формы. Подобная особенность археологически про-

слежена в г. Дордрехте (Нидерланды) [15, fig. 23] и в Neveskesklooster, провинция Гронинген [20, fig. 6]. Ряд форм обуви с открытым или закрытым подъемом не имела завязок или застежек. В закрытых на подъеме моделях имеется широкий полуотрезной или пришивной клапан, часто – с декоративной отделкой. Обувь с открытым подъемом представлена моделями с широким, прямо обрезанным носком подошвы. Головка – в виде полосы кожи шириной 4-5 см – закрывала только пальцы стопы. Для жёсткости и сохранения формы пришивалась внутренняя деталь, по форме соответствующая головке. На пятке нашивался карман с берестяными прокладками. Особым фасоном такой обуви были туфли с оттянутыми в стороны краями носка, выступающими наподобие выпученных глаз животных (так называемый «обычий глаз»). Они также выделены в коллекции Выборга.

В заполнении хозяйственной ямы в раскопе 4, которую можно отнести к XVII в., встречен вид низкой обуви – башмаки с берцами. Головки по бокам имеют вырезы, или «крылья», и широкий язычок на подъеме. Задняя половина скроена из двух симметричных деталей – берцев, имевших длинные узкие язычки, скрепляемые пряжкой (застежкой) поверх стопы на подъеме. Там же найдены и «домашние туфли» на многослойной подошве, с невысоким кожаным или деревянным каблучком, из деталей верха имевшие только головку. Данное название обуви условно, поскольку она служила повседневной или нарядной уличной, а также парадной обувью, что отражено на многих западноевропейских картинах и гравюрах.

Высокие формы обуви представлены в коллекции достаточно слабо. Так, полувысокие башмаки представляют единичные характерные детали – обрезки голенищ со следами крепления завязок. Высокая обувь типа сапог также выделена по отдельным деталям – голенищам и головкам. Для голенищ обычной была обшивка по краю верха, с сохраняющимися следами на лицевой стороне. Реже встречаются округлые декоративные вырезы вдоль верхнего края. Отличительный признак для головок – поперечное тиснение и наличие поднаряда, по форме соответствующего головке. Этот вид выборгской обуви отличается и декоративное оформление – расшивка по носку и голенищу.

Выделенные поршни известны в русских городах XVI-XVII вв. Только в России такая простейшая по технике изготовления обувь продолжает оставаться в сфере профессионального кожевенно-обувного производства на протяжении всего средневековья. Выборгские поршни имеют геометрически достаточно правильную форму раскройки, равномерное распределение прорезей для обор по длинным сторонам, а также их одинаковую, на всей модели, длину и равномерные сборки по краям. Археологические находки таких изделий для XVI-XVII вв. описаны по Ивангороду, Новгороду, Пскову, Старой Ладоге.

Выборгские детали сапог – обуви с высоким «глухим» голенищем – по своим конструктивным и декоративным признакам также находят

соответствие в изделиях из русских позднесредневековых городов. Выразительными признаками служат обшивка верхнего края; округлые вырезы в верхней части голенищ находят аналогию в материалах первой половины XVI в. из Ивангорода [4, с.71-74]. Достаточно редкая для этого времени расшивка головок и голенищ растительными орнаментами, выполненная цветными нитями, известна для указанного времени на четырёх предметах, происходящих из Ивангорода, Москвы и Казани. Для XIV – первой половины XV в. сапоги с расшивкой встречены в Твери.

Другие виды зафиксированной в Выборге обуви отражают многочисленные и разнообразные модели, бытовавшие в западноевропейских городах. Выделяется своим видом модель низкой обуви с широким тупым носком и открытым подъемом. В Италии она называлась «медвежьей лапой», в Англии – «утиным» носком и была популярной в среде аристократии, военных, состоятельных торговцев в ряде стран Европы первой половины XVI в. Археологические находки такой обуви зафиксированы в Стокгольме [17, fig. 185], Гронингене [14, Afb. 1], в монастыре св. Мартина в Вёве (Швейцария) [22, Tafel 2].

Низкая открытая обувь с широкими носками хорошо представлена в изобразительном искусстве – на картинах, гравюрах, в резьбе по дереву. В польском искусстве эпохи Ренессанса мы находим такую обувь на деревянном триптихе из Плавны работы краковского скульптора 1514-1518 гг. [2, №78], в клейме со сценой приобретения епископом Станиславом Щепановским деревни Пётравин. В каменной резьбе «утиные носы» изображены на надгробии канцлера Кшиштофа Шидловецкого, в сцене «Плач» [2, №65], работы неизвестного художника 1533-1536 гг. В Германии подобная обувь, называемая «кухмейлер», показана в «Кропильной книге костюмов» Матиаса Шварца 1514 г. [5, №489]; на картине «Распятие» (после 1502 г.) художника Дунайской школы из мастерской Йорга Брея Старшего [6]. Выразительны изображения обуви на деревянном переносном алтаре работы Ганса Бонгарта фон Кольмара (работал в 1515-1553 (?) гг.), в сценах «Мученичества апостола Варфоломея» и «Усекновение главы Иоанна Крестителя». В Англии туфли с «утиным» носком показаны, например, на портрете короля Генриха VIII кисти Ганса Гольбейна Младшего (1537 г.). Эта обувь на мягкой подошве спишта из шелка [5, №424]. Наиболее манерная форма обуви с широким носком также отражена на ряде картин, например на триптихе Луки Лейденского «Исцеление Иерихонского слепца».

Разнообразные модели низкой обуви с закрытым подъёмом или на завязках можно видеть, например, в серии рисунков, изображающих моду Германии во второй половине XVI в. из книги Тобиаса Стиммера [21, Abb. 360], на картине Питера Брейгеля «Крестьянская свадьба», на портрете испанского короля Филиппа II кисти Тициана (1553 г.) [5, №309]. «Домашние туфли» без задников мы находим, в частности, на гравюре XVI в. Чезаре Вечеллио, изображающей домашний костюм

знатного венецианца [5, №240]. Низкие башмаки и туфли с берцами из комплекса XVII в. в Выборге также широко представлены на картинах того времени. Мы видим их на портрете сэра Уолтера Рейли с сыном работы неизвестного художника, на портрете Ричарда Сэквила, графа Дорсета, работы Исаака Оливера (1616 г.).

Как отмечалось выше, раскопки в Выборге, в том числе и работы сезона текущего года, носили спасательный характер. Это определялось тем обстоятельством, что охранные зоны средневековой части города, разработанные ещё в 1992 г., до последнего момента не были утверждены на федеральном уровне. Успех раскопок отчётного периода определялся прежде всего сложившимися доброжелательными и конструктивными отношениями с застройщиком (Выборгское строительное сообщество), а также пониманием общественностью и администрацией ценности открытых впервые в Выборге слоёв с деревянной застройкой и с хорошо сохранившимися изделиями из органических материалов. Наблюдения за особенностями топографии Выборга и накопления в связи с этим культурного слоя дают основания для выводов о неравномерности освоения территории в первоначальный период истории города и времени его бурного развития, попадающего на конец XV–XVI вв.

Список литературы

1. *Большая иллюстрированная энциклопедия древностей.* Прага, 1980.
2. *Козакевич Х., Козакевич С.* Ренессанс в Польше. Варшава, 1977.
3. *Курбатов А.В.* Коллекция кожаных предметов из Ивангорода (по раскопкам 1980–1986 гг.) // КСИА. М., 1991. Вып. 205.
4. *Курбатов А.В.* Кожевенно-обувная мастерская в контексте культурного слоя // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 1997. Вып. 2.
5. *Мерцалова М.Н.* Костюм разных времён и народов. М., 1993. Т. 1.
6. *Немецкая станковая живопись XVI в.* Будапешт, 1984.
7. *Немецкая керамика '84.* Каталог выставки. Л., 1984.
8. *Сакса А.И.* Город Корела – центр Приладожской Карелии (по археологическим данным) // Славяне и финно-угры. Археология, история, культура. СПб., 1997. С.179–185.
9. *Сакса А.И., Тюленев В.А.* Корела // Финны в Европе VI–XV вв. Прибалтийско-финские народы. Историко-археологические исследования. М., 1990. Вып. 2.
10. *Тюленев В.А.* Изучение старого Выборга. СПб., 1995.
11. *Фёдоров А.* Монеты Прибалтики XIII – XVIII столетий. Таллин, 1966.
12. *Falke O.* Das Rheinische Steinzeug. Berlin, 1908. Bd. 1-2.
13. *Gaimster D.* German stoneware 1200-1900 // Archaeology and culture history. London, 1997.
14. *Goubitz O.* Lederresten uit de stad Groningen: het schoeisel // Varia Bio-Archaeologica. Groningen, 1987. №72.

15. *Goubitz O.* Eight exceptional medieval shoes from the Netherlands // Berichten van de Rijksdienst voor het Oudheidkundig Bodemonderzoek. 1997. №42.
16. *Goubitz O. & Boersma J.W.* De Ledervondsten uit de wierde Hevesklooster // Palaeohistoria. 39/40. 1997/1998. Rotterdam, Brookfield, 2000.
17. *Helgeansholmen.* 1000 ar i stockholms strom. Stockholm, 1983.
18. *Opgravingen in Amsterdam.* Amsterdam, 1977.
19. *Saksa A.* Rautakautinen Karjala. Muinais-Karjalan asutuksen synty ja varhaiskehitys // Studia Carelica Humanistica 11. Joensuu, 1998.
20. *Sinisalo A.* Viipurin keskiaikainen kaupunginmuuri. Monrepos, 1971.
21. *Thiel E.* Geschichte des Kostums. Berlin, 1980.
22. *Von Marquita & Volken S.* Die Schuhe der St. Martinskirche in Vevey // Zeitschrift für Schweizerische Archäologie und Kunstgeschichte (ZAK). 1996. Zürich, 1996. Band 53. Heft 1.

РАЗДЕЛ 3. БИБЛИОГРАФИЯ

И.О. Дементьев¹ (Калининград, Россия)

АРХЕОЛОГИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ: БИБЛИОГРАФИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ (1951-2002)²

- 1951
Гуревич Ф.Д. Древние поселения Калининградской области // КСИИМК. 1951. Вып.38. С.91-99.
- 1957
Гуревич Ф.Д. К истории древних пруссов в I тысячелетии н.э. // КСИИМК. М., 1957. Вып. 70. С.40-44.
- 1960
Гуревич Ф.Д. Из истории юго-восточной Прибалтики в I тысячелетии н.э.: По материалам Калининградской области // Древности северо-западных областей РСФСР в I тысячелетии н.э.: Мат-лы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1960. Т.76. С.328-451.
- 1963
Гуревич Ф.Д. Норманнский могильник у деревни Вишнёво // СС. 1963. №6. С.197-209.
- 1966
Гуревич Ф.Д. Прибалтийский импорт в Понеманье X-XIII вв. // Pronsõijast varase feodalismiini. Tallinn, 1966.
- 1970
Долуханов П.М., Тимофеев В.И. Исследования поселения Цедмар Д // АО-1969. М., 1970. С.13-14.
- 1973
Римантене Р. Неолит Литвы и Калининградской области // Этнокультурная общность лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита: Мат-лы и исследования по археологии СССР. Л., 1973. №172. С.218-225.
- 1974
Тимофеев В.И. Раскопки неолитических стоянок в Калининградской области и в Приладожье // АО-1973. М., 1974. С.81-82.
- 1975
Долуханов П.М., Левковская Г.М., Тимофеев В.И. Стоянка Цедмар Д в Калининградской области // КСИИМК. 1975. Вып.141. С.76-83.
Кулаков В.И. Работы Балтийского отряда // АО-1974. М., 1975. С.22.
Седов В.В. Жилища юго-восточной Прибалтики (I – начало II тыс. н.э.) // Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975.
- 1973
Международный конгресс славянской археологии, Берлин: Тез. докл. сов. делегации. М., 1970.

¹ Дементьев Илья Олегович – ассистент кафедры зарубежной истории и международных отношений Калининградского государственного университета.

² Библиография содержит 180 работ. Составитель выражает благодарность за предоставленные сведения А.А.Валуеву, М.Г.Гусакову, Э.Б.Зальцману, В.И.Кулакову и В.И.Тимофееву.

Тимофеев В.И. К вопросу о временных различиях некоторых памятников раннего неолита Восточной Прибалтики // КСИА. М., 1975. Вып.141. С.18-25.

Тимофеев В.И. Работы Калининградского неолитического отряда // АО-1974. М., 1975. С.40-41.

1976

Кулаков В.И. Исследования в Калининградской области // АО-1975. М., 1976. С.26-27.

Тимофеев В.И. Раскопки неолитических стоянок в Калининградской области // АО-1975. М., 1976. С.45-46.

1977

Кулаков В.И. Итоги изучения древностей пруссов // Проблемы этнической истории балтов. Рига, 1977. С.43-44.

Тимофеев В.И. К вопросу о начале неолита на территории Восточной Прибалтики // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л., 1977. С.76-81.

Тимофеев В.И. Новые исследования поселения Цедмар А в Калининградской области // АО-1976. М., 1977. С.35-36.

1978

Гуревич Ф.Д. Скандинавская колония на территории древних пруссов // СС. 1978. №23. С.167-173.

Кулаков В.И. Исследования в окрестностях г. Зеленоградска // АО-1977. М., 1978. С.18-20.

Кулаков В.И. Работы Балтийского отряда // АО-1976. М., 1978. С.22.

Тимофеев В.И. Новые данные по хронологии неолита Юго-Восточной Прибалтики // Памятники эпохи неолита. КСИА. М., 1978. Вып.153. С.34-37.

Тимофеев В.И. Новые исследования поселений Цедмарского торфяника // АО-1977. М., 1978. С.40-41.

1979

Кулаков В.И. Работы в земле пруссов // АО-1978. М., 1979. С.19-20.

Кулаков В.И. К вопросу о прусско-скандинавских контактах в эпоху средневековья // VIII ВКИСФ.

Тимофеев В.И. Памятники каменного века восточной части Калининградской области // Памятники первобытной культуры. КСИА. М., 1979. Вып.157. С.61-69.

1980

Кулаков В.И. Работы на побережье юго-восточной Прибалтики // АО-1979. М., 1980. С.15.

Кулаков В.И. Результаты раскопок грунтового могильника у посёлка Клишцовка в 1977 году // Acta Baltico-Slavica. 1980. Т. 13. С.213-244.

Кулаков В.И. Ритуальный комплекс в могильнике у Клишцовки // КСИА. М., 1980. Вып. 160. С.87-92.

Таутовичюс А.З. Балтские племена на территории Литвы в I тысячелетии н.э. // Из древнейшей истории балтских народов по данным археологии и антропологии. Рига, 1980.

Тимофеев В.И. Неолитические памятники Калининградской области и их место в неолите Прибалтики: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1980. 19 с.

1981

Кулаков В.И. Исследования в Калининградской обл. // АО-1980. М., 1981. С.17-18.

- Левковская Г.М., Марков Ю.Н., Свезицков Ю.С., Тимофеев В.П., Чайхорская Е.Н.* Новые данные по абсолютной хронологии археологических памятников Юго-Восточной Прибалтики // Изотопные и геохимические методы в биологии, геологии и археологии. Тарту, 1981. С.158-161.
- Тимофеев В.П.* Изделия из кости и рога неолитической стоянки Цедмар (Серово) Д // КСИА. М., 1981. Вып.165. С.115-119.
- Тимофеев В.П., Филиппов А.К.* Три изделия из рога северного оленя, найденные в Юго-Восточной Прибалтике // СА. 1981. №2. С.251-255.
- 1982
- Кулаков В.П.* Древности пруссов VI-XIII вв. (по данным погребальных памятников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1982. 25 с.
- Кулаков В.П.* Исследования в юго-восточной Прибалтике // АО-1981. М., 1982. С.22-23.
- Кулаков В.П.* Семантика оружия пруссов // IX ВКИСФ. Тарту, 1982. С.186-187.
- 1983
- Кулаков В.П.* Связи пруссов с населением Среднего Подунавья в VI-VIII вв. // Прибалтика и её соседи в период раннего средневековья: Региональная конф. молодых археологов. Таллин, 1983.
- Тимофеев В.П.* Мезолитические памятники в нижнем течении р. Шешупе (Калининградская обл.) // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л., 1983. С.27-35.
- Тимофеев В.П.* Неолитическая керамика стоянки Утиное болото 1 (Калининградская область) // КСИА. М., 1983. Вып. 173. С.103-108.
- Тимофеев В.П.* Новые памятники каменного века в Калининградской области // АО-1981. М., 1983. С.39-40.
- 1984
- Кулаков В.П.* Работы Балтийской экспедиции // АО-1982. М., 1984. С.15-16.
- Суворов В.С.* К проблеме классификации городищ Восточной Прибалтики // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984.
- 1985
- Абрамова Т.А., Жиндаев Л.А., Кулаков В.П.* Палеогеографическая ситуация раннего средневековья юго-восточной Прибалтики // Рельеф и климат. М., 1985. С.167-172.
- Гулаков М.Г., Кулаков В.П., Попова В.М.* Работы в окрестностях г. Пионерский // АО-1985. М., 1986.
- Гулаков М.Г.* Работы Западного отряда Балтийской экспедиции // АО-1985. М., 1986.
- Кулаков В.П.* Ирзикапинис. Результаты раскопок 1977-1984 гг. // Всесоюз. археологическая конф. «Достижения советской археологии в XI пятилетке». Баку, 1985. С.203-205.
- Кулаков В.П.* Памятники археологии древней Самбии // Археологические памятники европейской части РСФСР. М., 1985. С.82-92.
- Кулаков В.П.* Погребальный обряд пруссов, скальвов и ламатов в VIII-XII вв. // Конф. «Балтославянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд». М., 1985. С.53-54.
- Кулаков В.П.* Пруссы и восточные славяне // Тез. сов. делегации на V Междунар. конгрессе славянской археологии. М., 1985. С.130.
- Кулаков В.П.* Работы Балтийской экспедиции // АО-1983. М., 1985. С.17-18.

Проблемы этнической истории балтов. Рига, 1985 [Седов В.В. Ранняя этническая история балтов. С.92-95; Кулаков В.И. «Прусские земли» в свете археологии. С.170-172].

Суворов В.С. История Юго-Восточной Прибалтики в VI-XIII вв. (племена пруссов по материалам Калининградской области): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985. 22 с.

1986

Кулаков В.И. Начало дружины пруссов // X ВКИСФ. М., 1986. Ч. I. С.189-191.

Кулаков В.И. Работы в Калининградской обл. // АО-1984. М., 1986.

Кулаков В.И. Степные reminiscences у раннесредневековых семблов // Волжская Булгария и Русь. Казань, 1986. С.139-148.

1987

Гусаков М.Г., Кулаков В.И., Потова В.М. Работы в окрестностях г. Пионерский // АО-1985. М., 1987. С.9-10.

Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. М., 1987 [Кулаков В.И. Пруссы на пороге средневековья. С.139-140; Смирнова М.Е. Декор круглых фибул западных балтов. С.236-237; Тимофеев В.И. К проблеме связей в неолите Балтийского региона. С.249-250].

Кулаков В.И. Земля пруссов и «пруссские земли» // Балто-славянские исследования 1985 г. М., 1987. С.95-101.

Кулаков В.И. Ирзекапинис. Погребальный обряд // Религиозные представления в первобытном обществе. М., 1987. С.221-225.

Кулаков В.И. Пруссы, авары и анты: конфликт 675-700 гг. // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1987. С.172-174.

Кулаков В.И. Пруссы и восточные славяне // Труды V Международного конгресса славянской археологии. М., 1987. Т. 3. Вып. 1а. С.116-124.

Кулаков В.И. Работы в Калининградской области // АО-1985. М., 1987. С.16-17.

Кулаков В.И. Тюрки и западные балты // Проблемы археологии степной Евразии. Кемерово, 1987. Ч.2. С.95-101.

Кулаков В.И., Толмачёва М.М. Технология изготовления копей пруссов (по данным могильника Ирзекапинис) // КСИА. М., 1987. Вып. 190. С.94-101.

Седов В.В. Балты // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С.353-419.

1988

Кулаков В.И. Дружинные элементы в могильниках пруссов VII – начала XI в. // Археологические памятники европейской части РСФСР. М., 1988. С.119-145.

Кулаков В.И. Ирзекапинис и Шестовицы // Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX-XIII вв.». Чернигов, 1988. С.70-71.

Кулаков В.И. Ирзекапинис: 23 апреля 997 г. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1988. С.134-137.

Кулаков В.И. Птица-хищник и птица-жертва в символах и эмблемах IX-XI вв. // СА. 1988. №3. С.115-117.

1989

Жулик В.В. Территория и особенности социальной структуры южнокуршских земель в IX-XII вв.: Археологические данные // КСИА. М., 1989. Вып. 198. С.21-27.

Зайцева Г.И., Тимофеев В.И. Результаты радиоуглеродного датирования археологических памятников эпох неолита и раннего

- металла Ленинградской и Калининградской областей // Геохронологические и изотопно-геохимические исследования в Прибалтике и Белоруссии. Вильнюс, 1989. С.37-38.
- Кулаков В.И. Видиварии и Витланда // XI ВКИСФ. М., 1989. С.168-170.
- Кулаков В.И. Гереальдика пруссов и генеалогические корни родов, возводимых в России к выходцам «из прус» // Генеалогия: Источники. Проблемы. Методы исследования. М., 1989. С.7-8.
- Кулаков В.И. Кауп // Становление европейского средневекового города. М., 1989. С.80-106.
- Кулаков В.И. Ладьи Ирзекапинниса // Тез. докл. науч.-практ. конф., посвящённой 10-летию Морского музея и Аквариума. Клайпеда, 1989. С.92-97.
- Кулаков В.И. Погребения военачальников прусской дружины // КСИА. Вып. 198. М., 1989. С.35-44.
- Кулаков В.И. Знамена дружин Балтийского региона // СА. 1989. №4. С.61-70.
- Тимофеев В.И. [Раздел о мезолитических памятниках Калининградской области] // Гурина Н.Н. Мезолит Литвы и Белоруссии // Мезолит СССР. М., 1989. С.56.
- Vakarų baltu archeologija ir istorija. Klaipėda, 1989 [Кулаков В.И. Этапы истории пруссов V-XII вв. С.34-41; Гусаков М.Г. Святылище – археологический феномен. Проблема исторической реконструкции. С.116-123; Смирнова М.Е. Структура святилищ раннесредневековых пруссов].
- 1990
- Исследования в области балтославянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990 [Кулаков В.И. Погребальный обряд пруссов в эпоху раннего средневековья. С.182-196; Урбанавичюс В. Погребение в озере Обеляй. С.196-201].
- Кулаков В.И. Древности пруссов VI-XIII вв. Свод археологических источников. М.: Наука, 1990. Вып. Г 1-9. 106 с.
- Кулаков В.И. «Звериноголовые» фибулы балтов (V-VII вв.) // СА. 1990. № 2. С.204-215.
- Кулаков В.И. Ирзекапинис и Шестовицы // Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990. С.111-116.
- Кулаков В.И. Могильники западной части Мазурского Поозёрья конца V – начала VIII вв. (по материалам раскопок 1878-1938 гг.) // Barbaricum-1989. Warszawa, 1990. С.148-273.
- Кулаков В.И. Поселенческая ситуация в Самбии II-XIII вв. // Проблемы изучения древних поселений в археологии (социологический аспект). М., 1990. С.69-85.
- Кулаков В.И. Священная эмблема пруссов // Вестник геральдиста. 1990. №2. С.5.
- Кулаков В.И. Хронология пруссов VI-XIII вв. (по материалам могильника Суворово) // Istorija. Vilnius, 1990. T. 31. С.3-19.
- 1991
- Гусаков М.Г. Эпоха латена на территории Калининградской обл. // Тез. докл. науч.-практ. конф. Калининград, 1991.
- Зайцева Г.И., Тимофеев В.И. Результаты радиоуглеродного датирования археологических памятников эпох неолита и раннего металла Ленинградской и Калининградской областей // Геохронологические и изотопно-геохимические исследования в четвертичной геологии и археологии. Вильнюс, 1991. С.123-130.

Кулаков В.И. Тюрки на Балтике // Материалы по археологии Калмыкии. Элиста, 1991. С.137-148.

Тимофеев В.И. Некоторые данные о рыболовстве в каменном веке (по материалам современной Калининградской области) // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. Л., 1991. С.91-95.

1992

Гулаков М.Г. Раскопки могильника поморской культуры у с. Покровское (Калининградская область). Клайпеда, 1992.

Кулаков В.И. Забытая история пруссов. Калининград, 1992.

Кулаков В.И. Конское снаряжение пруссов X-XI вв. (проблема относительной хронологии деталей оголовья) // Lietuvos archeologija. Vilnius, 1992. T.9. С.137-143.

Кулаков В.И. Нумизматические находки VIII-XIV вв. в земле пруссов // Насельніцтва Беларусі і сумежных тэрыторый у эпоху жалеза. Менск, 1992. С.67-70.

Тимофеев В.И. Исследования неолитических поселений в Калининградской области // Konferencijos «Pabaltijo gyvenvietes nuo seniausiu laiku iki XIV amžiaus». Vilnius, 1992. S.14-17.

Vakarų baltų istorija ir kultura. Klaipėda, 1992 [Кулаков В.И., Тимофеев В.И. Очерк археологии Калининградской области. С.5-34; Смирнова М.Е. Городище Куликово. С.81-92; Кулаков В.И., Валугев А.А. Новые находки на Каупе. С.98-103].

1993

Зайцева Г.И., Посснерт Г., Тимофеев В.И. Первые «акселерированные» радиоуглеродные даты для неолитической керамики Восточной Прибалтики // Памятники древних

культур лесной полосы Евразии. Петрозаводск, 1993. С.61-68.

Кулаков В.И. Прусская дружина и Русь // Восточная Европа в древности и средневековья. Спорные проблемы истории. М., 1993. С.43-46.

Кулаков В.И. Культовое оружие балтов и славян X-XII вв. // Slavica Antiqua. Roznař, 1993. T. 30. С.115-130.

Кулаков В.И. Северная Самбия: апрель 1997 года // КСИА. М., 1993. Вып.210. С.37-44.

Кулаков В.И. Социальная структура могильника Ирзекашнис // Социальная дифференциация общества (поиски археологических критериев). М., 1993. С.106-118.

Кулаков В.И. Трусо и Кауп // XII Конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. М., 1993. С.124-126.

Кулаков В.И. Элементы письменной культуры населения земан пруссов // КСИА. М., 1993. Вып. 208. С.104-109.

1994

Кулаков В.И. «Гора Великанов». Раскопки 1992 г. // Barbaricum. Warszawa, 1994. T. 3. С.47-61.

Кулаков В.И. Пруссy (V-XIII вв.). М., 1994. 208 с.

Кулаков В.И. Юбилей прусской археологии // Археологический бюллетень. 1994. № 4. С.1-9.

1995

Кулаков В.И. Работы Балтийской экспедиции // АО-1994. М., 1995. С.46-47.

Кулаков В.И. Археологический перипл Куршского залива // Изучение памятников морской археологии. СПб., 1995. Вып. 2. С.86-98.

Кулаков В.И. Прусская дружина в V-XII вв. // Элита и этнос средневековья. М., 1995. С.105-112.

Кулаков В.И., Валуев А.А. Veluva (Alt-Wehlau): языческий могильник в христианской Надравии // Восточная Европа в древности и средневековье: Язычество, христианство, церковь. Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В.Т.Папуто: Тез. докл. М., 1995. С. 29-33.

1996

Жиндафев А.А., Кулаков В.И. Уровненный режим Балтийского моря в голоцене // Изв. РАН. Сер. Географ. 1996. № 5. С. 55-66.

Кулаков В.И. Археологические исследования в ареале западных балтов // РА. 1996. № 4. С. 207-214.

Кулаков В.И. Исследования фундамента Королевского Замка в центре современного г. Калининграда // АО-1995. М., 1996. С.58.

Кулаков В.И. Трусо и Кауп (протогородские центры в земле пруссов) // РА. 1996. № 3. С.134-147.

Кулаков В.И. Что мы знаем о древних пруссах // Восточная Пруссия. С древнейших времён до конца Второй мировой войны: Ист. очерки. Документы. Материалы. Калининград, 1996. С.5-76.

Тимофеев В.И. Памятники типа Цедмар // Неолит Северной Евразии. М., 1996. С.162-166.

1997

Валуев А.А. Раскопки грунтового могильника Альт-Велау в Калининградской области // АО-1996. М., 1997. С.27-29.

Зальцман Э.Б. Раскопки поселения Прибрежное // АО-1996. М., 1997. С.38-39.

Кулаков В.И. Варникам. Древности прусских вождей // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 1997. №12. С.143-171.

Кулаков В.И. Древние пруссы: облик исчезнувшего народа // Терра Инкогнита. 1997. №7. С.36-37.

Кулаков В.И. Прусский «обол Харона» // Пятая Всерос. нумизматическая конф. М., 1997. С.59-61.

Кулаков В.И. Работы Балтийской экспедиции // АО-1996. М., 1997. С.45-46.

Кулаков В.И. Эстии и видиварии // Балто-славянские исследования 1988-1996. М., 1997. С. 359-372.

Кулаков В.И. Раскопки в Арнау // Avstrvegr. 1997. № 3. С.40.

Кулаков В.И. Аустравия // Родина. 1997. № 2. С.26-30.

Кулаков В.И., Скворцов К.Н. Раскопки в Кляйн Хайде в Калининградской области // АО-1996. М., 1997. С.46-47.

Международная конференция «Каменный век Европейских равнин»: Тез. докл. Сергиев Посад, 1997. [Тимофеев В.И. Цедмарская культура второй половины раннего неолита Юго-Восточной Прибалтики: особенности структуры поселений и костяногоровая индустрия. С.72-73; Тимофеев В.И., Чайкина А.Г. О структуре неолитического торфяникового поселения Утинное Болото 1 в Калининградской области (восточное скопление). С.73-74].

Тимофеев В.И. Проблемы взаимодействия неолитических культур в Юго-Восточной Прибалтике // Развитие культуры в каменном веке: Тез. докл. СПб., 1997. С.119-120.

Vakarų baltai: etnogenezė ir etninė istorija. Vilnius, 1997 [Новиковский В. Земли над нижним Неманом и Самбийский полуостров в Римскую эпоху. С.99-107; Кулаков В.И. Истоки культуры пруссов.

С.109-121].

1998

Гулаков М.Г. Об одном фрагменте сообщения Вульфстана «о похоронах древних пруссов» (Некоторые заметки по поводу статьи В.Н. Топорова) // Балто-славянские исследования. М., 1998. С.271-279.

Зайцева Г.П., Посснерт Г., Тимофеев В.П. Радиоуглеродная хронология цедмарской неолитической культуры в Юго-Восточной Прибалтике // Археологические вести. СПб., 1998. Вып. 5. С.72-77.

Кулаков В.П. Балтийский путь викингов // Наука в России. 1998. №5. С.59-67.

Кулаков В.П. Зональный орнамент на сосудах малых форм из могильников Янтарного берега // 20 lat archeologii w Maslomuclu. Lublin, 1998. Т. 2. С.92-118.

Кулаков В.П. Майнцский регистр фибул из музеев Кёнигсберга // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 1998. №13. С.40-58.

Кулаков В.П. Ноібо. Междуречье Ильфинг и Фришинг в V в. // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 1998. № 13. С.98-119.

Суворов В.С. Древняя история края в исследованиях 1940-1960-х годов // Калининградские архивы: Мат-лы и исследования. Калининград, 1998. С.116-127.

Тимофеев В.П. Цедмарская культура в неолите Восточной Прибалтики // Тверской археологический сборник. Тверь, 1998. Вып. 3. С.273-280.

1999

Валуев А.А. Раскопки грунтового могильника Альт-Велау в Калининградской области // АО-1997. М., 1999. С.16-17.

Валуев А.А., Кулаков В.П. Тевтонский крест и бог Перкуно //

Наука в России. М., 1999. №6. С.80-85.

Ефремов А.А. Новации в культуре эстиев – результат миграций по Янтарному пути // XXX науч. конф. проф.-препод. сост., науч. сотр., аспирант. и студ. КГУ: Тез. докл. Калининград, 1999. Ч. 5. С.19.

Кулаков В.П. Древности Янтарного берега // Наука в России. 1999. № 2. С. 63-68.

Кулаков В.П. Ирзекапиннис // STRATUM plus. СПб.; Кишинёв; Одесса.1999. №5. С.211-273.

Кулаков В.П. Клад в Стегнах и гибель Трусо // Межславянские взаимоотношения и связи. Средние века – раннее Новое время. М., 1999. С.78-82.

Кулаков В.П. Тувангсте и Кёнигсберг // Slavia Antiqua. 1999. Т.40. С.215-233.

2000

Валуев А.А. Работы Калининградского отряда Балтийской экспедиции // АО-1998. М., 2000.

Валуев А.А., Скворцов К.Н., Кулаков В.П. Сокровища, возникшие из пепла // Наука в России. М., 2000. Вып. 4. С. 98-102. Ил., фотогр. [Об экспозиции Музея «Пруссия»].

Витязь С.П., Кулаков В.П., Медведев А.М. Эталонные археологические памятники и проблемы хронологии европейских древностей (I тысячелетие н.э.) // Вестник Фонда фундаментальных исследований. Минск, 2000. № 4. С. 5-18.

Зальцман Э.Б. Поселение Прибрежное – новый памятник приморской культуры в Юго-Восточной Прибалтике // Культурный слой: Сб. науч. тр. Калининград, 2000. Вып. 1. С. 36-45. Ил.: с. 46-58.

- Кулаков В.И. Археологические исследования в юго-восточной Балтии в 1933-1945 гг. // Калининградские архивы: Мат-лы и исследования. Калининград, 2000. Вып. 2. С.24-32.
- Кулаков В.И. Брактеаты из Лёбенихта // Восьмая Всерос. нумизматическая конф. М., 2000. С.93-95.
- Кулаков В.И. Дорогами Ульмеригви. Калининград, 2000. 281 с.
- Кулаков В.И. Интерпретация «курганных» погребений эстиев I-III вв. н.э. // Балто-славянские исследования 1998-1999. М., 2000. Вып. 14. С.372-389.
- Кулаков В.И. Святилище на могильнике Доллькайм // АО-1998. М., 2000. С.38-41.
- Кулаков В.И. Kauszele // Балты в древности и средневековье: языки, история, культура: Тез. междунар. науч. конф. памяти Э. Банёниса. М., 2000. С.31-33.
- Кулаков В.И., Скворцов К.Н. Клинки из Кляйнхайде // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 2000. №15. С.40-52.
- Кулаков В.И., Скворцов К.Н. Топорик из Варген (Ранговое оружие последних язычников Европы) // Slavia Antiqua. 2000. Т. 41. С.173-189.
- 2001
- Археологические открытия 2000 года. М.: Наука, 2001 [Валуев А.А. Работы Калининградского отряда Балтийской экспедиции; Кулаков В.И. Раскопки на Янтарном берегу]. Ефремов А.А. Лепная керамика прусских поселений // Проблемы источниковедения и историографии: Сб. науч. тр. Калининград: Изд-во КГУ, 2001. С.5-21.
- Зальцман Э.Б. Поселение приморской культуры Прибрежное // Прибрежный: прошлое, настоящее, будущее: Мат-лы науч.-практ. конф. Калининград: Изд-во КГУ, 2001. С.8-13.
- Пов О.В., Кулаков В.И. Наконечники ножен меча из кургана 174 могильника Кауп и с городища Франополь // КСИА. 2001. Вып. 211. С.77-84.
- Кулаков В.И. Археология Калининградской области // Археологическая карта России: Очерки археологии регионов. М., 2001. Кн.1. С.113-141.
- Кулаков В.И. Догерманская Пруссия – колыбель древних народов // География на рубеже веков: Сб. науч. тр., посвященный 30-летию образования географ. ф-та в КГУ. Калининград, 2001. С.113-119.
- Кулаков В.И., Валуев А.А. Европейские универсальные обереги VII-IX веков // КСИА. М., 2001. Вып. 212. С.17-23.
- Кулаков В.И. Новые скандинавские находки эпохи викингов в Юго-Восточной Балтии // XIV Конф. по изучению скандинавских стран и Финляндии. Архангельск, 2001. С.147-150.
- 2002
- Гулаков М.Г. Замок Георгенбург в Восточной Пруссии (XIII-XX вв.). Опыт историко-археологической реконструкции // Балто-славянские исследования. М., 2002.
- Ефремов А.А. Очерк по истории Кранца: К юбилею города. Калининград: ГП «КГТ», 2002. 132 с. Илл. (археологические раскопки в Зеленоградском районе: с. 8-21).
- Скворцов В.С. Давным-давно... // Очерки истории Восточной Пруссии / Г.В. Крепинин и др. Калининград: ФГУИПП «Янтарный сказ», 2002. С. 11-36. Илл.

Интернет-публикации (на 01.03.2003 г.)

Кулаков В.И. Памятники археологии Калининградской области [www.archaeology.ru/ONLINE/Kulakov/index.html]. *Статья размещена на сайте «Археология.РУ».*

Кулаков В.И. Археологические исследования в Юго-Восточной Балтии в 1933-1945 гг. [www.regiomons.nm.ru/INFO/index_pb.html]. *Статья размещена на сайте историко-культурного общества «Королевская гора».*

Принятые сокращения. АО – Археологические открытия; ВКПСФ – Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы скандинавских стран и Финляндии; КСИЛА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР (РАН); КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры (РАН); РА – Российская археология; СА – Советская археология; СС – Скандинавский сборник.

Агентство поддержки культурных инициатив «ТРАНЗИТ»

– Калининградская региональная молодёжная общественная организация, учреждённая на базе культурных программ Калининградской региональной молодёжной общественной организации «Центр «Молодёжь за свободу слова» и зарегистрированная в 2002 г.

Тел./факс (0112) 21 92 54

e-mail: ybardoun@yahoo.com

Руководитель агентства – Юлия Бардун

Агентство «Транзит»:

- консультирует руководителей организаций культуры по вопросам проектного менеджмента и фандрайзинга (на базе реализованного в 2000-2001 гг. проекта «Обновление культурной политики в Калининградской области», поддержанного Фондом Сороса);
- занимается мониторингом положения в области региональной культурной политики;
- совместно с Неолитическим отрядом Балтийской археологической экспедиции и школой №10 г. Калининграда проводит *Молодёжную археологическую экспедицию* в Прибрежном (спасательные раскопки неолитического поселения);
- совместно с театром танца «Инклюзья» организует ежегодный Международный фестиваль современного танца «Танц-транзит»;
- поддерживает с 2002 г. реализацию проекта «Откуда мы в Калининградской области?» (совместно с Ольштынским обществом аниматоров культуры на селе и Историко-культурным обществом «Королевская гора»);
- издаёт ежегодный сборник научных трудов по гуманитарным наукам «*Культурный слой*».

Научное издание

Серия «Terra Baltica»

ПРОБЛЕМЫ БАЛТИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Сборник научных трудов

Научный редактор Эдвин Борисович Зальцман

Редактор Н.Н. Мартынюк
Оформление серии – В.Ю. Курпаков

Подписано в печать 25.02.2003 г.
Бумага офсетная. Формат 60 x 90 1/16
Гарнитура «Гарамонд». Усл. печ. л. 8,1. Уч.-изд. л. 8,8.
Тираж 200 экз. Заказ 75

Издательство Калининградского государственного университета
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14